БАЙКАЛ

литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

издаётся с 1947 года

№ 4, 2026
июль–август Улан-Удэ 16+

Содержание

Проза и стихи

Юрий Невский 3 **Бурятский дым,** *роман*

Баир Дугаров 49 **Стихи о Байкале**

Майя Шереметева 52 **Байкал бывает нежным**, *стихи*

Ольга Аникина 56 **шум песок сияние**, *стихи*

Дмитрий Легеза 61 **В зашторенном тылу**, *стихи*

Юрий Орлицкий 65 **Раньше и теперь**, *стихи*

Дарья Суховей 72 **Волны вчера**,
12 шестистиший неодинаковых лет

Вячеслав Абашеев 76 **Жук на потолке,** *рассказ*

Светлана Анина 80 **Рассвет на Байкале**, *стихи*

Диана Яковлева 85 **Случайный взгляд**, *стихи*

История и краеведение

Николай Цыремпилов 88 **Крещение тайши Дымбилова.**
Взгляд на христианизацию бурят
сквозь призму одного уголовного дела

Геннадий Пиков 114 **Киданьский Ренессанс**

УДК 89
ББК 84 (2Рос=Буря) я5

Учредитель
ГАУ РБ «Издательский дом „Буряад үнэн“»

Директор — гл. редактор
Д. Н. Болотов

Редактор
Булат Аюшеев

Литературный редактор
Ольга Хандарова

Художественный редактор
Юрий Невский

Макет
Амгалан Ринчинэ

Вёрстка
Булат Аюшеев

Редакционная коллегия
Гун Аюрзана (Улан-Батор)
В. Б. Балдоржиев (Чита)
Г. Т. Башкуев (Улан-Удэ)
В. А. Берязев (Новосибирск)
Т. П. Григорьева (Улан-Удэ)
Л. С. Дампилова (Улан-Удэ)
Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)
С. С. Имихелова (Улан-Удэ)
А. Г. Румянцев (Москва)
А. Д. Улзытуев (Москва)
Н. Д. Хосомоев (Улан-Удэ)

Журнал выходит 6 раз в год

Адрес редакции и издателя:
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Каландаришвили, 23

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-57133 от 11 марта 2014 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Редакция знакомится
с письмами читателей, не вступая
в переписку.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов
несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать
с мнением редакции.

Б 183
© ГАУ РБ «Издательский дом
„Буряад үнэн“»

Проза и стихи

Юрий Невский

Детство и юность Юрия Невского прошли в Улан-Удэ. В 2001 году он окончил Высшие курсы Литературного института им. А. М. Горького. Рассказы публиковались в сборниках «Белая дорога», «Время покупать черные перстни», «Кровь польских королей». Автор романа «У почтальонов долгая память» (2009). Живет в Улан-Удэ.

Бурятский дым

роман

1

Тайга сжимала морозами дом, оставался лишь квадрат печной заслонки, пышущий малиновым жаром. Тайга катилась весенним шумом ручьёв, птичьим гомоном. Плескала розовым цветом багульника, врывалась в окна нарастающим гулом ветра, который раскачивал лохматые верхушки сосен и нагромождал грозовые тучи. Они наполняли сны жителей деревни Намхай рокотом ливня, зародившегося среди горных кряжей и вздымающего бесчисленные ручьи бурунными гривами.

«Основательно и непоколебимо стоит наша деревня Намхай», — думали её жители. И, правда, будто сама собой выросла деревня на берегах стремительной и своенравной реки Ташур: поднялись дома, обросли подворьем и огородами, пьют ключевую воду из-под земли их глубоко вросшие корни. Притулилась деревенька к хвойным бокам таёжных увалов, что, удаляясь, становились всё выше, напитываясь синевой от скалистых вершин хребта. Деревенские жители засыпали под рокоты ливней, под осенние вскрики потянувшихся на юг птичьих караванов, под бешеный напор ветров и метелей, в голос с которыми завывали волчьи стаи, метущие серыми хвостами снега по окраинам, взбивающие встревоженный лай собак.

В давние времена река Ташур — и названия своего не имевшая, конечно, — срывалась с утёсов, ворочала огромные камни, бугристо напрягая мускулы потока. Река ещё даже не проточила в каменном основании своё нынешнее русло.

И тогда на берега её пришли степные люди. Они кочевали в поисках новых земель, скрывались от бедствий, терзаемые междоусобицами.

Скальные утёсы, таёжная непролазь были непривычны для рождённых в степном приволье. Морозы свирепы, бури и ледяные ветра внезапны, комариный морок сводит с ума, зарядившие дожди идут бесконечно. Зато охота — всегда с добычей, рыба плещет на перекатах, щедрыми бывали лесные дары.

Но вскоре поняли пришедшие степняки: они вовсе здесь не хозяева. А у кого-то в гостях, однако. Находились заметные тропы, пообвалившиеся ямы-ловушки, разделанные костяки животных. На обширных полянах травы и заросли прибиты от пастьбы домашних оленей. Чернеют кострища, вдавлены бурые круги от стоявших жилищ, мертвецы захоронены на деревьях, на высоко устроенных помостах.

Хотя следов не так много встречалось, многое что заросло, многое что пропало само по себе. Ну были, может, какие люди, да укочевали куда-то. Сородичам не до того было. В зиму едва выжили: всё здесь другое, для лошадей и скота места неудобистые. Охотники уходили в дикие леса, лезли на крутые перевалы. Однако, не могли договориться, пересказать друг другу: кто в каком месте побывал, что там находится? В какой стороне, долго ли добираться? Всё вокруг было не названо.

Одни сородичи отправились в дальний переход: надо искать удобное место, чтобы становиться надолго. Много сил потеряли, блуждая по глухомани. Впереди, сменяя друг друга, самые выносливые охотники прорубали густую чащобу. Вдруг услышали резкий, гулкий звук… Лесная чаща отозвалась отдалённым, затихающим вдали эхом. Это было неожиданно, все встревожились! Вскоре вышли на безлесую пустошь. Охотник, он первым далеко ушёл вперёд, держал в руках бубен. Он-то в него и ударил, только что. Что за бубен, зачем ударил?

Бубен с туго натянутой, потемневшей оленьей кожей, весь в рисунках. С обратной стороны, если отвернуть краешек, видно, что кожа первоначально белая. В середине нанесена вроде как стрела — но, может быть, ёлка с двумя ветками. Сверху какая-то птица — похоже, что скелет птицы с коряво растопыренными крыльями. Ниже, по обе стороны от стрелы-ёлки, два человечка. Из чёрточек составленные, с кружочками голов. Две большие полуизогнувшиеся рыбы охватили рисунок. Вокруг рыб непонятные знаки, словно крохотные птички истоптали, оставили трёхпалые следы. Можно разобрать фигурки, которые чередой идут по краю. Конь, олень, кабан, змея, мышь, бык, петух, собака…

— Я прошёл дальше, — сказал охотник, — там сосна, она расходится на три ствола. Вверху устроен помост из жердей, это захоронение. Над ним кружили коршуны, драли добычу. Один коршун отобрал что-то, схватил и полетел. Я резко свистнул, как в степи подзываю своего скакуна, — от испуга он бубен и обронил.

— Это захоронение, и там бубен, — сказал один старый и мудрый степняк.

— Шаман, однако, захоронен со своим шаманским бубном. Плохой знак. Бубен ушедшего шамана. Зря ты поднял его, да ещё ударил… Беду только накличешь!

— В степи были такие законы, — возразил охотник. — А здесь — всё другое. Мы не знаем, что вокруг, где находимся. Что за неизвестные люди были здесь? Если будем тащить за собой прошлую степь, как обживёмся на новом месте?

Все подумали, верно говорит мудрый старик. Однако, и у охотника своя правда. Он прорубался впереди весь путь, сколько поклажи нёс. Перевит мускулами, глаз его меток, в охоте неутомим. С женой они оставят потомство, продолжат род. Слушать ли уважаемого, но изможднного от дальних странствий старца?

Все устали, сбросили тюки, повалились без сил. Понизу журчал ручей. Надо бы набрать воды да огонь развести, накипятить чаю, мясо вяленое поесть. Никто не мог стронуться с места. Даже мысли были усталые, тревога от безмерного леса раздирала когтями.

Охотник крепко держал бубен, будто кто хотел отобрать его. Он примерился, вдохнул побольше… И ударил ладонью! Так ударил — и эдак. В бубне будто ожили обступившие горы, катящие к ним волны буреломных увалов. Голос бубна был грозный и рокочущий, эхо отозвалось, покатилось возгласами. У сородичей отлегло от сердца! Словно кто звал их, растерянных и испуганных, идти без робости, взобраться на кручи, сверху увидеть неизведанные земли.

Охотник вошёл в ритм, притоптывал, раскачивался, как от ветра, только ему ощутимого. В рокочущих ударах по натянутой коже слышался посвист стрел, топот тысячных конниц по жарким барабанам степей, скрежет мечей в битвах и крики умирающих, разящий полет беркута, завывание волков в стылом космосе ночей.

У степняков прошёл страх перед неизвестным, они ободрились, появилась решимость. И огонь запылал, и чаю напились, и поели, что было. Стали подниматься к вершинам хребта, где белоголовые старцы вечно курят свои трубки, окутываясь космами туманов.

В одной просторной лощине увидели почти что тёмно-синие ковры, это была черника. И назвали лощину — Черничная. В другой долинке было много голубики, всё в голубоватых переливах. Будет — Голубичной. Следующая падь вся покрыта брусникой: ярко-красная да спелая. Брусничная, однако. Так всё запомнили.

Когда переходили вброд бурную реку, то на камне грелась свернувшаяся змея. Тоже знак, видно. Бежит дальше река, но уже — Змея-река. Над высоким перевалом кружил орёл. Над Орлиным, стало быть, перевалом. Сошли вниз, а там озеро раскинулось, по берегам сосновый бор. Чуткие олени паслись на поляне. На поляне возле не просто озера, а Олень-озера теперь. И опять шли вверх, там ждал их Кабан-перевал: следами кабанов всё было истоптано. По Изюбрь-ущелью, через Заяц-ручей и Волк-бурелом, выбрались к богатому Медведь-лесу.

Порой становилось не по себе от глухомани, от тяжело нависших утёсов, которые стражами преграждали путь… А то начинали спорить, ругаться между

собой: идти ли им дальше, и где верное направление? Может, лучше остановиться, повернуть назад?.. Тогда ударяли в бубен, ритм звучал вровень с биением сердец. Страхи отступали, отброшенные прочь. Сородичи становились в круг, брались за руки, передавая друг другу силу и тепло. Притоптывали и приплясывали в такт, наполняясь надеждой, что отступить им никак нельзя.

Теперь они знали, где набрать черники, в какой лощине. Где перед горной грядой, которую назвали Ореховая, склоны с высокими кедрами, богатыми шишкой. Как дойти до Змея-реки, выйти к Олень-озеру, наловить рыбы. И охотник мог рассказать: я был вот в таком месте, там хорошие угодья!

Не так страшно стало уходить надолго, дебри вокруг уже не пугали, они почти как родственники, ведь у них есть имена. И степные привольные духи понемногу освоились, прижились на новом месте. Нет, не сроднились, конечно, с духами-охранителями горно-таёжного края… Но стали жить по-соседски, раз такое дело.

Через какое-то время, степняки повстречали медноликих лесных людей. Они словно проявлялись из таёжной чащобы, из густого комариного зуда. А могли и зверем каким оборотиться и непонятным, внушающим ужас существом. Так же беззвучно исчезали. Сородичи были поражены, что и говорить! Но когда попривыкли, то смирились. Да, появились откуда-то… Но они и раньше здесь кочевали, следы их встречались. Хотя была тревога: вдруг потребуют вернуть свой бубен? Или нападут, прогонят со своих земель?!

Иногда охотник в чащобе, утомившись, повесит суму свою на сучок, присядет отдохнуть, ноги гудящие вытянет. Вдруг, протянув нарастающий шелест, чиркнет оперённая стрела с костяным жалом! Так ловко, что сучок срежет как раз. Сума свалится прямо на голову! Промысловик подскочит, потом смертельным его обдаст. Ну всё, паря, пропал! Оружие наизготовку — обороняться, нож тут же, чтоб сподручнее. За так жизнь свою не отдаст, не на того напали! Но тянется время… Птичий гомон повсюду играет, резвые солнечные пятна бегут по листве. Да что это, кто-то побаловаться решил, меткость свою показать? Где? — что возникнет? — кто крадётся? Так и есть: шорох по веткам, мелькнула серая тень. Волк вышел из-за дерева! Весь насторожён, шерсть на холке вздыбил. А в зубах у него та самая стрела оперённая. Для хозяина своего подобрал? Х-хэк! — и маханул в два прыжка до чащи, и скрылся, нет его. Но послышался будто… рассыпался, показался вдали? — перелив звонкого смеха.

Такое вот примерно случалось. А в общем, лесные жители не проявляли интерес. Увидеть их можно было — и то очень редко, издалека, в одно мгновение. Будто они чувствуют движение, задолго уходят со стоянок. Даже если кто шёл или только задумался идти в их сторону.

Лица у них рыжеватые, суженные книзу, будто лисьи, а глаза раскосые. Это были дети леса. Легкоступающие, так что ни одна ветка, ни сучок не хрустнет; говорящие на одном языке со звериным народом, щебечущие и подражающие птицам на разные голоса. Они кочевали со своими оленьими стадами

по извечному кругу. Их круговращение — то, как сменяли пастбища и места охоты, переходя на новые, в таком-то порядке, через столько-то лет, — происходило, будто кто закрутил в них пружину. Бесконечно странствуя, лесовики эти, видно, стачивались от хождений, становясь всё меньше и меньше. Спираль из круговых маршрутов, всё более сужающихся, сжималась к какой-то неведомой точке, что в самой середине. Кое-где остались от них на деревьях метки-затеси. И стёсаны они — если проследить, что стёсаны одни раньше, другие позже и третьи ещё позднее — всё ниже по сравнению с первоначальной отметкой. Как бы ребёнок прижал ладошку и оставил след, уходя. А то, может, возвращаясь в изначальную утробу великой матери-тайги? Но следить такие затеси — лучше не надо. Кто встретит их, и пойдёт, им следуя, — пропадёт, сгинет в беспросветных дебрях.

Выживать сородичам трудно приходилось. Когда обожмут свирепые морозы, то без припасов бедовали. Дошло до того, что однажды, в жестокую бескормицу, содрали с бубна оленью кожу… Варили её, давали детям жевать полоски, чтобы уж совсем от голода не помёрли. Фигурки животных, большие рыбы, стрела и человечки, птица над ними… если и изрезали подведённые животы, то и в память врезались горьким духом беды — оленьим духом и таёжным. Но врезались всего лишь одному мальчишке, который выжил.

Сильно степняков поразметало и повыбило. Годы моровые, неурожайные. А то пожары от гроз… Зверь тогда пропадал, бежал от огня куда подальше. Многие сородичи откочевали в поисках жизни хоть какой, лишь бы пропитаться. А кому ничего не оставалось… Пришлось переродиться в таёжников. Кровь у них стала брусничною, голубичною и черничною, быстрее побежала — наперегонки с бурлящими в ущельях речками.

Но степь свою помнили. Будто степь травами благоуханными, небесным привольем, скользящим в нём беркутом сохранена в туеске-шкатулке. А если высыпать травки и поджечь… То завьются сказки и предания, давние легенды: услада детям и внукам, старикам спокойствие. И возвращались тогда таёжники на свою давнюю степную прародину — беркутом в полёте, во снах — будто наяву.

Приходили другие звероловы, другого рода и племени. Ставили шалаши, корьём крытые, мастерили лабазы, устраивали коптильни да сушильни, отрывали землянки на первую пору, а там и зимовья рубили. И фартовые бывали среди них, и бесталанные, и горя помыкавшие. Молились они, видно, батюшке пеньку да матушке берёзе. Хотя на том же пеньке могли голову срубить своему же товарищу, если что не так пошло между ними. А то на берёзовом суку верёвку спроворить, в петлю полезть. Себе уж лучше горло передавить, чтобы не захлебнуться от подступившей тоски… А она — ещё безмернее будет, чем вся эта чёртова тайга обступившая! Такие промеж них обычаи. Ни родства порой, ни имени своего не помнили, отца с матерью не почитали, нарушая Божій завет.

Многие беглые были с каторги. До самых костей, выстуженных ледяными просторами, въелась она. Но ведь кому и проклятущей была, а кому и заместо матери родной. И возвращаться бывало некуда и не к кому после долгих лет, отзвеневших кандалами метелей. Другим откупаться пришлось ради воли, бурым и невзрачным на вид самородным золотом. Перекочевало оно из мешочка, надёжно спрятанного на груди рядом с поблёкшим да не утратившим своей силы нательным крестом, в тайную шкатулку полицейского управителя этими глухими землями, отторженными от Божьего міра.

А у кого кровь жарко заиграла в жилах от колдовского взгляда красавицы. Таёжный тот взгляд, озёрный либо степной? Затянула тёмная ночь в её глазах… И дальние проблески в тучах, что предвещают грозу, и гнедой конь с каурым бок о бок распластались над травами. Топот копыт отдаётся в заколотившемся сердце! Летящий навстречу полынный ветер, горькая золотая пыльца, осевшая на коже, принесённая от сгоревших на солнце знамён, брошенных отступающим августом…

Слились кровяные артерии, что протянулись от рек на бескрайних русских равнинах, с множеством потоков, мчащихся по камням, бурлящих на перекатах, обрывающихся с круч седыми от водных брызг водопадами. Так и прикипело сердце к этому малому уголку, ставшему чем-то безмерным, что и во всё сердце не поместится.

У разных пришлых и осевших здесь по-разному было золотишко добыто, разными путями копился заветный, в крови и в поту намытый песок. Но пошёл слух, будто в этих местах самородки по рекам да ручьям всюду валяются. Кто об этом может быть сдуру, а то с пьяных глаз сболтнул? Или злоумышленно лживые сказки распускал, чтобы направить по ложному следу?.. И так могло быть и эдак. Но правильнее — это дельцы, которые капиталами ворочают, руку свою приложили. У них через компании, общества, ценные бумаги капиталы идут. Деньги акционеров они выманивают под то, от чего прибыль в будущем намечается. Ну, намечается или нет, трудно предсказать. План у этих дельцов был размазать те деньги по разным, будто бы начавшимся прибыльным делам. И себе с того жирный куш поиметь.

Ну, как-то было — артели старателей, по золоту рыскавшие в разных краях земли сибирской, прибыли сюда, зашли в тайгу. У них разведка поставлена, по пробам отслеживают золотоносную жилу. И другие появились — так себе золотоискатели, кто от нужды, кто от обстоятельств жизненных. Однако ватагами сбились, тоже побрели счастье пытать. Потом совсем уж какие-то с места сорвавшиеся, мало что в добыче понимающие потянулись. И за теми и за этими, за всеми следили те, у кого преступное в тёмных замыслах. Вы, мол, золотишко-то намывайте. А уж как обратно понесёте, мы вас поджидать будем!

Так что пришли на берега Ташура и старательные, и приблудные, в общем, люди. Пришли на берега, а оттуда, где есть броды через реку, по тропам конным, набитым, поднимались вверх, за перевалы. За хребтом раскрывались ладони долин, по ним извивались жизненные линии рек. Непредсказуемо извивались, ведь кто-то нашёл, может, на дальних берегах свою добычу, а для кого они

стали совсем уж дальними, с них никак не вернуться — там и остались. Потом землянки их находили... Полуобвалившаяся нора в склоне, просевшие древесины навалены, иван-чай всё охватил розовым цветением, будто слёзы льёт над последним пристанищем безвестного бродяги. И шурфы тоже — заросшие ямины-провалы. Ржавый клюв кирки на дне, от покорёженной тачки обломки, кости иногда человеческие, обглоданные и зверьём растащенные. Где и черепа валяются. То в колдобине спрятан, то в выротень закатился, то из-под узорчатого папоротника выглядывает. В которых дырка от пули посреди лба, которые наполовину дробью снесены: в упор, видно, был выстрел. Или в темени разруб от топора, от кирки или лопаты. А то череп отдельно, на пеньке, будто кому в назидание оставлен. Срублена была голова, костяк где-то неподалеку разбросан. Бывает, верёвка на суку с петлёй, а скелет под ней — оборвался. Может, кто сам от тоски безмерной удавился. Может, подельники пособили, чем-то им несчастный не угодил.

Куда вело их на этом пути, была ли эта судьба им предначертана, и они исполнили волю, данную от милости Божіей? Но ведь не только ради того, чтобы зажить в достатке, бросили всё?.. Кого позвало в опасное странствие и то чувство, что схоже с полётом, с избавлением от земной тяжбы. Когда наяву узнал, что будто и так было ведомо: в снах увидено, в крови записано, в сердечном ритме. Что за синими пиками опять синие пики, и горизонт отодвинулся дальше. А таёжный океан дышит под тобой, вздымается волнами. Бурые каменистые россыпи, тёмные куртины стланика. Чёрные извивы распадков, которыми вышит полог таежной мантии. Вся эта сила — весь безмерный простор! Прощальные лучи заходящего солнца подожгут багрянцем и золотом медовые стволы сосен, взбегая лучистыми рыжими белками к гудящим под ветром, лохматым кронам. Найдёт щемящая грусть, неизбывная тоска... Что всё это — краткий миг, который будет сожран всепоглощающей тьмой наступающей ночи. А её и не пережить, может быть, не выплыть.

Кто увидел в свой предсмертный миг именно эту картину? А не зловещий желтоватый отблеск в прищуренном взгляде варнака-верзилы, с топором подстерегшего да и вышедшего нежданно из-за лесины, не заигравшие бесноватые искорки в глазах сотоварища, уставившего вдруг в упор чёрную бездонь ружейного ствола?

Но как бы ни было, корчевалось от берега Ташура всё глубже в тайгу вековое неудобье. Падали под топорами и пилами медноствольные мачтовые сосны. Венец за венцом были уложены эти «мачты» в основания крепких изб. И вот поплыли дома в туманах, в седой морозной дымке. Закурчавился дым из труб, затеплились окна, завизжал санный полоз, заскрипела тележная ось.

Первоначально тому, кто первым, устав от бродяжьей жизни, надумал поставить дом основательно, видно, подумалось: «Вон тайга прям со всех сторон. Ежли чо, уйду в бега. Отсижусь по распадкам да падям. Ружжо есть, заряды имеются. Сети наплетём, ловушки наставим. Ничё, не пропадём».

Охотникам-звероловам было сподручнее подниматься за перевалы, идти ещё дальше в погоне за зверем. Золотодобытчики сверху донизу прошерстили реки и речушки. Однако золотая жила-удача, как и заветная рыбка, исполняющая желания, лишь блеснула волшебными переливами. Скрылась от людей, будто её и не было.

Но всё же… Бывает, когда подкрадётся осень, зардеют листья малины и опадают, кружась, с тальников узкие листья, когда белые березы, засыпая, станут ронять на землю желтые пятаки листвы… Тогда, в утренние часы, с беспокойными прощальными криками полетят на юг караваны гусей. И где-то далеко над грядой взмоют кверху, теряя на какое-то время клинообразный строй. Но продолжат полёт колеблющимся полукружьем, постепенно превращаясь в призрачную, еле различимую глазом паутинку. И взглянет житель Намхая в небо, и защемит у него сердце непонятно от чего. Поманит его… в бега уйти, что ли? Вон же тайга — за огородом! Вечный зов неведомо куда, зачем? — тому и названья нет. Только та седая паутинка осядет на волосы — у кого незаметно пока, а кто прибавится к множеству таких же.

2

С тех пор, как помнил себя Цокто, всё вокруг — была тайга. Тайга густой шерсти большой собаки, в тёплый бок которой он уткнулся и толкает изо всех сил, упёршись на четвереньках, чтобы сдвинуть. Однако засыпает… И так же просыпается под боком чёрной и лохматой горы, дремлющей Чары. А вот она заиндевелая, в намёрзших сосульках, пляшет перед ним. Бросается всеми лапами, сбивает с ног, не знает, как выразить радость. Цоктошка, закутанный и неуклюжий, выкатился во двор. Розовый туман раннего морозного утра. Тащит своей любимице бадейку с тёплой похлёбкой. Или — чёрная гора коня, вздыхающего, будто вот сейчас заберёт в себя весь воздух! Гора склоняется к его ладони, на которой горбушка ржаного хлеба.

Тайга вымороженного жестяного белья, принесённого матерью с мороза, сваленного оттаивать у печки. Тайга стылых, заиндевелых стволов ружья, что согревается в сенях, источая кисловатый пороховой дух. Тайга вдавленных лунок в снегу, петли следов неведомых существ, приходивших ночью. В них какое-то послание, непрочитанное, незнаемое, но… В нём затаённая радость, что вот-вот — и узнаешь то, что принесено мгновенными размашистыми знаками в белое, сверкающее ослепление сна.

Две его сестры, как тайга. Их звонкий визг — и брызги, зависшие на мгновение опадающим блеском. Цокто окатил их из ковша ледяной водой у колодца. Они гонятся за ним, настигают, чтобы отхлестать прутьями. Но он знает почему-то, что никогда не догонят, что всё это будет длиться и длиться… Целое долгое жаркое лето. Хлещут по ногам стебли, колет песок, жаркий ветер обжигает тело.

Шумные, горячие, все такие разноцветные люди-тайга. Это были люди-праздники. На снежной скатерти румянятся колёса пирогов, духмяное отварное мясо, пласты строганины, горы брусники. Люди тяжко ухают, отплясывая, женщины взвизгивают. Какая-то их песня звонко ударяется об углы, отскакивает от блеска посуды, от начищенных боков пыхтящего самовара.

Или его старший брат Булат, тоже огромный. Пробираются с ним в тальниковых зарослях, в камышовом, волнующемся лесу, ноги по колено уходят в тёплое тесто вязкого ила, удочки, которые они вырезали, цепляются за ветви, перечёркивающие блеск реки, что совсем рядом, слышен плеск её струй, ровный гул течения.

Вот с братом идут по тропе, она скользит, змеится в травах. Уходит вниз, по распадку, а где поднимается на склон, огибает валуны у самого ручья, скатившиеся и загромоздившие русло. Дед Жамбал ведёт их в горловину ущелья, в дурманящий, терпкий дух травяного и лиственного настоя. Противоположный склон всё круче, надвигается ближе, суживается прогал неба, смыкаются верхушки сосен. В этом ущелье водопад, а под ним — горячие источники. Цепкие кустарники затягивают тропу, подминают под себя, путают в зарослях. Понизу упруго скачет ручей, плещет по камням, звенит на разные голоса; гул потока усиливается, отражённый эхом.

Чем ниже, тем труднее дышать, с головы до ног облепила испарина. Прыгали по камням, перелезали через рухнувшие стволы. Многие обломлены, а то срезаны в скол, обуглены ударом молнии. Пронёсшиеся бури нагромоздили завалы. Скальные клыки с розовыми и фиолетовыми прожилками. На крутые лбы камней, преграждающих путь, густо налеплен мох. Гудение насекомых, шорохи и вздохи, трепет листвы от пролетевшего и замершего ветерка. Неумолчный и завораживающий говор ручья, серебристая рябь на перекатах, водяные окна — углубления, чаши, заключенные в гранитные рёбра. Они вобрали в свои отражения весь мир ущелья…

О том, что водопад близко, говорил всё возрастающий гул. Ручейки с глянцевитыми отблесками разматывались, как чёрно-серебристые ленты, убыстряя свой бег. Подошли к створу: поток срывался с карниза, разбивался о скальные уступы. Внизу кипел под струями водобойный котел, образуя небольшое озерцо. Озерцо можно представить глазом дракона, свившего кольца каменных осыпей, скальных обнажений. Дракон стережет глубины ущелья и пожирает память у того, кто заглянет в его око, над которым преломляется радужная завеса из брызг.

Спускались непролазью, цепляясь за выступающие корни, тонкие стволы берёзок и осин. Внизу, объятые зарослями, — несколько каменных чаш; вокруг плотно сомкнулись валуны, облепленные понизу сероватой накипью. Вода в одной чаше была тёплой, в другой погорячее, в следующей — горячая, что едва можно терпеть. На небольшой полянке, было видно, что когда-то останавливались здесь, она выделяется. И трава в некоторых местах вроде как прибита, и деревца, и ветви от больших деревьев срублены, посередине ещё виден

чернеющий круг от костра. Там, где выступает вода, уложены короткие жердочки — замшелые, почти затянутые тепловатым илом. Подожгли дедовский сбор от комаров в плошке: они уж тут как тут и донимать стали. Дед выбрал удобное место, где хорошо посидеть. Парил ноги, только покряхтывал.

— А как ты пришёл в первый раз, на источник-то? Ты знал, что он здесь? Или сюда другие люди ходили… Они тебе сказали, да? — спросил Булат.

— Ну, как пришёл, — дед медлит с ответом. Надо подождать, чтобы умял табак в трубке и, пока не зажигая, стал потягивать её, чувствуя какой-то свой вкус. — Так-то пришли мы мало-помалу с дедом Юмжаном тогда ещё, помню. Такой же я был, как вы. Ну, постарше, может. Охотились здесь тоже, в этих местах. Тогда много, кто ходили. Дедушка Душей, дедушка Лудуп тоже. Ломота у кого в ногах, кто поясницу застудит, у всех-то одна беда. Давно ещё, тогда часто бывали. В горячей воде посидишь, так отпустит.

— А кто первым здесь побывал, он что… Набрёл на источники эти? Потом другим рассказал?

— Может, и так… Кто первый, кто не первый, как сказать? Тут ведь поначалу люди были. Лесные люди. Неприметные такие.

«Ну, — представляет Цокто, — это те, видно, кто легко ступали, беззвучно появлялись и исчезали в чаще. И говорили они на зверином языке. Лица их были, будто лисьи. Когда выходили на охоту, то над ними и коршун взлетал — он всё видел. Где изюбрь вышел на склон, где волчья стая завернулась вкруг косуль, что на выпасе гуляют. Как пройти по перевалам, тропу проложить, к оленям подняться, ведь лесные люди кочевали с ними по извечному кругу. В большой круг входили всё меньшие круги. И, поначалу неохватные взгляду даже коршуна, они сужались в круговые тропы, сходились в одну точку. Лесной народ с оленями так и затянуло в воронку, в земляную нору, под корневища столетнего кедра. Их отец — Лесной Царь — ждал их там».

— Так у них же мертвецы на деревьях висят! — Цокто делает своё замечание. — Они мертвецов на деревьях хоронили!

— Ох, паря, беда!.. Когда это было-то, никто уж не упомнит! Да, хоронили они. Но это в таких, в гиблых местах, в общем… Дурные места там, совсем дурные. Лучше и близко не подходить. Конь там пугается, не идёт, вот так упрётся, рвёт повод. Собаки аж присядут, завоют, жмутся друг к дружке. Плохие места. Так что от лесовиков этих, где помост у них, это указание, значит, такое. Что идти в ту сторону запрет, может что дурное приключиться. А лесовики эти, они напрямую не выходили к людям. Им это не надо. Однако разных подсказок от них много оставлено.

Булату же хочется по-другому вопрос повернуть:

— Так мертвецы ихние как слезут сверху! Где они там висят, на сосне. Давай за людьми гоняться. Вот места и плохие.

— Ээ-э, ну, это… Нет, так-то, нет, — деду Жамбалу и такой поворот интересен, есть о чём порассуждать. — Они всё по своим обрядам делали. А места почему дурные… Ну, дурные. Сами по себе.

— Но всё равно, — не отстаёт Булат, — другие мертвецы, значит, бегают. Которые не похороненные. В тайге пропали, или брошенные, или вообще как-то.

— Да как они бегают? — удивляется дед.

— Пристанут к людям и пакостят по-разному, вредят. Вот китайцы, говорят, которых убили и сожгли потом, они ночью выйдут к костру… Их не отличишь от живых!

— Ну уж, как загнёшь, так на кривой кобыле не объедешь!.. Про каких китайцев-то говоришь? Спиртоносы которые были?

— Да, они золото глотали, а потом их убивали и сжигали дотла, чтобы песок добыть.

— Ну, китайцы… Много кого колобродило, поди разбери, какого они роду-племени. Тут, однако… И других смерть настигла, брошенными остались. Стрелялись насмерть, то белые, то красные, то варнаки, не поймёшь какой масти. Такие места есть, что заходить боязно. Может, кто и бродит неприкаянный…

— А что источник здесь, это тоже они… ну, лесовики указали? — Цокто всё же интереснее про прежних лесных людей узнать что-нибудь.

— Хм… — дед Жамбал не спешит отвечать, нужно подумать хорошенько, вспомнить что-то своё, из прошлого. Укутывает ноги, чтобы посидеть, чтобы тепло «кости промяло». Пора, однако, и дровишек собирать, костёр развести, чаю наварить. Потом поесть что приготовить, ночёвкой заняться, вот уж темнеть скоро будет. Даёт указание мальчишкам, давайте-ка попроворнее гоношитесь! Но про вопрос не забывает, оставил его на потом:

— Ага, — как раз ответ у него подоспел, — здесь где-то у дедушки Юмжана… Да, это у него было, наверное… Сейчас уж не помню, как оно, по правде? Лесовик у него где-то спрятанный, живёт как бы здесь. Ну, как живёт. Охраняет всё, значит. Хондрогор такой, так его называют.

— Лесовик здесь есть?.. Он даже как бы живой, да? Его увидеть можно? — и Цокто, и Булат чувствуют, что настоящая тайна совсем рядом, где-то за деревьями прячется.

— Нет, ну… как живой? Так вроде не скажешь. Из деревяшки такой, выструганный, палочки приделаны, будто человечек, похоже. Юмжан его там, где-то в дупле оставлял, может. Не знаю, не найду сейчас, однако. А откуда он взялся, ну… Вроде был здесь всегда, может, его прежние люди и оставили. Дед на него наговоривал, на хондрогора, болит если что, то он ему всё расскажет, заговор такой лесной есть. На хондрогора потом всё переходит. И подносил ему: табачку даст, рис или ещё что. Так они вроде как дружили.

Ну да, конечно… Конечно они дружили! И Жамбал на самом деле так же с ним дружит, он хорошо знает, где хондрогор проживает, ведь он сам оттуда, из густого сплетения веток, из вечерней темноты, вот только она сгустится, так он нему и выйдет.

Когда Цокто хоть один ходил с дедом, хоть с братом, то всегда так бывало, что только до сумерек кое-как дотянешь — и тут же усталость навалится, на ходу в сон свалит. Не устоишь, утащит тут же. Однако, сквозь сон, если глаз

приоткрыть, то можно увидеть, что дед Жамбал не один у огня сидит, а кто-то с ним рядом… Огромный, весь из клубов дыма, из огненных искр и отблесков, из теней, которые хороводятся, отплясывают — то отбегают, то плотно сбиваются в кучу. Это тот, из леса. Это он вышел, подсел к огню тоже погреться, поговорить о чём-нибудь с дедом, подымить трубочкой. Очень большое это клубящееся существо — сплетёно из толстых и тёмных стволов, скреплёно жилами рек и ручьёв, бугрится мускулами, как горными кручами. Слышен их разговор: потрескивают угольки, дым шипит, обвивая ветки, и верхушки больших деревьев шумят, поддерживая беседу, и где-то близкая речка бормочет, играет на перекатах.

Так эта сила — сила огромного лесного существа — напитывает деда, он несёт её с собой, или… Может быть даже такое, что у этого здешнего хондрогора есть младший брат. Родственник какой-то, в общем. Ведь когда-то Жамбал взял его с собой — так один старичок надоумил, которого он спас, — и хондрогор-младший помог ему, когда на него бросились три… или нет, даже, говорят, пять свирепых волкодавов! Дед им сломал шеи одному за другим, прямо вот так, голыми руками. Перервал кроветворные жилы на шее, выпил кровь. При этом сам с каждым разом становился всё свирепее и свирепее. Дед Жамбал рассказывал, как будто не сам он это сделал, а кто-то как бы вышел из-за его спины — и порвал этих собак. Только это была такая ярость, что не помнит, словно ослеплён был, как всё происходило.

Это давно, конечно, произошло, в те времена был он лихой парень. И угнал… то есть выкрал свою Туяну из-под носа у богача Гомбо! У них свадьба уже, с этим богачом, за которого Туяну отдавали не по её воле. Родственники понаехали, двор полон, всё такое, что перед свадьбой. Тут Жамбал на гнедом скакуне перемахнул через тын, ворвался, подхватил девушку — и умчались они в степь быстрее ветра! До горного подъёма доскакали, надо было вверх по ручью, по камням уходить. В дальнем месте, обговорённом, друг Жамбала ждал заранее. Гнедого отогнали, пешком вверх давай идти.

Молодчики, которые у богача на службе, бросились за ними. Погоня вот-вот настигнет! Но там не пройдёшь сильно-то, не проскачешь. Пустили по следам огромных псов. Жамбал один остановился… И сломал шею монгольскому волкодаву, который догнал их! Вот такому, с телёнка ростом, свирепому. Потом ещё одного и другого. И так — всех.

Молодчики эти, что в погоне, перепугались до смерти! Думали, сам дъявол ночи — Харе — вселился в парня! Не-е, паря. Почесали свои репы и думают: Харе, однако! Надо восвояси бежать. В страхе попрыгали на коней, взвизгнули, гикнули, завертелись чёрной позёмкой, поскакали во всю прыть от гиблого места.

Жамбал с бабушкой Туяной убежали тогда. С Туяной — юной красавицей в те времена, конечно. Живут с тех пор долго и счастливо.

Сколько они с дедом Жамбалом облазили склонов обрывистых, буреломных горельников, каменистых плоскостин... Попробуй выследи этот гриб! Чойдоп — древесный гриб — на берёзах вырастает. Как чага, а различить можно по наплывам сверху, и шапка у него посветлее, вроде песочного цвета. Берёза в тайге больше по урочищам, повдоль речек, ближе к болотинам и по гребням хребтов, на открытых солнечных склонах.

Всегда с кем-то из братьев, с племянниками вместе ходили, ватагой. Черемшу брали, папоротник, потом ягода поспела, шишка налилась. С дедом Степаном, дедом Макаром, дядей Доржо на охоте бывали, у них на зверя и чутьё, и опыт, с ними не пропадёшь. А дед Тимофеев, дядя Галсан, дядя Дашинима — те заядлые рыбаки, одну только рыбалку уважают.

К вечеру таборок хорошо обустроят, на ночь всё приготовлено. А то в зимовье набьются, места всем хватит. Цокто с братом или с кем из мальчишек так умотаются, до лежанки бы добраться! Мужикам у огня дай посидеть, у печурки гудящей. Заведут разговоры за чаем: котелок за котелком только успевают заваривать. Голоса перекатываются, как и неумолчный говор таёжной речки, которая часто в соседях у них, бурлит неподалёку на перекатах. Один случай на охоте, с кем-то приключившийся, тут же другой за собою потянет. А там и рыбацкие истории нанижутся на леску неспешного рассказа. И — будто переливаются, на солнце играют, источают речной, подводный и илистый дух, как только что пойманные рыбы.

Многое с ними на охоте, на рыбалке случалось. Тайга милостива бывает, а иногда хуже злой мачехи. На кого бурого шатуна озлобленного напустит, кого приморозит, кого под лёд затащит, кого заблудит, неделями мотает, не отпускает из цепких объятий.

Потому Цокто и своего отца, Саяна, знал мало. На них с товарищем сошла лавина в горах. «Задавило снегом», как говорили.

Саян и на рыбалке по озёрам, и на промысле ягод и шишек уламывался с пудовыми горбовиками. Добывал и соболя, и белку, и на бурого великана ходил сотоварищи. Но потом всё поменялось, и порядки совсем другие. Стали охотникам план назначать: столько и того чтоб сдал к такому сроку. Загото-охотконтора назначала. Побрели охотники, опутанные планом по рукам и ногам. Жизнь таёжная — чрезполосица: где пусто, где густо. Трудно предсказать её, в план какой-то засовать. Однако пришлым раскомандовавшимся людям в хромовых сапогах и в галифе, с наганом на боку лучше не перечить. Вмиг загремишь туда, куда какой-то их Макар даже телят не гонял.

Когда отец возвращался из тайги, обязательно приносил и Булатке, и Цоктошке подарки. Кому что: то подарок «от зайца», то «от лисы», то «от белки». Заяц, например, всегда дарил им пласт сала, весь в хлебных крошках, с вдавленным, распластанным на нём ломтём хлеба. Лиса просто передавала какой-нибудь полуобкрошенный сухарь. От белки же доставалась, бывало, смолистая шишка, а то пара кусочков сахара.

Сотоварищи-таёжники любили с ним идти на промысел. Всегда с добычей будут: Саян, говорили, удачу к себе притягивает! У него была способность — любой след звериный распутает, из многих одинаковых распадков выберет тот, где с пути не собьются. Переправы через реки по чутью находил, там точно перейдут бродом. И где зверя скараулить, засидку устроить, чтобы наверняка. У многих хворь лечил, словно руками вытягивал — только проведёт ладонями над больным местом. Травы целебные и снадобья знал, что от чего помогает.

Однажды пошли они, несколько охотников, промышлять в дальние урочища за хребтом. До весны на добыче пробыли. Потом отец с другом побежали дальние охотучастки осмотреть. В горах, где-то на лыжном спуске, подрезали пласт уже по-весеннему ненадёжного снега. Ахнуло оборвавшейся лавиной. Накрыло сразу, нет от неё спасенья. Внизу, под той гиблой горой, замёрзшее озеро. Их тела, затянутые под снежное многопудье, — там полгоры этой снеслось — вытащило на лёд. Мужики всполошились, когда их день-два нет. Куда пропали? Побежали искать. След лыжный обрывается. Увидели этот мёртвенный язык, высунувшийся на озеро. Лыжа отброшенная или мешок были заметны, стали откапывать. Отца, говорили, вот так, на сажень, на размах рук взрослого мужика, не дотащило до чистого льда. Он еще полз, видно, пытался спастись, так и застыл с вытянутой вперёд, сжатой в кулак рукой. А в кулаке, когда разжали, смолистая шишка. Как бы последний привет от белки.

Не так давно было, когда рыскали по глухоманным таёжным падям бандитские стаи. То дикая сотня, то чёрный отряд. И белой масти партизаны, и красной, и неизвестно кто, не разберёшь. Разбойничали все одинаково. Да кто на кого наткнётся или с умыслом выследят, подстерегут в засаде, то друг друга поубивают. Зимовья разоряли, жгли стоянки и заимки. До схронов доберутся, припасы охотничьи растащат.

Случаи разные бывали в Болдыновой пади, на Макаровом ручье, на Сультимовом озере. И на Гунзун-камне что-то приключалось, на Степанчиковой заимке, на Гармаевом зимовье. Да ещё перевал Шогдо, да Чультимовы источники. Когда-то эти люди: Болдын, Макар, Сультим, Гунзун — и зимовья срубили, и шалашики поставили, и сарайчики сгородили, и солонцы устроили, и тайные засидки на зверя напрятали. Остались от них чёрные пятна кострищ, теперь почти заросшие, остались затеси на стволах, ими сделанные, что ведут за собой, не дают тропе потеряться. Деревца ими срублены, где уложена переправа через ручей, полешки напилены и расчищен бурлящий в каменной чаше источник, обложен кругом подпорками. Может, и отзвук их выстрелов, и звонкий перестук их топоров ещё отдаётся дальним, заблудившимся эхом?

Названия, которые от их имён прижились, знают только те, кто в этих местах промысел ведёт. Как их не перечислять, не поновить в памяти? Ведь так сотрутся вовсе, потеряются, зарастут, исчезнут. А другие люди… Откуда будут знать, куда идти, где эти пади, ручьи, урочища, озёра?

Иногда непонятно, про кого речь? Ведь у Гармы, Болдына, Соднома, Шогдо, Сультима, Сунды, Гунзуна — и братья, и племянники. Тётки, дядья. И дети

у них. А у детей, совсем взрослых, свои дети. Цокто, например, хорошо знал настоящих, а не каких-то, сто лет назад живших Гармаевых, Болдыновых, Содномовых, Сультимовых. Среди них сколько его друзей-мальчишек?

Да ещё происходит обмен вещей круговоротом. У кого парни выросли, одёжа и обутки малы стали. На тебе, Цоктоха, штаны добрые! А то: вот тебе душегрей меховой! Да тёплый какой! Душегрей-то ещё самого Сунды. Не того, который давно помер, а от сына его, стало быть. Или от брата-племянника, или ещё от кого. Валенки — от Шогдо. От правнука того Шогдо, который перевал есть такой.

Много чего добротного и крепкого от старателей осталось, обмен с ними шёл. Рабочие робы, фуфайки, бушлаты, штаны и куртки из «чертовой кожи» у многих деревенских по сундукам упрятаны. Потом военная обмундировка появляться стала. И меняли её, и привозили. Даже совсем новая, будто со складов утащенная. Каких армий, кому принадлежала? Никто не знает, всё перепуталось.

Так Цокто оброс понемногу хозяйством таёжным. Всё своё чтоб на промысле было. Одеяло верблюжье тёплое, брезентины кусок от дождя, мешок прочный с удобными лямками. Топориком тоже обзавёлся. И ножи подарили старые лесные люди. Ножи вместе со своими хозяевами состарились, источились все. Однако надёжные, ловкие, ухватистые. Ты их тоже, Цоктошка, береги. В тайге мало ли что бывает, а они — тут же, под рукой всегда. В любом деле не подведут, помощь окажут.

...Цокто спрячется под медвежью полость. Надёжно под ней, не страшно, никто не достанет. Есть ещё оленье одеяло, волчья шкура, заячья накидка. Под каждым из них сны особенные, даже разговоры по-разному слыхать.

А то может показаться, что заснул на одной стоянке, у ночного костра или в такой-то зимовьюшке, а проснулся — совсем другой таборок, другая избушка, другие охотники или рыболовы беседы ведут. Так же пар над кружками с чаем, и дымок от трубок кудрявится. Было начало какой-то истории... Она привязалась ниткой за то, прежнее, место. А теперь сюда притянулась...

— А вот подымались мы одно время, паря, вверх по Улзыхе...

— Это по речке-то? Где это — урочище Улзыха?

— Ну да, так и есть.

Урочище Улзыха потому так названо, что там, в верховьях Улзыхи — речка тоже Улзыха — у деда Улзы зимовьюшка была. Дед бывал в ней подолгу. Зимовьюшка, может, и пропала... Или кто другое своё зимовьё поставил в тех местах, а имя деда по этому урочищу до сих пор вспоминают. Дед Улзы — это отец Саяна, Цокто с Булатом, стало быть, дедушкой приходится. А Жамбал — дедушка со стороны их мамы, Аюн.

Про Улзы рассказывали, что разные хвори у людей заговаривал. И даже одного волка заговорил, чтобы он его спас. Волк тогда вытащил Улзы из тайги, когда он сломал ногу, идти не мог. Но это придумки, наверное.

Если кого зубная боль донимала, а то дитё малое криком исходило, или у женщин бывает после родов — то горячка, то водянка, тогда приходили к нему. Он как начнёт бормотать, будто с кем невидимым переговаривается. Закричит

вдруг, заругается, руками замашет! Ногами затопает, когда хворь засела и не выдворяется.

Однажды Улзы вылечил одного богатого золотопромышленника. Предсказание ему какое-то сделал… или, может, дочку его — дочка к нему приехала — от беды уберёг. В благодарность промышленник ружьё ему подарил, бельгийское. Невиданное в этих местах, «оленбери» его называли.

Ещё было дело, старые люди говорили, давным-давно произошло, конечно… Улзы шёл по берегу, речка там, каменистая осыпь, предзимье, изморозью обмело. Нога у него меж камней соскользнула, стал падать с верхотуры, и заломило ногу, на излом. Никак не повернёшь, не вытащишь. Каменюка прижал, а как потащит — кость поперёк встрянет. Ружьё и мешок далеко отбросило. Одежда мокрая и леденеет тут же на ветру. Ничего не сделаешь. Помирать собрался. Но тут волк к нему притащился. Старый совсем, за своими не поспевал, отбился. Улёгся подле, смотрит, жуть такая. Смерть, однако, подступит, так хоть с каменюкой заговоришь. Улзы попросил волка, чтобы ветку принёс. Толстая ветка, обломанная. Камень надо поддеть, отдавить как-то. Волк задумался… да что, мол, делать-то? Всё одно помирать. Притащил ветку, в пасти приволок. Улзы ногу освободил. Потом ползли они с этим волком. Друг в дружку уткнутся, согревались.

С дедом это не просто так случилось. Чёрная шаманка заморочила, выбрала момент. Хотя Улзы знал всё это и следил: читал лесные, птичьи, звериные и лиственные заговоры, петлял туда-сюда, чтобы по ложному следу пустить, дымом окуривал для обороны от злой напасти. Но всё не уследишь, и потерял своё видение. Будто кто подтолкнул его на каменюках, так он и упал.

…Старуха Раджан, шаманка, с одного края деревни стоит, вглядывается в дальние степи. «Река, — думает шаманка. Она видет далёкую красную реку. — Река есть начало и конец, дно и высь. И птицы щебечут в чащах, и дождь льет с небес, и светит солнце. И пахнет сыростью и свежестью. На берегу лежат острые камни и коряги, в воде отражаются коричневые скалы. На дне реки стоят воины-чингизиты, стражи исчезнувшей Империи. Из красной реки вылез на берег красный младенец».

Раджан начнёт лупить в бубен, на него шкура чёрного козла натянута. Перекинется — в осень, зардеется листьями малины, обронит желтые пятаки листвы, закличет беспокойным криком потянувшихся на юг караванов гусей. Медленно теряются птицы, становятся прозрачной паутинкой. А паутинка та — одна к одной, сто лет уже наверное, оседает на голову старухи.

И Цокто — было так однажды — когда с дедом поднялись на перевал, то от седловины им вверх надо было идти по гребню. Камни голые торчали клыками, снегом пообмело. Ветер порывистый, внизу лбы скальные, от них языки ледяные сбегали. Тут Цокто вдруг качнуло… будто ветер подтолкнул. На каменюке оскользнулся, мешок тяжёлый мотанул. Полетел — не помнит как. Удар по голове: будто внутри шаманского бубна оказался. Кто-то вдарил по нему изо всех сил колотушкой, так отдалось в ушах. Где об камни приложился, где подбросило —

и по льду заскользил. Успел зацепиться, нож выхватил. Лезвие в щель заклинилось, удержался. Насилу дед вытащил его. Идти не мог поначалу, всё отшибло.

Голова кружилась — и белый, ослепительный свет. Удар! Всё завертелось перед глазами. В носу шмякнуло — кровяная мокрота под носом. Потом сразу, резко, будто огромная, не его, чужая — рука с ножом. Так отчётливо видится рука, рукоять ножа. Они невероятных размеров! Каждый ледяной осколочек, кровяные брызги, каменная крошка. Бьёт, бьёт ножом. Попадает в вату. Белая вата. Всё замедленно. Сон длится. Борозда от лезвия. Ледяные искры ослепили. Лицо искололо.

Потом с дедом долго в себя приходили. Цокто мутило, кружилась голова. Но если «пошаманить мало-мало», если кое-что увидеть… Есть что-то другое за этим, не просто так всё случилось.

Цокто тогда ослабел весь, болячки к нему привязались. Пришлось звать старуху Дагбу, чтобы с напастью справиться. Дагба сказала, чтобы принесли только что пойманную рыбу. Обтёрла его всего рыбой. Рыбу выбросили в реку, и тогда полегчало.

Дагба стоит, обратившись лицом к хребту. Смотрит на отражающие синеву заснеженные гольцы, на тёмные провалы распадков, яркую зелень по склонам предгорий. Лицо её из сосновой коры, с медными бликами. Она ударит в бубен, он шкурой белого оленя обтянут. И покатится шумом ручья, зазвенит птичьим гомоном, плеснёт розовым цветом багульника, нависнет грозовой тучей, рыкнет раскатами ливня.

Но нет… Не всё ещё, однако. Где-то посреди Намхая, поутру из избы своей столетней, из столетней лиственницы рубленной выйдет старик Юдин, сам тоже столетний. У него под сохранностью дивная, едва просвечивающая изображением икона. Поднимет старик икону, перекрестит всё явное и тайное на четыре стороны. Прочитает молитву и скажет: «Слава Богу! Слава Богу за всё!» Святой Никола Медвежий на иконе, в древние времена писаный, поглядит сверху, видно, на раскинувшиеся домики у бурной реки. Ну да ладно, Бог милостив. Пусть теплится жизнь мирно.

— …да какое ружьё, какой «оленбери»? Кто это придумал? — так сказал старик Юдин, когда разговорился однажды. — Это, может, от Валленберг? Промышленника того Валленбергом звали. По нему, что ли, так об ружье говорят? Ружьё-то от него будет.

…Валленберг этот крутился тут. Как золота пошёл поиск, так их много, дельцов, набежало. Всё у них «компании» какие-то, «обчества». Считали — или прииск им заложить, или только артели старательские снаряжать? Берг этот, Валленберг который, дела мутил. Где одним артельщикам так даст денег, а где другим за то же самое не в пример больше. Чтоб озлобились друг на друга, промеж себя на ножах были. Потом они все, работяги, задолжаются. Запутанные, в долгах, куда пойдёшь? Опять на поиск давай наниматься.

К нему же, к Бергу этому, дочь приехала. Зачем приехала? Была она такая…

Ну, говорят же, не от мира сего. Что-то познавать ей надо. Нести «светоч знаний», в общем. Историю, говорит, запишу! Книжка потом будет, в столицах. Все прочитают. А какую историю? Ладно. Управляющий у Валленберга, Тимофеев, Тимоха, значит. Он подговорит старика или кого там. Вина тебе дам! Про лесные обычаи, что знаешь, наговори, мол. За вино?.. Хоть кто будет нести что попало, только подливай.

...А старик Улзы — да, знали про него. Знахарь, вроде. Хромоногий был, покалеченный. Хворь заговаривал, предсказания делал. Беды там, болячки от людей, не очень-то сильно на себя навешаешь, опасность тоже есть от этого. В тайге подолгу пропадал, где-то там, в верховьях, в урочище. Но тут на месте оказался. Тимофеев как-то с ним сошёлся, может. Вот, мол, историю-то дочке валленберговской наговори. Улзы рассказал ей что-то.

Но потом Улзы говорит Тимохе: ночью варнаки к вам придут, дом жечь будут. Такой-то их подкупил, бандит тут один крутится. Старику не то что жалко стало купчину этого... А дочка-то? Необыкновенная, как свечечка белая, насквозь аж просвечивает. Душа безвинная. Ей с чего гибнуть?

Тимоха не знал, верить — нет? Ладно. Работников своих с ружьями поставил на такую-то ночь, спрятал в охрану. Потом в самую лютую тьму варнаки эти крадутся. Керосином уже всё оплескали. Работники тут опомнились, как дали залпом! Те в ответ давай. Пальба поднялась. Подстрелили да повязали тех варнаков.

Валлен-этого-берга злость разобрала. Выскочил, ружьё-бельгийца сорвал со стены. Кто это, кричит, меня подпалить собрался? Тимоха говорит, во какие обстоятельства. Купчина позвал старика. А он ему ещё предсказал что-то. Берг после этого как подхватился, скарб покидали, что было. Тут же с дочкой и укатили, след простыл.

А бельгийца перед тем подарил старику. И это ружьё, он сказал, никто у тебя забрать даже не сможет! Его только от всей души дарят. Потому как бельгийские мастера из города Льежа в нём такой секрет предусмотрели. Если кто его против воли твоей заберёт, то ружьё потом само убьет обидчика. И само перезарядится. И всех близких того нечистого на руку, перестреляет насмерть. Бери, храни его!

Такое ружьё целое состояние стоило. Потом оно у деда Жамбала оказалось.

...Банду Крашенникова гнали в хвост и в гриву красные партизаны. Главный костяк белогвардейский повыбили, одно отребье осталось бандитское. В монгольские степи прорваться было у них намерение. Но туда все пути отсекли. Кто остались, ушли за Красную реку. Хотели в хребтах отсидеться. Поднимались вверх по Ташуру. Путь неудобный, но мест не знали, шли наобум. Выехали как раз на заливные луга в пойме. Там, на покосах — это далеко от деревни — русские мужики, бабы. Стояли табором, сено сгребали. Бандитам кони нужны, чтоб уйти. Закрутились вокруг — как удавку накинули, стали затягивать. Собаки сорвались, бросились — перебили их тут же. Варнаки лошадей давай

отгонять, баб хватать, дикие они. Мужики — кто за вилы, кто за топор, а кто ружьё достал. Бандиты — стрелять, а кого зарубили.

Дед Жамбал и ещё дед Макар, дед Степан случайно там оказались. Ехали с источников. По дороге баба бежит, вся расхристанная, как с ума сошла… Там, мол, убийство! Степан поскакал в деревню, за подмогой. Жамбал с Макаром порешили, что через реку бандитам так и так уходить. А пойдут, значит, в таком-то месте: там брод заметно и тропа на другом берегу выбита, вверх поднимается. Срезали напрямки, устроили засаду.

Точно!.. Эти варнаки, их семеро, все в реку втянулись, лошадей ведут, скарб тащат. Атаман их нарисовался, гарцует. Жамбал выцелил его, из бельгийского ружья на мушку поймал. Но как ему было в первый раз человека убить? Однако, тот был без лица, весь чёрный. Космы от него дымные вьются. Но не только это… Там, где голова, вроде бы вдруг светлая, золотистая даже, чёрточка наметилась — она притянула пулю. Чорт сковырнулся, только сапоги из-под воды мелькнули, как потащило течением. Тут и Макар пособил со своей стороны. Черти заметались, стали садить из винтовок направо-налево. Кони рвутся с поводов, на каменюках оскальзываются, водовороты крутят. Кого из бандитов на глубину потащило, утонули. Побитых всех где к камням прибило, где в заторы наваленные зацепило.

Потом, что было делать? Русские своих забрали, похоронили тайно. А с этими… Нет, сказали, нельзя им к анчихристову отродью никак прикасаться. Делайте сами, что хотите.

Тут без шаманки, старухи Дагбы, не обойтись. Она пошараборила там по-своему. И говорит: отловите их всех, убитых. Так грех бросать. Трупы отыскали, где там кто валялся. Стаскали всех в овраг глухоманный. Всё туда побросали. Ничего от них нельзя брать, ни патрона ни единого даже! А там оружие было в ящиках разбитых. И патроны, и амуниция. Ещё ящики военные, крепкие, но их даже не открывали. Ружья свои, говорит Дагба, из которых поубивали, тоже туда киньте! Жамбал никак не хотел с «оленбери» своим расставаться. Аж слёзы на глазах! Но Дагбе что поперёк скажешь?.. Она только зыркнет, так поперхнёшься.

И бросил туда, и Макар бросил тоже. Закидали, засыпали, завалили в глухомани. Старуха там всё задымила по кругу травой-беспамятью. Затоптала, заплясала, застучала колотушкой по бубну. Аж вихрь закрутился! Дунула, плюнула. Все забыли то проклятое место. Как из памяти отшибло, никто не помнит. Где это, что?.. От людей стародавней веры, через старика Юдина, тихо, с глазу на глаз, дали охотникам денег. На ружья, на всё. Но наказали, чтоб молчок был. И — всё. Больше никогда об этом нигде разговору не заводилось.

…Если Цокто выбегал из дома ранним утром, то мог бежать без остановки до самого вечера. У всех надо побывать, всех проведать. Обгоняя его, мчалась верная Чара со звонким лаем. Соседские псы тут же взбаламошатся, бросятся вдогон. Придётся поддать изо всех сил! Но всё обойдётся. Бежал и туда и сюда.

Наперегонки с ветром. Налево бежал — к братьям-мальчишкам, направо — до сестёр-проказниц. И прямиком, не сворачивая, — к дедам и бабушкам, к тёткам и дядьям.

Дома в деревне где покучнее прибились к друг дружке, а где — дальше, то по увалам разошлись: там позже обживались. Цокто бежал, бежал — и мог даже прибежать к старику Юдину. Изба у него угрюмая, рубленная в лапу из столетней лиственницы. И самому ему сто лет, не меньше. Поодаль такие же избы: крепкие, хозяйством обросшие. Как и мужики, что там наособицу обосновались: с большими семьями, с обширным подворьем. Мужики — бородами обросшие, до самых глаз. Они хранят веру. Тёмная вера у них, заколоденная да моховая, ключевой водой напоенная. Древ-ле-пра-вос-лав-ная. Старик Юдин хранит Святую икону. Там Святой Никола, в древние времена писаный, выступает из тьмы веков.

Но как сказать… Не то чтобы этот старик для Цокто интересен. Надо ведь обязательно навестить кота, который этому Юдину тоже, может быть, какой-нибудь дальний родственник. Огромный котище! Шерсть у него медвежья, хвостище — с руку здорового мужика. Усы торчат, ладонь об них проколоть можно. Цоктошка поменьше был возрастом, так присядет перед ним — и они вровень окажутся. Кот начнёт гудеть нутряным голосом, будто спрашивает: «Давай рыбу, мол, мне! Чо принёс, иго басурманово?»

У старика Юдина — да и у этих у всех, у древлеправославных русских, не было такого, чтобы якшаться с кем-то, привечать кого. Но с дедом Жамбалом старик помягче держался. Иногда присядут на завалинке, обсуждают дела свои. Говорят про такие-то названия — какой-то ручей, или перевал, например. Почему эту вот падь называют Болдыновой? А старик Юдин знает, что она Подкаменная, так среди них называют. Или об разных местах говорят? Потом поймут, вроде, о чём речь. Да источники обсуждали: где спину, а где колени править целебно, и как добраться к такому или такому? Юдин вроде благодарен деду был, что с бандитами покончил. Напрямую этого, однако, не высказывал, да и горе своё скрывал…

«Ибо созрел урожай!.. И уж Жнец занёс свой полдневный серп…»

Как зарокочет старик своим нутряным голосом.

Аж сердце обмирает.

«Пришло время склонить голову пред Жнецом! Ибо ты есмь колос на пажитиях Божіих!»

Там, на покосах, его внучка была, молодая девка восемнадцати лет. Варнаки утащили её в лес и что с ней сотворили, страшное дело. Даже крест у неё так рубанули потом, что глубоко в грудь вошёл. Вогнут был, но не преломился.

Цоктошке от своего, от мальчишеского интереса всё же лучше с котом «побеседовать». Прибегал к нему. Не с пустыми руками, конечно. То несёт завернутых в лопух окуньков, то ленков, то ещё какую рыбную мелочь. Чара его никогда до калитки не добегала, сразу у неё неотложные собачьи дела найдутся! Котяра ведь появится тут же откуда ни возьмись, станет тереться о ноги хозяина.

К коту Цокто относился с почитанием. Ведь он, наверное, и есть Лесной Царь, думал о нём. Дед Жамбал рассказывал старинное предание про олений народ. И про Лесного Царя, что заманил их к себе.

Но вот старуха Раджан ничего не забыла, от неё не скроешь. Выкопала череп главаря-белогвардейца. Косточки перемыла для своей тайной ворожбы. А в черепе, прямо посреди лба — дырка сквозная от пули.

Времена стали меняться, не быстро, конечно, но как-то так… И всё — не в лучшую сторону. Банды шарились, то одни, то другие. Продразвёрстка откуда ни возьмись налетела. Колхоз начали устраивать. Потом охотничье хозяйство. Переписали всех, что у кого в наличии. Объединение-разъединение. И вот… Даже люди в деревне разъединились, потерялась между ними сцепка. Раньше бывало, от одного края деревни до другого займётся гулять разухабистая пьянка. У кого горе какое случилось — и они выпили, а у кого что-то радостное — тоже приняли на грудь. Но это неважно, всех затянет хмельной водоворот. Пойдут по деревне и те, и эти. И вот уж сшиблись лоб в лоб, искра вспыхнула, давай на кулаках друг с дружкой меряться. У кого, стало быть, кулаки или башка крепче, или иное орудие больше. Но вот даже пьянка куда-то девалась. Разносит и деревенских, и дворы их, и дома дальше и дальше друг от друга. Бывает, это как почувствовать издалека… даже ещё не дым… Но потянуло чем-то тревожным. Это уже началось, есть где-то. Затрещал, рассыпался искрами по валежнику пожар. Самая страшная в тайге напасть!

Загот-охот-контора. План на добычу. Давай кого-то раскулачивать. Люди пришлые, чужие появляются. Всё им надо по своему устроить. Депеши разные, распоряжения, списки пойдут к главному начальнику по этому краю. Дойдут же как раз до реки, что разделяет предгорья и начинающиеся равнины. А там — есть переправа, нет переправы? Лёд ещё не встал, а то вот-вот тронется. От разлива весеннего или от дождей прошедших поднялась вода. Сошла вода. Бумаги посланные тем временем на берегу прокисли, ожидаючи. Всё уж изменилось. Начальник получит, прочитает. Но это уже когда было, в какую пору? О чём резолюцию накладывать?

Новый начальник прибудет, с ним приспешники его, но все как будто невлошные. Может, нарочно таких отыскивали, чтоб подальше сослать? Пойдут, как у них у всех принято, что-нибудь описывать. Да пересчитывать, да в списки заносить. И почему-то к старухе Раджан заявятся. Хотя её и так-то по доброй воле трудно сыскать бывает.

— Мы пришли к тебе всё описывать!

— Чо это? Какой чёрт?

— Хозяйство опишем!

— Како тако хозяйство? Вон мужиков скока, у них и описывайте.

— Э… Шутки шутить, старая?

— Каки шутки? Вон пятух хромой да кошка без хвоста. Чо описывать?

— Но-но! А это что у тебя?

— А это шкатулушка у меня для травок.

— Что-о-о… Да это же череп! Почему здесь?

— А вот посмотрю сюда, в дырочку, однако…

В черепе пулевая дырка посередь лба, затылочная кость позади снесена, как пуля вышла.

Посмотрит она на него. Глядишь, начальник прибывший вскоре скопытился, бледная немочь привязалась. Всё, услали куда-то. Другой никто не находится на это место. А то вообще забыли, где такой уголок есть, что и на карте района даже неизвестно, обозначен ли нет? Или там — оленья кожа, белое пятно? А то чёрное, из шкуры козлиной?

Сон навалится на Цокто, укутает мохнатой шубой замшелых урочищ, придавит тяжёлой лапой заколдобленных отрогов, которые излазили за весь долгий день. И привидится эта огромная — даже краёв у неё нет! — каменистая и таёжная ладонь. По ней тянутся все эти пади, ручьи бегут, перевалы бугрятся. Насупились суровые камни, а где зимовья приткнулись, источники бурлят. Берёзовые рощи наполнены зеленью и светом, где далеко, а где близко друг к другу. Они с дедом Жамбалом идут от одной рощи к другой.

Два года, бывает, пройдёт, пока опять вернуться в прежнее место. Гриб чойдоп за это время как раз в рост пошёл, на стволы налепился, его добыть можно. Их прежняя стоянка, два года назад устроенная — след от костра, шалашик, его сам Цоктошка укрывал хвойными лапами. Только позаросло всё. И опять… Две зимы, два лета отзвенело. Склоны обрывистые, буреломные горельники, каменистые плоскотины. Туда же пришли. Полянка недалеко от ручья, кострище, шалашик. Сколько охоты было за это время, сколько добыли всего. И хорошо пристреленная «тозовка» тоже будто выросла на Цокто, прилепилась стволом вороненным с ружейной смазкой и пороховым духом.

А брат его Булат говорил, что эти места, где гриб добыть можно, вроде как широкая полоса с запада на восток пролегла. Так летел дракон, рассыпал свои огненные искры. Гриб чойдоп от этих искр прорастает.

Какой ещё дракон? Ему, может, приснилось?

Нет! Ещё дед Чултум об том говорил. А Чултум от деда Гармы слышал. А деду Гарме рассказывал один старый лама. Он пришёл с Тибета. Туда дракон улетел и там разбился. Всё горело от него. Много лет это даже было, как горело. Дым поднимался до неба. Одни только скальные горы потом остались.

Гриб чойдоп на уровне роста прилепляется, а то повыше. Иногда будто на лицо старика похож. Старичка такого… Старое личико, всё в морщинах, сжамканное. По разлому смотреть, то внутри тёмно-красные или розоватые прожилки.

Когда гриб насобирают, то его перебрать, разделить надо. На обсушку разложить, чтоб на ветерке обдуло. Ветерок ещё какой, поди улови его. Солнце то слишком печёт, то спряталось, то тучи побежали. У гриба тогда голова заболеть может!

— Ты что, Цоктошка, думаешь? — дед даже начнёт ругаться. — Если тебя на солнцепёке разложить, то как голова у тебя жаром полыхать начнёт? Вот то-то! Всё застит перед глазами, будешь как обваренный. А гриб, он что? Без головы тебе, что ли?

Ну, с головой, конечно, да. Он и прятаться, и скрываться ловко умеет.

А ещё есть Царь-гриб. Он самый главный над всеми остальными грибами, они у него в подчинении.

Дожди польют, ничего не укрыть от мороси. Как есть набивали, выносить надо скорее. Портиться начнёт, заплесневет, хоть выбрасывай. С мешками под завязку уламывались на переходах, в три погибели согнёт.

...Когда дракон летел, с него поспрыгивали оленьи люди. Тогда они не были ещё оленьими, конечно. А просто люди с железной лодки летающей.

— Да ты, Булат, когда спал, то от печки угорел! Разве такое бывает? Люди с железной лодки... Придумаешь тоже!

— Это ты дрых без задних ног! А дед Олзо рассказывал, что они упали здесь, прямо посреди тайги. И стали замерзать, зима же. Но у них была такая штука. Магнит называется. Видел у деда Макара? У него есть такой, он им стволы намагничивает. И у дяди Галсана в моторно-тракторной мастерской тоже есть. Если на бумагу железные опилки насыпать, потом снизу магнитом водить. Опилки все соберутся к магниту, и за ним вслед тянутся, куда ни поведёшь. И олени так же со всех сторон пришли к этим людям. Легли вокруг них и теплом своим согрели. Люди с оленями обнялись — и они им стали лучшие друзья. Понял, как было?

Ладно. Так и было, видно.

...Давай, ты будешь волкодавом!

Булат сдурел, однако. Опять со своими играми!

— Набрасывайся на меня!.. Я тебе такой приёмчик сделаю и шею заломаю! Как дед Жамбал пять волкодавов заломал, когда они за ним гнались!

— Пусть Гром на тебя набрасывается, как волкодав. Его и заломай попробуй!

— Чо, струсил?

— Кто, я струсил?..

Цокто бросается на брата в лобовую атаку.

...Булат его укатал до того, что в снеговика превратил. Только Грому радость, носится вокруг, снежные вихри взбивает. Но он-то с одного броска сразу сшибёт! С ним лучше не связываться. А с Цоктошкой... Делай с ним что хочешь.

Но тут мама Аюн, конечно, подойдёт и приобнимет. «Ладно, Цоктоша, не переживай!» Он посидит-посидит да и свалится ей в колени, прижмётся. Ну и Булатка тоже помается где-нибудь вокруг и подойдёт. «Ты зачем, Булат, младшего брата обижаешь? Нельзя так!» Булат тоже свалится, прижмётся к ним. Бабушка Туяна пришла, она лепёшек нажарила. «Идите все чай пить!» Бабушка тоже всех обняла. Они, как оленихи, греют своим теплом маленьких людей Цоктошку и Булатку, упавших с далёкой, мёрзлой и безжизненной звезды, и защищают их ото всего.

…Цокто вспоминал, как с дядей Галсаном уезжали далеко в степь. У него — и моторно-тракторная мастерская, и знаменитый, тарахтевший на весь аймак трактор «Красный богатырь». На тракторе и до озёр добирались, спускались в сумеречные лощины, навстречу взлетали потревоженные цапли, стряхивая с крыл серебристую бахрому брызг. Озеро отсвечивало красноватой медью, как очень большая, старинная и тусклая монета. Цокто лежал на воде, раскинув руки. В предзакатном небе растянуты белесые пряди, и редкие орланы парили, распластав крылья. Коршун делал замедленный полукруг. Возможно ли услышать шорох крыл в небе, шорох от скольжения больших птиц по воздушным потокам?

Цокто будто читал побуревшие страницы степных увалов… Как он мог читать? Так же, как старый лама читал молитвы, чуть раскачиваясь, словно под ветром. Они приходили в небольшой Дуган, весь пронизанный солнечными стрелами. Скрипели петли покосившейся двери, дрожали колокольчики — так тонко и жалобно, словно боясь, что вот-вот у них оборвется сердце. Волновался солнечный лес, меняя положение прозрачных листов из пылинок, повисших в воздухе. В эти листах кудрявился дым, поднимаясь из медной чашечки с подожжёнными благовониями, вливался, будто молоко в чай, восходил к желтоватым свиткам с ликами словно парящих где-то наверху божеств.

Цокто слушал змея тишины, что ополз по кругу, словно удушая тугими кольцами. От его бурой и серой шкуры струился жар. И какое-то тонкое стеклянное позвякивание. Будто это движение преломляло блеск стеклянных бусинок, что украшают шкуру змея причудливым узором. Вплеталось пиликанье невидимых певцов у корней трав, стрекочущие прыжки кузнечиков, басовитое гудение жуков, трепетные росчерки стрекоз. Если срывать травы, разминать в ладонях, вдыхать горький, будивший воспоминания запах — не само ли сердце степи в этом травяном и земляном, смешанном с золой прахе? Ведь так же пахли руки его матери. И бабушка — вся большая бабушка — пахла, как степь! От двух его сестёр веяло этим полынным духом. От брата Булата… да чем-то родным до боли. До того, что щемило сердце.

Подальше в тайгу тоже заходили: одно есть зимовье, и ещё одно, где подолгу жить можно. К ним и дед Степан, и дед Макар, и братья Хандаровы, и дядя Доржо придут. Так что они своим кругом в зимовьюшках бывали. Все уже старики, здоровья нет столько, чтобы добычу в контору доставить. Однако петли наметают, ловушек наставят, кулёмок приспособят, капканы насторожат. Цокто подле них уму-разуму набирается, глаз и руку набивает. Ноги тоже изобьёт, конечно. На лыжах по увалам вверх-вниз до беспамятства уломается. День зимний начнётся — тут же на закат, за сопки покатился. Что успеют обежать засветло, потом назад, в тепло скорее. Когда в доме кто есть, то и печка гудит, чай закипает, вода и дрова тут же, поесть приготовлено, так бывало надёжно.

Цокто спит или не спит?.. Слышит, потянулась втрое скрученная, замысловатая нитка рассказа.

— Оленьих-то людей видели в лесу, выходили на них?

— Не, мы сами не видели. Они, паря, так: даже если сидят у костра, греются, то потом — раз! — и нет их. Быстро ушли. Прямо незаметные такие.

— Да что люди-то вам. Вот девки их, рассказывают… Вот они играют да резвятся, бывает! Под водопадами, в заводях где купаются. Такие сладкие да невысоконькие, смуглые, как золотом облитые. Охотник как увидит, и конец ему тут же. Пропал!

— Да ну. Разговоры это одни. Кто на самом деле видел? А пропасть в тайге, поди ума не надо. Не туда упорол, заблукал. Тут и замёрз, а то с голодухи помер.

— Не. Бывает, что заманивают. Да. Кто такую девку попробовал да побаловался с ней, тот про всё забудет. Там и останется.

— А чо, память напрочь отшибает?

— Да. У них корни такие, они знают. Настойку из них нагонют да опоят. Тут охотник неизвестно что видеть начинает! Как попробуешь, то видения всякие.

— Ладно, видения! Мухомор вон бабки собирают, кто знает. Да ложку настоя прими-ка… Потом и самого себя не найдёшь!

— Однако, бывало. Рассказывают же. Мужика они так заиграют, он от морока не отойдёт. Вот и пропал. Такая беда, паря.

…Да ведь и бабушка Туяна часто наказывала Цокто, когда они собирались, чтобы он следил за «старым лосём». Пристыдил бы его, не давал сразу и шибко опустошать фляжку-то. «Да пусть не затянет его опять, не заманит к себе в гости лихоманка!»

Ну, так-то… Лихоманка — это такое… Это совсем другое.

«А то однажды пропал, блукал неведомо где по тайге. Баловался видно с ней… С лихоманкой!» Было дело, что Цокто однажды подслушал, когда бабушка Туяна в сердцах жаловалась бабушке Радне. Да ещё разные подробности. «Лихоманка» эта, видно, кому хочешь голову вскружить может!

Лето прошло, и осень звенит. Промозглые ветра опалили лиственницу желтизной, зажгли рябину багровыми искрами. Вот уж морозы по ночам задавили, сжали бревенчатые стены до треска. Завыли волчьи метели, снега обступили плотно, завалили. В ясные ночи звёзды зыбко дрожат, как мохнатые лучистые шары, призрачно освещают чащобу — где она с синевой, где с фиолетовой бездной провалов — увита снежными наносами на ветвях и хвойных лапах. Даже сам воздух густой, свет разбавляет тьму кое-как. Тут же не заметишь, как серовато-блеклый рассвет сменится закатом с розоватыми всполохами на снежных пластах, с глубокой синью удлинившихся теней.

Может, это охотники собрались, разговаривают… Или речка бурлит на перекатах, ветер шумит, высоченные сосны качают лохматыми головами?

Но, если подумать, то это всего лишь небольшой круг огня, и хорошо, когда ограждают бревенчатые стены избушки. Тайга может запросто раздавить избушку, наступить на огонь, сдуть порывом одеяло, затоптать угольки. Хоть чьей жизни, любой. Вон что с таёжными людьми бывало. Одни насилу выжили, другие — нет. Так что ей стоит?

Может быть, впереди выступают одни родственники-деревья, которых Цокто знает. Родственников этих родственников тоже знает. Братьев-сестёр, племянников. А другие родственники дальше скрылись, едва в гуще тайги различимы. И почти не видать тех, кто жили совсем давно. Может, там дед его Улзы мелькнёт за стволами? Однако, если дед Жамбал знает своего прадеда, то прадед его, наверное, позади Улзы отстоит.

Дальше, в глубине, тайно пройдут, ни травы не примяв, ни сучком не хрустнув, ни ветки не обломив, лесные люди. Но это неизвестно, есть ли они? Ладно, пусть будут.

За лесными людьми — призраки. Проплывут, сотканные из прядей туманов над болотами, из предвечерних, изменчивых теней.

А совсем далеко, ещё глубже? Там в черноте бурлит, вытекая, источник. Из него исходит чернота. Источник связан под землёй, через глубины, с небом. Небесный свод напитывает тайгу по невидимым руслам густым и непроходимым, завораживающим безмолвием.

И нет ничего — никакого символа, ничего такого, что ограничено, имеет какие-то рамки и вместе с тем вмещает безмерность происходящего. Того, что не случайно, связано незримыми нитями с небесным сводом, с круговращением тайги. В самой изначальной черноте, откуда наполняется тайга ужасом и безмерностью, иногда сходятся вместе, светят во мраке несколько точек. Есть ли в них какой-то порядок, могут ли они что-то объяснить? Это волки в безлунные ночи приходят туда, чтобы вдоволь напиться черноты. Присядут на месте, обметутся хвостами — и глянут. Глаза их жёлты. Сойдутся в черноте завораживающими сигналами.

Бывало, когда с дедом зайдут в тайгу, встанут на тропу, быстро идти никак не получалось. Попривыкнуть надо, поразойтись. Котомки не так уложены, там гремит, тут по спине колотит. Да одёжа не подходит. Да фарту нет, чо та.

Конечно, и Грома с собой брали. Он тут же упорет по склонам и буреломам, куда его азарт и нюх на живность погнали. Лай где-то отдастся, всё дальше, пропадёт совсем. Но повывалится из чащи, язык набок, бока часто ходят от задышки. «Корячатся они тут… — говорит своим собачьим взглядом. — Я уж всю округу прошарил, белку загнал и зашатал её на сосне, бурундуков всех разогнал, зайца след взял, но чо та не фартит».

С конём заходили, сосед давал в пользование, так побольше припасов доставят. Конь Пакел, носивший когда-то гордое имя Факел, был упрощён и разжалован в непонятного, но неутомимого в странствиях Пакела. Если дед остановился, то все они ждут — и Пакел отдыхает, и Гром свалился набок, и Цокто отдышится, ведь тащит понягу или мешок на себе, и ружьё, и боеприпас.

Дед всегда насторожке идёт, хоть тропа знакомая, много раз хоженая. На пути развилка, камень заметный, дерево поодаль от других, переход по камешкам через ручей. Надо ждать… Он присядет, кресалом чиркнет, трут моховой дымком растянет, трубочку свою подожжёт. Слушает, какие приметы кто и зачем предсказывает. Надо этим невидимым предсказателям оставить горсточку белого

риса, кусочек сахара, щепотку табачку. Тянется за ними ниточка из приметных знаков, привязывает к свету белому, что позади остаётся. Впереди — пугающая бесконечность. Лесные жители оттуда смотрят — они настороже, видят их — и предупреждают всех своих родственников и знакомых, чтоб близко не подходили.

Дед соберётся нажарить лепёшек. Замесит тесто и отделит немного, с одной только солью смешает. Потом раскатает из солёного теста кругляшки, ручки и ножки, и голову вылепит. Они вроде как маленькие человечки, хайдапы. Разраз! — и палочкой дырки в них наткнёт. Точки в несколько рядов или по кругу. Хайдапы греются у огня, становятся крепкими. Если дед, бывает, не спит, колени у него крутит, поясницу ломит, то с ними разговаривает. Напевает длинное, тягучее — как нитку свивает, вытягивает откуда-то из прошедшего. У Цокто сон отнесёт, он глаз приоткроет. Дед сидит, покачивается, словно его колышет.

Хайдапы с ними в путь отправятся. Оставляют их в каких-то особенных местах. Они за ними позади присматривают. Исчезают, ничего от них не остаётся. Птицы и лесная живность растащат, от дождя, от влаги, под солнцем растворятся.

Однако… Может, кто идёт за ними следом? Хайдап — хрямс! — и слопал. Одного, потом следующего.

Пошли далеко однажды, пробирались по речке вверх, через ущелье. Там уже другая речка, Уакитка, самые её верховья. На ночёвку встали. С утра шли по руслу, оно зажато скальными утёсами, густой подлесок стекал из распадков. И вдруг — прямо вырос перед ними! Грибок-моховичок. Китаец. Бо Хань. По тропке идти, там у него полянка, землянка устроена.

Цокто не удивился почему-то. Вроде он здесь и должен быть, ему тут самое место. Очень старый, сухонький, как корень обточенный, коричневатый, из-под шляпы выглядывает. Похоже, поджидал их. Есть у него, значит, какие-то особые глаза и уши. Собачка выкатилась под ноги, вроде шапка лохматая. Ворон вскоре прилетел. Уселся, перья топорщит, глазом зыркает, очень недоволен. Он здесь хозяин — с таким видом стал расхаживать.

Чай у Бохана наварен, они тут же сели, чаю напились. Старики трубочками задымили. Дымок свился-перевился, так они понимать друг друга стали. У деда глаза блеснули, брови вскинулись, улыбка мелькнула, как круги на воде разбежались. Китаец так же — руками, улыбкой, глазами, бровями ответ изобразил. Добавил ещё: тыр-дыр! Дед, усмехнулся, пожал плечами. Тэцк-тэцк, говорит. Птичий язык, только между ними понятный.

Принесли китайцу соль, муку, патроны, чай, табак. Цокто сколько тоже тащил, умотался. Бохан в обмен передал как бы коричневатые комки. Бережно передал, они завёрнуты в рогожку. Дед так же бережно взял, спрятал в мешок.

Китаец стал лепёшки стал жарить. И, Цокто посмотрел, в нескольких лепёшках — раз-раз — палочкой наколол дырочки-точки, где вряд, где порознь. Через какое-то время отнёс в сторону, положил на камень. Что-то на них наговорил, прочитал над ними.

Ещё после этого к Бохану приходили, всё по-прежнему. Весна начинала зеленеть, а то лето всё объяло жарким дыханием, бывало, и ветер осенний пожелтевшую листву сшибал. Может, Цокто спросил деда так же: тцык-тцык-тцык? Через глаза, улыбку, руки. А дед ответил: тыр-дыр — тыр-дыр. На горно-таёжном, речном и озёрном языке. Цокто всё понял. Китаец собирает горную смолу, вот они и меняются. Эту смолу Жамбал приносит домой, её забирает бабушка Туяна. И отдаёт старику Хандару. Через Хандара она потом окажется у шаманки Дагбы.

Хорошо, что этот старичок стоит там, среди камней, в верховьях. Это очень далеко. За дедом Улзы, за прадедом Жамбала. Лесные люди уж кончатся. Призраки проплывут. А он в самом конце. Или в начале?.. Это как посмотреть. Правильно устроен этот старичок. Жизнь его гармоничная, в согласии с природой. Залезет на верхушки каменных утёсов, по скальным трещинам, по уступам обрывов наковыряет горную смолу. Или ему ворон обученный, может, приносит?

А золотой песок по ручейкам в округе отчего бы не намыть? Нефрит драгоценный попадётся, тоже неплохо. Может, китайцы… Да какие китайцы?.. Те спиртоносы давно сожженные, чей пепел просеян и развеян? Ну, неважно. Ветер закрутится, поднимет завихрение праха — тут же серый призрак из пепла соткётся. Готов служить. Тропинки все знакомы, подхватится — невидимый, в вихрях — вмиг посылочку до Поднебесной домчит. С золотым песком либо с самородками, с нефритом.

За Боханом, в камнях, где Уакитка берёт начало и ещё выше — источник черноты. Журчит, разливается и питает всю тайгу. У старика на животе горят жёлтые точки, светят в темноте. А если он пропадёт, исчезнет вовсе? Речка шумящая, непролазь, курумник поверху, дальние иззубренные гольцы — накроют его. Слижут языком. Проглотят. Останутся только жёлтые точки, волчьи глаза. Сбоку будет сидеть лохматая собачка, ворон нахохлится недовольно.

Несказанно долгое время через космическую пустоту летели те, кто в самый последний момент перед столкновением спрыгнули с загоревшейся железной лодки. Попадали посреди тайги. Чуть не замёрзли было, но примагнитили оленей, они собрались отовсюду. Прилетевшие обнялись с ними и заплакали. Долго же не виделись, вот и встретились наконец.

Цокто бежал по тропе, и — будто он в середине вращения. Вокруг мелькают меднотелые сосны, по подлеску скользят солнечные пятна. Листва рябит, меняется тёмно-зелёными, ярко-светлыми переливами. Ветер где разогнал по небу длинные и разрозненные перья облаков, а где сбил в кучу, в перьевые подушки.

Тропа, думал Цокто, так сразу и родилась тропой. Выросла понемногу, потянулась через реки и ручьи, по склонам, через ущелья. Поднялась на крутые перевалы, на дальние хребты вскарабкалась. У неё родились дети: малые тропки ответвились от мамы-тропы. Побежали по своим увалам и склонам, там и прижились. Эту тропу, а теперь её детей и внуков, вырастили, протоптали, значит,

ходьбою многие таёжники, которые были прежде. Сколько их прошло за долгое время? Тропа даже состарилась. Перевита толстыми корнями, как проступившими венами, и повыбита, и повыщерблена до каменной осыпи.

До этого шли дожди, так что засиделись с дедом на таборе. Серая хмарь нависала, дождь вроде затихнет, но тут же припустит изо всех сил. Всё уже надоело, да и припас на исходе. Цокто побежал в деревню, надо же развеяться. До дому скорее бы добраться!

С утра натянуло тучи, но они ослабли, ветер справился с ними, разогнал. Веселее стало. Идти почти целый день, поднялся рано, к вечеру добежит до деревни. Тропа идёт с перепадами вверх и вниз через предгорья, которые скоро сгладятся, потянутся невысокими взгорками.

В низине звонко плескалась речка: это, видно, Болоневка. Да сверху серый и замшелый язык курумника, поток стремится из-под камней. Там, выше, ручей Решитихинский срывается водопадом и источники, где бывали с дедом. Но давно это было.

Цокто и таёжной жизнью, и дедом наученный, шёл насторожке, старался всё примечать. Однако ничего особенного, веток недавно поломанных, заметных следов не было. Может, кто приметы какие и предсказывает… Но слышатся они или нет в голосах лесных жителей? В листве трепет, верхушки сосен шумят. Пичуги поднимают щебет в одной стороне, в другой. Будто сорвет их ветром, понесёт, зацепит где-то за ветви. Путеводная нитка тропы бежала перед ним, звала скорее домой.

Понизу шумит на камнях, пробивается через заросли ручей. Имени у него нет, никто его никак не назвал. Переход по камням — где перешагнуть, где перепрыгнуть можно. Когда спустился, подошёл к ручью, то… Однако сильно поднялся после дождей, бурливый стал, камни многие скрылись, берег подтопило. Длинные стебли сбегали, колыхались в течении, низко нависшие ветки цепляли струи. С мешком за плечами сильно не напрыгаешься.

Перед переправой небольшая полянка, кострище есть: давнее, заросло почти. Поднял ветку, прямая, прочная, с одного конца обгоревшая. Под посох можно приспособить, для опоры, на камнях удержаться. Чтобы обгоревший конец приспособить под руку, достал топорик, тюкнул несколько раз, обтёсывая. Где-то по угольками или по каменной крошке попал… Что-то отлетело — вдарило в глаз!

Резко кольнуло, будто коготь впился! Заворочался, стал раздирать под веком. Цокто аж отбросило!.. Замахал руками да тут же мазнул пятернёй по глазу — вытащить эту дрянь! Рука грязная, в саже и копоти. Ещё хуже стало, слёзы навернулись, ничего не видит, крошку не поддеть, она впилась. И не проморгаешься… Едкое чёрное пятнышко белый свет застило.

Скорее забрёл в воду, оскальзываясь на камнях. В быстрых струях зачерпнул горстью, но там песок намешался. Дальше шагнул, присел, плескал ледяными, колкими брызгами. Однако в воде не насидишься, отошёл назад, за ветку ухватился, чтобы подняться. Корни у сосны вымытые, оголились. Где-то попятился,

соскользнул — ударился обо что-то и осел тут же. Боль качнулась, покатилась в затылок. Закружились пятна, рябь листвы, переливы… На какое-то время всё пропало.

Но вроде пришёл в себя. Боль справа, в глазу. Так и засело что-то, раздражало. Левым глазом проморгался, от слёз всё размытое, в тумане. В то же время почувствовал… Какое-то движение? Тёплое дыхание. Запах. И — будто позвякивание… Пиликанье невидимых певцов у корней трав, стрекочущие прыжки кузнечиков, басовитое гудение жуков, трепетные росчерки стрекоз. Горьковатый запах ветра и полыни, как если срывать травы, разминать в ладонях. Так пахнут волосы степных девушек. Пятна разбежались — слились. Ведь это фигура, кто-то присел перед ним.

Тёмные волосы разбежались прядями. Девушка! Тут же упёрся как бы… Пусть и взглядом одного глаза, но… Чуть было и на него не ослеп! Смуглая, глянцевитая ложбинка между грудей, а они угадываются под меховой накидкой. И одна грудь, с любопытством, вот-вот выскочит, покажется! Колени так близко, раздвинуты, солнечные блики на округлостях цвета смуглой бронзы. Девушка придвинулась — качнулась к нему… Нет, это же сон. Сон, конечно, подумал Цокто. Ну ладно, пусть не кончается. Её чуть улыбающиеся губы. Она улыбалась!

Взяла тёплыми лесными ладонями его лицо, притянула к себе, и только мелькнул язычок! Лизнула, примагнитила крошку кончиком языка, вытянула из глаза. Он сразу всё увидел… Шум леса тут же вернулся, объял. Солнечные пятна потоком. Но где она, эта девушка? Звонкий смех раскатился, и, отдаляясь, играл серебристыми монетками в трепещущей листве. Сидел, опёршись о ствол. И только пятипалая веточка рябинки брошена ему на грудь. Несколько ярко-красных ягодок. Воспоминание о чём-то промелькнувшем, несбывшемся, что эти ягодки вобрали в себя. Небо с бегущими облаками, скользящие блики на меднотелых соснах, солнечные пятна на листве, плеск речных струй. Всё это будто хранило тайное. Скрытое, невысказанное.

3

Цокто помнил и запах бензина, и горячего машинного масла. Рычащий трактор, на котором они едут с дядей Галсаном. У дяди работа — уверенно вращать по часовой и против часовой стрелки большой чёрный циферблат. Руль — колесо времени, которое управляет колёсами трактора. Время крутится так и эдак, направо-налево в промасленных, с точками ожогов и крапинками гари, могучих ладонях. А маленькое колёсико времени есть у него на запястье, прихваченное ремешком, и там всегда бежит стрелка, бежит по кругу, как заколдованная.

Гремит короб прицепа, «Красный богатырь» окутывается выхлопом. В помощь ему дядя дымит папиросой, голубоватый дымок уносит назад. Машина таранит лбом нависшие ветви, ныряет в провалы размытой дороги. С ветвей

осыпается листва, дробь крупных росных капель, они звонко прыгают и рассыпаются блестящими шариками… Эти шарики — подшипники, которые есть у Галсана — драгоценности, спрятанные в железных коробках в его мастерской. Дядя может всё что угодно сделать у себя, даже складной нож! И блесну хоть какую, и разную рыболовную снасть. Но это, если помогать ему зимой разгребать снег, летом выкашивать буйный сорняк во дворе его мастерской.

«Красный богатырь» тащил и брёвна, и копны сена, и бочки с горючим. Попыхивая дымком из трубы, связывал между собой дальние стоянки пастухов, лесоучастки глубоко в тайге, сенокосы в поймах рек. Ездили в аймачный центр, забирали необходимый груз. И люди просили то отвезти, это привезти, кому что надо.

Однажды поехали куда-то далеко. Трактор сыто урчал, съедая дорогу, заглатывая её целыми километрами. Колея то хорошо заметна, то пропадала, укрываясь поднявшимися травами. Нескончаемая степь показывалась одним боком, потом другим, ведь дядя крутил рулевое колесо… Дальний горизонт и не думал приближаться. Цокто засыпал и просыпался, и всё так же качался на сидении. Трактор рокотал, дядя Галсан был недвижим, только папироска дымится в плотно сжатых губах.

Всё плотнее наступали, охватывая по кругу, пожухлые и выжженные, бурые и рыжие гривы колючих метёлок, в которых запутались сухие шары перекати-поля. Длинный язык коричневатой пыли тянулся за ними, а то вздымался облаком, которое догоняло, накрывало серыми, снующими прядями, заткавшими всё вокруг. Над трактором, где сидение у тракториста, трепетал парус брезента на четырёх железных трубках, но совсем не спасал от солнца, от горькой пыли.

Дядя — тоже богатырь, конечно. Но когда был подростком и работал на лесосеке, помогал отцу и братьям, рухнувшая лесина придавила ему ногу, изуродовала. Кое-как ногу спасли, ходит с тех пор переваливаясь, хромает. Ну и «красным» богатырём он тоже бывает. Лицо его краснеет, а нос багровый, с прожилками. Потому что, как говорит бабушка Радна, «бутылочка-то проходу не даёт». Если верить бабушке, то бутылочка может подставить Галсану ловкую подножку, что он валится с ног, толкнуть его изо всех сил куда-нибудь в канаву, поставить под глазом здоровенный фингал. Да, бутылочки появляются, когда к дяде в мастерскую часто заглядывают механизаторы, шофёры, да и все, у кого техника в хозяйстве. И машины, и механизмы ломаются, надо помочь с ремонтом. Ведь он лучший тракторист в аймаке. Лучший и единственный, потому что «Красный богатырь» тоже в единственном числе на все степные увалы, сенокосные урочища и лесозаготовительные участки.

Чтобы не поддаваться сонной одури, Галсан порой затянет длинную и тягучую песню, старается перекричать тарахтенье мотора. Каждый раз придумывает и вставляет другие слова, смотря по погоде или его настроению. Разносится песня над степными просторами… «Как веселые телята мы резвились на весеннем лугу! Ты — моя трепетная косуля, а я — твой гуран-рогач! Ты — моя

изюбриха в осеннем березняке, а я — твой изюбрь в лучах закатного солнца! Я — твой сильный жеребец, ты — моя молодая кобылица!..» Даже любопытные тарбаганы, бывает, высовываются из своих нор, застывают, молитвенно сложив лапки, заслушавшись.

Дядя ведь и Цокто иногда давал рулить! Он вращал рулевое колесо, и степь заводила по кругу нескончаемый ёхор... Голова начинала кружиться! Почувствовав слабость неопытных рук, трактор тут же сноровисто взбрыкивал, недовольно фырчал, сам собой сворачивал наобочь, выискивая глубокие канавы. Даже дорога, до того ровная, вдруг дыбилась, а то обрывалась в бездну. «Э-э, нет, паря, не дури!» — дядя тут же перехватывал руль, усмирял железного коня. И тут же путь — как скатерть под колёса. Этот страх и восторг конечно не забудешь, да и сравнить не с чем!

«Богатырь» время от времени перегревался, закипал, от пережжённого масла щипало глаза. Дядя лез в клокочущие внутренности, колдовал с ключами и матюгами. Чтобы дать передышку капризному двигателю, укрывались в тени, пили чай и дремали.

В каких-то местах степь приподнималась, будто вздыхала, вбирала небо над собой её необъятная грудь, а потом медленно и протяжно тянулся выдох. Эти повышения и понижения были почти незаметны, только трактор начинал рокотать басовитее, учащая биение мотора.

— Мы что-то не туда заехали, — привстав, Галсан осматривал дали из-под ладони, — тут вроде короче, сократить можно... Старая дорога должна быть.

— Что... мы неправильно едем? А куда мы едем? — Цокто не то чтобы испугался, но если они заблудились, то останутся здесь, посреди степи.

— Не, ничего. Вон старое русло высохшее. Дорога его пересекает где-то. Но там, дальше. Не доехали, должно быть.

Долго тряслись по каменистому руслу, объезжая выбеленные коряги-плавуны, буксуя в песчаных наносах. Взобрались по осыпающемуся склону, снова углубились в степь. И вдруг вдалеке, на плавной степной волне — какая-то серая черта, знак, странно торчащий камень. Похоже, что каменная, покосившаяся на один бок кукла или большой младенец, которого запеленали в серое, всё в повыбитых щербинах одеяло, поставили стоймя непонятно зачем в пустынном месте. Когда подъехали ближе — то это вроде как каменный истукан. Сторожит степь, стоит здесь один-одинёшенек на всей земле.

Дядя необычно резко, словно наткнулись на невидимую преграду, заглушил машину. «Богатырь» даже рыкнул недовольно. Вылез, разминая ногу, на которую хромал, погладил горячий бок своего железного коня. Долго стоял, осматривался. Достал по привычке папиросную пачку, постучал по ней папироской. Но тут же одёрнул себя, спрятал пачку.

— Во, видишь, какое дело, — видно, дядя был растерян или растроен чем-то. — А я думал, это вроде как выдумка. Ну, просто так люди говорят, языками чешут. Про этот камень.

— А что люди… Почему они про этот камень говорят? — Цокто тоже стало не по себе в этом глухом и отдалённом уголке степи. На месте глазниц у изваяния вполне различимые вмятины, словно выдавлены детскими ладошками. Но если присмотреться, там всё выкрошено пробоинами, ими всё испещрено, где кучно, а где вразброс. И сколы, борозды глубоких царапин. Многие источены, выветрились. Похоже, все демоны ночи драли его когтями.

— Да вообще… как бы его и не должно здесь быть. Ведь тогда, получается, и старый Дацан где-то неподалеку. Но, говорят, камень этот в разных местах встречают. Он сам, ну… Переходит с места на место. Перемещается как будто.

Перемещается? А где следы тогда, волок какой-то — или что? Понятно же, что камень основательно врос в землю, весь обметён понизу колючками перекати-поля, стеблями и метёлками.

— Не знаю, его мало кто находит… Встречает в степи. Говорят, это старый лама Ханда превратился в камень. Такая история, — дядя замолчал, покусывая сухой стебелёк.

И трактор замолк, перестал пыхтеть. Без него они сразу уменьшились, превратились в былинки под белесым небом, как бы в центре циферблата, а вокруг покатое в дрожащем зыбком мареве раскалённое часовое стекло равнины. Крестиком в зените парил орлан, появлялись и другой, и третий, но он опять оставался один, может, они так сменяли друг друга, следя, что происходит. Плотным войлоком окутала тишина. Хотя этот войлок, как колючее покрывало, набит шуршанием, потрескиванием, зудящим звоном порскающих кузнечиков, вспархивающих стрекоз, басовито гудящих жуков. Ещё и здоровенные слепни норовили шлёпнуться со всего маху, метя в шею или в руку, впиться кровососными жалами, только успевай отмахиваться. Никакого вроде бы ветерка, но ветровые змейки вдруг возникали и проскальзывали, закручивая вихри из пыли.

— Нет, а почему тогда, дядя… Получается, что… — Цокто не терпелось задать вопрос.

— Ладно, Цоктошка. Помолчим давай, — прервал Галсан, — потом расскажу. Оставим здесь что-нибудь. Да поедем потихоньку.

Похлопал себя по карманам, достал спичинки из коробка, две папироски, завалявшуюся монетку. А у Цокто и карманов-то нет на штанах! Но есть заплатка, правда. Тоже подходит, как карман. В ней, в заплатке спрятаны блестящие шарикоподшипники. От дяди Галсана сокровище. Блестящие шарики раскатились в траве. В них отразился серый молчаливый камень, что как будто смотрит своими слепыми глазницами. И кажется, от него протянуты невидимые нити к одному или к двум, к трём орланам. Птицы отразились, соблюдая последовательность своего появления и растворения, исчезновения в небе. Кузнечиками тоже кто-то руководил здесь, басовитыми жуками, возникающими и пропадающими пыльными змейками.

Но вот и ворон тут как тут. Прилетел, охлопал себя крыльями. Точно, сейчас спичинки сопрёт, чиркнет о шершавый бок камня, закурит беломорину.

Будет ходить и размышлять, покуривая. Если они триста лет живут, то есть что вспомнить. Вон закосил чёрным глазом, поблескивающим, как пуговка. А то на его шарики уже нацелился? Пропали шарикоподшипники, не вернёшь.

Трактор наконец-то ожил, затарахтел обрадовано. И опять пропали в степи. Где-то по склону иногда мелькал повыбеленный костяк, а то и череп джейрана. Волки разбойничают здесь в стылые зимние ночи, это их охотучастки. А раньше носились по степи банды белогвардейцев. Разбитые по всей Сибири частями Красной армией, они убегали в Монголию. Потом их тут разогнали. Но, может, где-то в глухой лощине, укрытый бурьяном да горькой полынью, ржавеет покорёженный пулемёт «максим». Ветры занесли его песками, суслики прорыли ходы и норы, прячутся под щитком в пулевых пробоинах от зорко высматривающих добычу, кружащих в небе коршунов да орланов. А то и винтовку можно найти и настоящую кавалерийскую шашку. Цокто никогда, правда, не находил ничего. Разве что гильзы с десяток-два попадались, побуревшие, рассыпанные в траве. Может, кто-то отчаянно отстреливался? Ведь сколько людей головы сложили по этим склонам и увалам — и наших, и врагов. Если их не похоронили как надо, то они превратились в призраков, бродят по ночам.

Неизвестно откуда, кажется, прямо с неба, бывает свалена россыпь камней, или они сложены стопкой, один на другой. Но это их повыветрило, они расслоились. На какой-нибудь камень или на стопку камней всегда присядет ворон. Чёрный, с проблесками седины. Может, это один и тот же следует за ними, перелетая с места на место? Или всё же разные, каждый передаёт весть о них, сообщает соседу — вот, мол, такие-то едут на пыхтящей тарахтелке.

Ворону, думает Цокто, всё видно сверху, он всё замечает. Он даже знает, где не только ржавый «максим», а где тайные схроны сделаны. Там понапрятаны новенькие винтовки и патроны в промасленной бумаге в длинных зелёных ящиках. Даже у дяди в мастерской есть такие ящики. Они военные, конечно, но… Нет, не белогвардейские. В них хранятся разные полезные запчасти. А награбленное богатство белогвардейцы тоже спрятали, не тащить же им на себе, когда их становилось всё меньше и меньше.

Ворон видел и знает, наверное, где такое место… Острый луг его называют. Там красноармейцы устраивали засады и прямо стаями загоняли белобандитов. Все они напарывались на «кинжальный огонь», говорят. Из пулемётов всех косили наповал!

— Дядя, а дядя, — Цокто было интересно узнать, — а ты знаешь, где это… Острый луг такой?

— Хм, где это… — мерно пыхтит синеватым выхлопом трактор, и дядя, задумавшись, пыхтит выхлопом папироски. — Это далеко, так-то. Вон туда, в общем, если прямо, ближе к горам. Там Гольяновка есть. Речка такая, Гольянка. Ну, и ещё дальше. Это урочище, Острый луг. А тебе что он?

Дальний горизонт застыл, замер, как бы дрожит в мареве. Даже секундная стрелка на дядиных часах замерла, никуда не бежит. Перегрелась, заснула.

— Там ведь такой отряд… Красноармейский отряд. Против бандитов они были. И они как покосили там всех!

— Да. Набили много. Местные кто, так за десять километров это место огибают. Боятся.

Горячей плитой давила жара, иногда вдруг взметались пряди песочных вихрей, закручивая в воронку шары перекати-поля, сухих колючек и сорванных, высушенных трав. А то они въезжали в прозрачные кубы из полынного запаха, он стоял плотный, недвижимый, как раз в этом месте. Дальше полынный настой исчезал, рассеивался. И где-то опять эта стеклянная крышка, под которой сгустился дурман.

— Там призраки, да? Призраки водятся?

— Нет, какие призраки. Плохое место. Нехорошо там бывать. А кто тебе это сказал?

— Да Булатка, может. А ему старшие пацаны. Многие говорят.

— Было такое, отряд этот. Безжалостные. Сброд, в общем. Над ними одна женщина верховодила, красноармейша… или как её? — комиссарша. Не русская она, и не бурятка, а не пойми кто. Может, и не баба — а чёрт в кожаных штанах! Чёрная тужурка из кожи, сапоги, в ремнях, маузер на боку.

— А, знаю. Это Чёрная комиссарша, да? — Цокто не терпелось вставить и своё. — Дедушка же рассказывал. Они ведь старый Дацан разграбили, да? И сожгли потом.

— Закрыли Дацан поначалу. Все красноармейцы, все конники настоящие куда-то девались из отряда. Одни бандиты колобродились. Пришло им распоряжение, давай все хозяйства переписывать, скот считать, у кого сколько. Вроде бы дело хорошее, Советская власть поможет, всё такое. Но какой там! Отбирали у всех подряд, что у богатых, что у бедных. Людей до голодной смерти доводили. Кто не согласен, тому два часа на сборы — и на подводы. Покатились люди неизвестно куда перекати-полем.

— Но ведь она, Чёрная комиссарша, потом с ума сошла, — влез со своим замечанием Цокто.

— Ладно глупости-то болтать. Как ненормальная была, это да. Ей же всё дозволено, силой своей упивалась. Им потом опять бумага вышла с «революционной печатью». Все монастыри и дацаны закрыть, а лам в изгнание да по тюрьмам. Примчались в старый Дацан, где старый лама Ханда служил. Все знали старого Ханду, все к нему шли, он всех рассудит. Стали Ханду хватать, а степные люди, что там были, за него вступились. Черти эти закрутились как поджаренные. Их-то с десяток, а народу — много! Но отступить им нельзя, всё же схватили Ханду. В куль закатали, на круп вороного забросили. Сорвались, как смерч, и ускакали.

— Ух, ты! А потом что было, дядя?

— Мчались… А там ветер, песком всё закрутило. Не видать ничего. Потом глядь, а Ханды-то нет. Где-то куль с ним отвалился. Они обратно, давай искать. Смотрят — куль, но стоймя, будто в землю воткнут. Не куль это — а камень.

Лама Ханда в камень обратился! Они так перепугались, что стали его расстреливать. Вот этот вот камень, видел там? Весь изрешетили, это от пуль следы.

— Вот это да! Так мы приехали как раз…

— Ну, не знаю, Цоктошка. Это ж люди говорят. Там ещё вот как обернулось… На стрельбу вывернулась банда атамана одного, Ратникова. Что такое, что за перестрелка? Да это та комиссарша — и прихвостни её! Бац-бац! — стали их щёлкать издалека. В банде-то человек пять всего, последние остались. Ну, сейчас бой завяжется, думают. А где там, у этих же патроны покончались. По каменному Ханде все истратили. Наутёк бросились, однако посшибали их.

— И Чёрную комиссаршу, значит…

— Комиссаршу эту… Привязали за аркан к дикому коняке монгольскому да как свистнут, как вытянут нагайкой! Тот сдуру упорол в степь. Так её бултыхало по земле, что тулово до ног самых стёрло. Ноги потом одни нашли, на аркан привязанные. Люди так в степи говорят.

В давние времена тропа была лишь примята чутким зверьём и, пройденная первым смельчаком-охотником, расширена и натоптана следующими поколениями добытчиков. Она словно связывала приметные стволы сосен, на которых почти затянувшиеся, глубоко вросшие в смолистое тело затёсы похожи на оставленный след человеческих ладоней, указывающих верное направление. Некоторые уставшие противостоять злым ветрам сухостоины рухнули, перекрещивая торную строчку, прошивающую лесные и горные дали.

Весенний шум в тайге с каждым днём всё многозвучнее. Стихают промозглые ветра, идёт перелом на тёплое дыхание от нагретых солнцем склонов, на смолистый дух в стволах и хвойных лапах. Наполняются силой ручейки, неумолимо подтачивают ледяной панцирь рек. Дятлы дробным перестуком извещают таёжных обитателей, что пора просыпаться, и крикливые сойки устраивают по утрам перекличку — все ли на месте, все ли пережили студёную зиму? Снежные шапки оседают, исколотые лучами, напитываются влагой, становятся похожи на ноздревато-серые ломти подмокшего хлеба. Резче обозначены тени, прорисовывая увалы бледно-голубой чрезполосицей.

Тропа неутомимо взбиралась вверх, штурмуя крутизну с распластавшимися каменными языками курумников. Остался позади подлесок из осинника и березняка на месте горельников. Перевал горбатился, грозно выступал впереди под бугрящимися тучами. То он виделся совсем близко, то по какому-то необыкновенному закону перспективы, что меняет расстояние в горах, удалялся так, что казалось до него никогда не добраться. Седловина перевала сглажена, в каменистых облысевших плоскостинах. Ветер усилился, бугрил и гнал тревожные тучи.

Цокто тащил на себе походный мешок, ружьё, топор держал наготове. То и дело надо было отступать в обход вывороченной древесной непролази, со звоном отсекать коряво растопыренные ветви. Тропа состарилась без службы людям… Мало кто здесь ходит. Места кряжистые, с иззубренными грядами,

заключившими в каменные объятия обширные плоскостины. Когда-то охотники шли по этой тропе за хребет и ещё дальше — в урочища, в дебри, где скрыты русла рек. Множество безымянных потоков сбегает по распадкам — большие и малые, бурлящие на перекатах, обрывающиеся с круч водопадами.

И лихие люди — беглые с каторги — хаживали по тропе. Рассказывал дед Жамбал про одного беглого каторжанина, скитавшегося в диких отрогах и ущельях. Вот он-то наткнулся на Золотую Жилу. Была она скрыта за падающей стеной водопада. Самородками размером с куриное яйцо усыпана каменная стена. Набрал он сколько мог золота, вышел к людям. Откупился от властей, зажил богато. Потом ещё несколько раз приходил к своему тайному водопаду и набирал самородков. Про то место, где находится Жила, рассказал двум своим сыновьям, когда в мир иной отходил. Поехали сыновья, нашли Жилу, набрали золота. Отправились и во второй раз, но где-то, когда по ненадёжному льду переходили реку, провалились оба с лошадьми, затянуло их в стремнину, не выбрались. Так и пропало это место, никто больше не знает, где оно.

Да, было как-то, Цокто сам раздобыл лоток золотоискательский, проржавевший весь, измятый, на берегу ручья нашёл. Попросил деда, чтобы показал, как песок-то намывают? Черпать надо, кружить лоток, муть всю сгонять постепенно. Постоял в ледяном потоке… Совсем ненадолго его хватило. Ноги заломило, в пояснице боль. Сверху печёт, снизу холодом обдаёт, аж дух захватывает. Слепни огромные, комарищи облепили. Только какие-то блестяшки ему и попались, на дне лотка. Но это кварц отслоившийся, слюдяная шелуха. Нет, ну его, это золото! Дед только посмеялся, попыхивая трубочкой. А ты как хотел, Цоктошка? Прям сщас на тебя самородки повалятся, ага!

А уж деду Жамбалу, шедшему позади, как тяжело приходилось. Тропа по тёмным распадкам где в жёстком насте, а где, на увалах, хлюпает снеговая каша. Ичиги не убережёшь!

И Грома… Верного Грома с ними нет. Возвращаются без него.

Его порвал не залёгший вовремя медведь-шатун. И деда Жаргала мотанул с дурьей своей силы, что… Не подоспей Цокто хоть на минуту, так задавил бы насмерть.

Клочья от ватника, вмиг напитавшиеся кровью из распоротого предплечья, разлетелись вдрызг. Гром вцепился медведю в ляжки — в «штаны», по-охотничьи. Яростный рёв, блеск клыков, клочья шерсти. Завертелась смертная карусель!

«Медведю-то чо сюда переться было?» — деду Жамбалу теперь есть о чём поразмышлять. С разных сторон, как будто обкуривает своей трубочкой с табачком передрягу с этим, едва не поломавшим их насмерть шатуном.

«Чо сюда переться было!»

Косматая смерть подобралась к деду Жамбалу вплотную. Может, старик потерял свою всегдашнюю оглядку и сторожкость, торя снежную первоходку в буреломной чащобе… Упустил момент сорвать двустволку. А то Гром подпустил зверя близко, что-то его отвлекло. Шустрая белка, может быть, за которой

гонялся? И даже Цокто отстал в этот момент, он шёл медленнее, тянул за собой на постромках волокушу. Замешкался на склоне, заскользил по подслойке из кожистых листов бадана.

Бурая махина ахнула лапищей, зацепила деда когтищами. От ватника полетели ошмётья, охотника шваркнуло спиной оземь. И яростный Гром, вцепившийся медведю в штаны, и смертная карусель. Цокто бросил всё, рванулся, подоспел. Втянул в себя этот вымороженный, с рассеянным веществом предсмертья бледный кисель тягучего воздуха. Сколько раз мысленно представлял, как ловко он, если вдруг случится такая беда, взведёт курки своего шестьдесят шестого «тоза», загонит в стволы двенадцатый калибр. Но какое-то онемение в руках. Пальцы застыли раскоряками. Будто это и не его пальцы — а совсем чужие.

Морок, ступор — и всё так же мгновенно исчезло, разъяснилось перед глазами. Вскинул ствол — пламенное сияние, казалось, медленно-медленно тянулось от дульного среза. В чёрную область, в голову, промеж сверкнувших злобой глаз. Но медведюка всё же пластанул лапой, когда продолжал ворочаться в предсмертных судорогах. Не увернулся Гром, только взвякнул, отлетел с распоротой брюшиной.

Деду «шибко нутро отбило», как он вверх тормашками навернулся об корни да об каменюки на склоне. Снегу-то ещё не так много, не основательный лёг. Хорошо, курмушку-душегрей поддел под ватник, до кости не порвал, кожу спластал только. Чего-то дед оклематься не может никак. Хотя он «шаманит мало-мало»: набуровил в чеплажке чёрной смолы, размешал с желчью звериной, накрошил тёртой коры ивы, добавил настой подорожника на спирте. Ещё целый запас корешков и трав животворящих у него собран, насушен, под балкой в мешочках насован да поразвешен. Распластанное плечо ему обработали, заклеили, этой чёрной мазюкой замазали, забинтовали. Вроде ничего. Краснотой пошла рана, но потом сгладилась, зарозовела.

Цокто сразу же с тревогой подумал, что надо выходить им, к врачу надо, до фельдшерского пункта дотянуть. Но попробуй скажи деду! Он и слушать не будет. С другой стороны, выйти сейчас, когда большие снега легли, сил не хватит. Да ещё от того, что «нутром» он вдарился, будто потемнел весь. Хмурый даже стал, неразговорчивый. Только пьёт чёрный чай кружку за кружкой с заваром трав своих да корешков. Окутывается дымом трубки. Спит, завернувшись в полушубок, на духмяном подстиле из сухих летних трав, прогревает старые кости у огня. Ледяные переправы, холодные ночёвки — и в мороз самый, и под дождём — источили его суставы, перекрутили сухотой жилистое тело.

— Чо это, Цоктошка, медведяка-то за мной приходил, а? Смерть моя, однако, чо ли?

Дед уж как только не обдумывает этот случай и так и эдак «мозгует».

— Да чего накручиваешь, дед? Шатун он и есть шатун. Оголодал или захворал от чего. Там пожары от молнии могли полыхнуть, где он был. Неурожай. Шишки, ягод нет. Мне много что дядя Гатап рассказывал, он же промысловик.

Дядя Миша тоже сколько ходил раньше, берложил. Бывает, один толстопятый с другим каким повздорят, у них какая ещё межусобица за кормовые урочища идёт. Смертным боем бьются! И тот, что подороднее был, накостылял этому, прогнал с берлоги. Тот пошёл шататься, злой да одуревший.

Хотя… был ли он одуревший? Судя по следам, которые Цокто прочитал уже после, обойдя по склонам эту большую, испещрённую знаками книгу — то был очень скрытный, таящийся, задумавший убить охотника зверь. Можно было угадать, что медведь надолго замирал на одном месте, вынюхивал, как бы чуял какую-то волну или сигнал, идущий от них? Пунктир следов отпечатал беспокойство его поначалу хаотичных шатаний. Закладывал круги, сужал петли, неумолимо сжимающиеся вокруг человеческой жизни. Это было существо, в которое перешла вся скрытая до времени звероватая и жестокая Сила. Она не таится, чего ей скрываться? Она там находится, пульсирует и вызревает. В глубоких провалах, в поваленном буреломе, в корявых лапах выворотней, под нависшими скальными зубьями.

…Её можно почувствовать, когда нарастает бормотание бьющегося среди камней ручейка, лунное жёлтое око следит немигающе, горные стражи застыли в безмолвии. Когда развёрзнется таёжная бездна. Услышишь, как свивается нить погребального рассказа о задавленных рухнувшими сухостоинами страха, об унесенных лавинами неверия, об утонувших в ледяных реках безволия. И ныне те, ушедшие, крадутся вечными духами-странниками. Бывает, и присядут у твоего ночного костерка погреться… Тогда беда тебе, одинокий, ночующий в лесу!

Эта Сила прорывется в один момент, превращает бурое существо в безжалостную машину для убийства. Она направляет выследить, настичь и сожрать то, что движется, источая тепло. Подавляет все тревожные, вызывающие до этого чувство опасности, запахи оружия, дыма, собаки.

Думали выйти с Кулёмной в конце декабря, а вот прижало, куда попрёшь? Всё на Цокто легло — дрова-вода в зимовьюшке, поесть что. И деда обиходить, и ловушки обежать, и белок, если набивал по две-три, так просто не бросишь. День зимний короток, только утреннее солнце глянет, порадоваться не успеешь, уже за гряду покатилось. Темнота посочилась из-за увалов, со дна распадков.

Ладно, что на зимовье ещё с лета заходили, припас заготовлен загодя. Об них беспокоиться будут, куда подевались? И вот неделя, может, прошла, прибежали, слава богу, два брата Хайдаповы. На лыжах быстро дошли, за два перехода.

— Вы там, мы думали, на Подкаменке. Всё прошарили, нет вас. Потом на Правую Лабанку попёрлись. А нет никого, давно ушли, следы уж позавалило.

— Да вот, паря, поломало-то меня как, — вздыхает дед Жамбал. — Шатун-то на нас сдуру нарвался. А уж Громку порвал, вот жаль собачину! Не выжил, крови сколько вытекло. Хорошо, Цоктошка спроворил, в упор вальнул медведяку!

— Ну ты мужик! — братья одобрительно толкают Цокто в плечо что есть мочи… устоит ли? — А там и бабушка Туяна, тётя Дамба заполошились, где

охотники? Твои сеструхи, Цокто, забарагозились. Прибежали к нам. Мы давай, паря, быстрёхонько собрались. В мыле все, маханули на Подкаменку!

Братья осмотрели рану, как затянулась. Но что скажут, какие они знахари-лекари? Так-то, по хорошему, надо деда волочь, хотя бы на волокуше да на лыжах. Но колготиться по такому снегу — это неизвестно, лучше или нет. Ещё и мороз вдарит, уже сейчас по ночам вон как прижимает.

— Замедлился бы Цоктошка мало-мало, и задавил бы медведяка! — дед только кряхтит да постанывает. — Не знаю, так говорят… Кто сорок медведей добудет — то всё, кончай на этом. Потому как следующий, сорок первый, — это погибель, считай. Всё одно что-то случится, и пропал охотник. За ним, стало быть, медведяка придёт. Никак не спасёшься!

— Да ладно, дед, — братья едва притиснулись к столу, в избушке не развернуться, дуют чай все вместе. — Ты же никаких сорок не добыл… Где их, сорок, возьмёшь? Это раньше, в стародавние времена так было.

— Так-то оно так, паря, — соглашается дед. — Однако, десятка два-то я за свою жизнь стрелил! Но так вот, один на один никогда не ходил, правда. Сотоварищами завсегда, с опытными охотниками. А Грома-то он забрал всё же… Может, мне предупреждение? Мол, ты у нас следом пойдёшь, чёрт старый!

— Бох с тобой, не каркай, Жамбал! Всяко разно бывает, а кому какой срок отмерян… Так уж не этой, не морде шерстяной судить!

Ладно, так порешили, обдумав. Сейчас деда чо тревожить. Пусть наладится, отлежится. До весны-то перекантуются. Мука есть, патроны, чай, табак. А если что, они прибегут или пошлют кого.

Цокто с медведяки шкуру ободрал, выскоблил её, отморозил. Дед завернётся в неё, спит. Желчь медвежью отогнали, жиру повытопили. Намажет спину деду и проминает, топчется по нему голыми пятками. Морозы по ночам давили всё сильнее, сжимая бревенчатые стены до треска, снега шли, обступали плотно, заваливали, налетали метелями. В ясные ночи звёзды зыбко дрожали, как мохнатые лучистые шары, призрачно освещая чёрную, где с синевой, где с фиолетовой бездной провалов чащобу, увитую снежными наносами на ветвях и хвойных лапах. Как будто воздух становился густым — и словно густел, становился медленным свет дня, сменяя серовато-блеклый рассвет тут же, казалось, наступившим закатом с розоватыми всполохами на снежных пластах, с глубокой синью удлинившихся теней.

— Раскажу тебе, Цоктошка, как Туяну свою умыкнул, — сказал как-то вечером дед, напившись чаю, трубочку свою закурив. — И трёх волкодавов поломал. Или сколько там, люди говорят… Пять, что ли? А то поди ж ты, здоровье моё поисхудалось. Так окочуришься, потом насочиняют, что попало. Лучше, ты знай. Ну вот. Что поубивал я их, так ничего не помню. Как это было? Грех на душу взял…

И Цокто удобно устроился, приготовился слушать. Хотя это уже было непонятно, если дед так рассказ начинает… Как это ничего не помнит, разве так бывает?

— ...И как будто не я это был. А один старичок, он мне гахана в помощь послал. Вот про этого старичка-то надо сначала рассказать.

Сначала, ага. Бандиты эти, варнаки, что у Гомбо выслуживались, в погоню за нами кинулись. Нам-то надо было вверх, по ручью, до заимки, там товарищ ждал. У него припасы, всё. Оттуда бы в горы побежали, и место было, где затаиться. Но пока гнались они, то в неудобицу заехали. Кусты, каменюки, коням трудно. Собак пустили, затравить чтоб. Хорошо, не всех сразу. И вот этот гахан вышел. Я его впереди себя выпустил. Откуда он взялся? Ну вот. Так меня один старичок надоумил. Сказал, мол, гахан пусть с тобой идёт. Когда надо, ты его выпусти. Не бойся ничего.

Старичок этот прямо как с неба образовался. Сам толком не скажу. Однако, по порядку. Я ведь не знал тогда, как с бедой справиться. С Туяной-то у нас всё закрутилось. А её, видишь, замуж потащили. Тогда кто бы её волю спрашивал, хочет она, нет? И я уж всё бросил, руки опустил. Плетью обуха не перешибёшь. Куда мне? Батрак, голодранец, за душой ни гроша. И бегал тогда, батрачил, по увалам в степи, из конца в конец, баран пас. День-ночь, ничё не помнишь. Коняка был, но его берёг, так и бегаешь. Собака ещё, Борогошка. Да шалашик, кошмой жерди обмотанные, вот и жил. На дядю Цыбыка батрачил. Бабушка твоя всё его недобрым словом поминает. Но какой он мне дядя Цыбык? Он и родня-то даже не дальняя, а не пойми кто. Про нас и знать не хотел, брезговал. Ну это чо перемалывать? Всё быльём поросло.

Так бегу я однажды, а на холмике одном поверх — бугорок какой-то. Порошка снежная легла, всё присыпало. От бугорка, из-под снежка, лохмы, что ли, какие-то трепещутся. Чо такое? Подбежал, а там старичок. Так прямо, на голой земле. Помирает, видно. Шевельнул его, живой вроде. Взглядом мутным оглядывает. Что за божий странничек, откуда здесь образовался? Кожушок ветхий, тряпка на голове, на ногах тоже кожушки какие-то. Ни дорог здесь, ничего, никто не ходит. Поднял, встряхнул хорошенько. Как будто прояснился. Меня, шепчет, хулгур, что ли... Хулгур его какой-то, мол, закогтил. В когтях тащил, значит. Да рано мне еще, видно, он говорит, старичок. Вот и обронил из когтей. Так что-то бормочет. Ну, харэ, паря! Кто там тебя нёс, чо за хулгур-мулгур какой! Не бросишь же так старикашку помирать. Закинул его на закукорки, побежал с ним, хоть до шалашика добраться. Приволок, сам весь в мыле. Суп у меня, жирный. Очажок прямо там разложен. Погорячее огонь сделал, суп подогрел. Сухарики размочил. На, говорю, поешь. Сразу-то, говорят, нельзя накармливать, кто голодал. Чаю наварил. Тоже он выпил чашку. Бараньи шкуры там, завалил его потеплее. Сам наелся-напился, уснули мы.

А с утра опять... Ветряка раскидал моих баранчиков по степи! Давай бегать, гонять этих падлов шерстяных. Уморился во корень! Вечером пришёл, старичок сидит, поживее стал. Мастерит в руках какие-то палочки. На, говорит, Жамбалка. Чо это? Гахан, говорит, тебе. Я имя-то ему говорил — нет? С чего это, Жамбалка, откуда знает? Даёт куколку такую. Просто палочка обыкновенная, здесь, в хворосте нашёл. К ней понизу суровой ниткой еще две палочки, это

ножки, примотаны. И где плечики — две ручки. Головка потолще ниткой обмотана. Человечек вроде, чёрненький, страшненький. Не, говорю, старичок, ты мне зачем голову морочишь? Хочешь, поешь, чаю попей, спать ложись. А нет, иди восвояси. Не, говорит, гахан ещё не готовый, надо клочок из книги над ним прочитать! Ты, продолжает, не бросай, что со своей Туяной задумали. Мы… Задумали?! Я глаза на него выпучил. Только у тебя коняки нет. Ты иди и попроси у дяди Цыбыка чёрного скакуна. Он тебе даст.

Что ты думаешь, Цоктошка? Я стал тут удивляться или что? Нет. Почему-то так мне стало… Ну, просто. Понятно всё. И правда, вдруг подумалось, а чего бы у дяди Цыбыка чёрного скакуна не попросить. А скакун, знаешь, какой был? Первый во всей степи! Старикашка же мой достал из-за пазухи рогожку в несколько раз свёрнутую. А там вроде как клочочек бумажки. Но очень ему дорогой, видно. И стал он по этой бумажке начитывать чего-то. Молитвы, наверное. Песнопения. Так, одно да потому. Бу-бу-бу да бу-бу-бу — читает. И раскачивается, и какой-то стал… Как туман. Насквозь его видать, кажется. От него чем-то вкусным повеяло, как благовония. В Дацане такие в плошечке дымятся. Мне хорошо стало, спокойно. В сон потянуло. А утром — старичка-то нет. По снежку след тянулся. Я думаю, ладно. И сделал, как он надоумил. Ну, ты знаешь, что потом. Ага! Да ты спишь, что ли, Цоктошка? Ну, уморился, парень. Спи, ладно.

— Помнишь, ты меня увидел? — Сэсэгма смеялась, они лежали на вершине холма. Казалось, сейчас не удержатся, упадут в небо… Облака подставят им кудлатые спины. Дух горячей земли, древнее горловое пение ветра. Раскинув руки, они будут лететь над ковыльными гривами, взбегающими из долины, что простиралась в знойном мареве, в дымке коричневатой пыли.

«Ну и что… Я тебя увидел!» Цокто думал, как сказать.

«Ну, подумаешь, увидел. И ничего такого особенного».

Или: «Ха! — увидел. Экая невидаль!»

Порыв ветра утихал, но продолжалось волнение, шелест трав и стрёкот кузнечиков. Или это шуршание и блеск происходили от неумолимого круговращения какого-то прозрачного змея, бесконечно оползающего их, струящего жар от стеклянной чешуи.

В общем, это случайно произошло… Когда он увидел Сэсэгму.

— Как сыч! — она заливалась смехом. Рдеющие пятна на её скулах, лукавые искорки, блеснувшие из-под ресниц. Замедленность движений, будто продолжающих дыхание степи — и налетающий ветер, и внезапно наступающая тишина — она отводит пряди рассыпавшихся волос.

— Как сыч сидел на ветке — и бухнулся!

Да, однажды… Но что вспоминать этот случай? Заросли у реки, он пробирался с удочкой. Густой туман раннего утра. Вышел к своему месту, где толстая ветка разлапистого вяза протянулась над заводью. Устроился как всегда, забросил леску. И вдруг, немного поодаль, за тальниками… Две какие-то странные фигуры. Закутанные непонятно во что, они словно уплотнились из тумана. Одна,

видно… Да это совсем старая бабка. Не старуха ли это, шаманка Дагба? Дунула, плюнула, повозилась — и задымил костерок. Стала лить в огонь что-то из чашки, кидать пучки трав. Но кто же рядом? Гибкая, ладная, стройная… Сэсэгма! Внучка старого Сультима.

Что они там затеяли? У старухи в руках какая-то колотушка и что-то звенящее, она мерно ударяет по этой… тарелке? Или это бубен? Восклицает, выкрикивает — и резким клекотом, и протяжным завыванием. Ну ладно, старуха там что-то шаманит… А Сэсэгма с ней зачем? Старая Дагба что-то наговаривала ей, настойчиво покачивала головой, будто клевала, похожая на хищную птицу. Девушка сбросила своё тёмное одеяние, старуха зачерпнула воды, облила её с ног до головы. Голую, ослепительную. Забормотала, заклокотала.

Дым как бы сам по себе стал гуще, белые клубы стелились над водой. До Цокто донеслась горечь, что иногда поднимается над болотными травами. Нагота девушки, оттенённая каскадом чёрных, с переливом вороньего крыла, волос, невыносима для парня… Голова пошла кругом! Он потерял равновесие, бухнулся с ветки в заводь. Подслеповатая бабка приняла его за «злого духа», конечно! Которого она «изгоняла». И вот «изгнала» — нате-ка, посмотрите! Злобно закричала в его сторону, замахала руками. Сэсэгму как ветром сдуло, она накинула свою тёмную одежду. Но, укрывшись, поняла, что это за парень барахтается… Да еще сам же зацепился за свой крючок, запутался в леске! Закрывшись рукой, почти согнулась пополам от смеха. Только приходилось скрывать это от старухи Дагбы.

— Так это старуха Дагба была? Что она делала с тобой, что вы там, шаманили?

— Ну да, — улыбнулась Сэсэгма…

А в глазах её как будто глубокая заводь, где он с той поры так и барахтается.

— …старуха Дагба, конечно. Но это и не она была в то же время. Она делала обряд. Забирала силу у девушки. Как бы это… Не она сама, а птица, которая прилетает и обращается в Дагбу. Ей нужна сила, этой птице. Сила юных девушек деревни Намхай.

Цокто хотел вставить что-нибудь смешное. Вот, мол, тоже мне птица! Если она и летает, то кое-как. Бабке этой Дагбе сто лет в обед! Нет, где же там сто? Ведь когда ещё совсем пацанёнком был, то помнит эту старуху, и тогда она была совсем древней. Лицо у неё, как потемневшая доска в древесных разводах, в морщинах и трещинках. Руки, как будто ветви.

— Да эта твоя птица… Ну, бабушка Дагба — ладно. Как полетит к своей подружке, к тёте Раджане… Так уж солнце на закат клонится, а она всё ковыляет. Ширкает себе по улице.

— Это она по деревне, может, и ширкает. А только за околицу выйдет, и след её простыл. Сколько у неё в домишке трав разных целебных, откуда они? Сама и собирает. С тётей Раджаной они в лугах пропадают, в лесу. Даже гриб чойдоп приносят, у них есть. А его как трудно найти!

Да, гриб чойдоп. Его можно добыть в самых заколдобленых и замшелых урочищах, да на каменных кручах.

— Эта сила, — Сэсэг стала серьёзной, — способность летать. Она как будто налита на самое донышко сердца девушки. И она растворяется в крови, бежит по её жилам, зовёт в неизвестность. Однако, она не нужна обычной девушке, в обычной жизни.

Можно ли прикоснуться к этой силе, думал Цокто. Ощутить её? Это медовое свечение, что обтекает тальниковый изгиб шеи. Смуглый храм плеч и глянцевитую ложбинку меж двух плавно-завороженных холмов, текучие извивы рук. Омутный сумрак глаз, бег черной конницы бровей, крылья носа, что трепещут оперением пущенной стрелы. И луком кочевника изогнутые губы, и взметнувшаяся смоляная грива волос…

— Птица забирает эту силу, а взамен даёт ослепительную красоту юным девушкам деревни Намхай. Такой нет ни у кого по всей степи. Прилетает она от старого ламы Ханды, который обратился в серый камень в никому неизвестном месте. Ему нужна сила, чтобы хранить знания, которые записаны на клочке, оставшемся от Книги.

Они доехали до реки, спешились, кони потянулись к воде. Легко колыхались под ветром камыши и высокие травы. Тёмная зелень вдали, а прямо перед ними, у берега, — прозрачность стекла, преломляющая отсвет донных песков, где красноватых, а где серых, похожих на золу. Туманная дымка свивалась в косы, переплеталась с глубокой тенью от подступивших, заглядевшихся в отражение зарослей черёмухи и тальников. Запах солёных трав, шерсти и пота. Мягко и сонно всплескивала рыба. «Давай, не бойся», — сказал Цокто, и она смело потянула белоногого рыжего за длинный повод, на мгновенье задохнувшись от толкнувшей её холодной воды. Вскоре они плыли, держась за гривы коней, как две большие и дружные рыбы в лучах утреннего солнца.

— А ты думаешь, есть такая часть… или как это? Обрывок, что ли, от Книги? — спросил Цокто. — Который нужно хранить?

— Да, я его читала. Но там не то что буквы. А знаки. Точки, много точек. И чёрточки, и кружки, и треугольники. Можно сказать, птичьи следы. Птицы на снегу или на песке, бывает, тоненько-тоненько всё распишут. Видел? Но сразу понимаешь, о чём это.

Перешли вброд еще две протоки, въехали в густую зелень, пронизанную весёлой перекличкой птиц. Пробирались через травы в человеческий рост, стоял какой-то невообразимый гвалт. Неизвестные пичуги наполняли всё своим треньканьем, из-под ног с кваканьем порскали лягушки. Шелестели ускользающие ящерицы, с коряги плюхалась выдра, раздавалось кряканье утки, сзывающей свой выводок. Какое-то водяное чудище своим хвостом несколько раз раскатисто хлобыстнуло по воде. Травы вибрировали, как целый лес серебристых антенн, гудящий шар комаров катился за ними, ветер гнал по реке, окружающей их со всех сторон, проблескивающей сквозь заросли, серебристую рябь. Серые цапли трепетали крылами в светоносных столпах, вознося земную тяжесть звуков в открытый простор.

Упали в травы, лежали и смотрели на уходящие ввысь стволы, на вязь колеблемых ветвей, взволнованную листву, на кроны, кружащиеся в бесконечном хороводе, примеряющие шапки облаков.

— А, ну да. Как-то это… — Цокто задумался, припоминая. — А ведь дед мой Жамбал рассказывал, что видел этого ламу. Он ему явился. Хотя, нет… Вроде как дед спас одного старичка. Это как раз лама Ханда был, наверное. Ведь и клочок у него припрятан оказался, очень важный для него. Он по нему молитвы читал.

Песчаная коса остро уходила вверх против течения. Они входили в воду, бросались, разбивая солнечные всполохи, цветные пляшущие блюдца отражений. Проплывали над трепетом подводных трав, над песчаными гребнями. Коса вся изрисована, исписана трилистниками следов бродивших здесь и охотившихся серых цапель. Сами цапли, недовольные их вторжением, отошли подальше, сгрудились на выступающем островке. Шум реки заглушал их встревоженное горготание. Сэсэгма ходила по песку, высоко вскидывая колени, подражая длинноногим птицам. Изгибалась, заводила назад руки-крылья. Вот-вот улетит!

Цокто читал на песке какие-то странные знаки. Треугольники, точки, чёрточки, изогнутые и прямые линии. Золотистые оттиски, багровые отблески, серебристая рябь быстрого течения. Каждый след, оставляемый девушкой на песке — это буква. Из цепочки следов составлены слова, они сбегаются в целую строку. Одну, другую, третью. Сэсэгма бежала по косе, отпечатывая письмена. Кровеносная система Цокто переплелась с синими прожилками всех рек, их высшая сила объединила камыши и травы, туманную дымку, заросли черёмухи и тальников, птиц, порскающих лягушек, трепет крыл цапель.

— Да, я его читала, — сказала Сэлмэг, — отрывок из этой Книги. Там тайные убежища, где умирают косматые призраки, где рождаются светлые боги и звучит торжественный хор. Крылья касаются воды, плещутся рыбы, звери выходят лакать луну у водопоя. Всё это — аккорды, созвучия, озябшая кожа на бедрах предрассветных купальщиц, хмурая жестяная рябь перед дождём, марсианский отблеск заката. Отражение звезд, караванов перелётных птиц, исчезнувших древних и могучих существ, сигнальный костер на другом берегу. Ветер, магнетизм родного края, вибрация, дрожь, что сотрясает с головы до ног. Низкий гул подводных течений, движение в глубине древних таинственных рыб. Палит солнце, мелькают крылья, звери лакают луну. И отмели, затоны, тайные лагуны с илистым дном… В них столпы колеблемого света вырастают солнечными стволами — заплутаешь в них, нырнув, соскользнув с толстой ветки дерева над заводью, словно с крючка уходящего лета. Разом обнимешь прогретые изгибы, излучины, таинственную дельту реки, тальниковые заросли, где босые ноги оставили следы на песчаной отмели. Вздрогнет доска нырялки, рыболовная леска, заброшенная в небо, вытянет звезду серебристой сверкающей рыбины. Росные луга примут хороводы, костер и песни деревенских, что затихая, расходятся кругами в высокой траве. И воцарится тишина, и стрекоза присядет на жестяную звездочку, что венчает косую дощатую пирамидку над холмиком, где похоронен разведчик.

Песчаная коса заканчивалась, уходила в воду. В самом конце её по песку разгуливал ворон. Чёрный, с проблесками седины. А вместо глаз у него… Да это же блестящие шарикоподшипники! В них отражается серый молчаливый камень со слепыми, выщербленными от пулевых пробоин глазницами. Отразились и орланы — один, два, три — что кружатся, соблюдая ритм извечного, заданного от начала времён круговорота. Ворон махнул крылом… Он зовёт за собой, нужно идти за ним.

Цокто где переплыл, а где перешёл вброд протоку. Скользкая, змеящаяся в травах тропа. И опять, куда ни глянь, ровная степь в пожухлых и выжженных, бурых и рыжих гривах колючей травы. Он входил в прозрачные кубы из полынного запаха, плотного и недвижимого. Шёл дальше, и полынный настой исчезал, рассеивался. Горячей плитой давила жара, дальний горизонт и не думал приближаться. Цокто превратился в былинку под белесым небом. Крестиками в зените парили орланы. Плотным войлоком окутала тишина. Шуршание, потрескивание, зудящий звон кузнечиков, вспархивающих стрекоз, басовито гудящих жуков. Дорога было то хорошо заметна, то пропадала, укрываясь поднявшимися травами.

Он пришёл в небольшой Дуган, весь пронизанный солнечными стрелами, быстро проскальзывающими змейками ветерка. Старый лама Ханда читал молитвы, чуть раскачиваясь, словно под ветром. Скрипели петли покосившейся двери, хлопали крылья летучих мышей под потолком, дрожали колокольчики — так тонко и жалобно, словно боясь, что вот-вот у них оборвется сердце. Любопытные паучки опускались на световых стропах, трава прорастала из пола, волновался солнечный лес, меняя положение прозрачных листов, повисших в воздухе. В мириады пылинок, танцующих в плоскостях света, молоком вливался кудрявый дым, восходящий из медной чашечки к деревянным ликам богов с осыпающейся позолотой, умиротворенно смотрящих из углов, затканных паутиной.

— Нынче тысяча девятьсот сорок первый год, — сказал лама. — И ты пойдёшь на войну, Цокто. Там ты увидишь одну женщину. Чёрную и распятую. Сними её с креста и похорони. А от креста возьми одну перекладину и сожги её. Чтобы уголь получился.

— Хорошо, — Цокто склонил голову, сложил ладони у груди. — Сделаю, как вы сказали.

В середине июня 2026 года в Улан-Удэ и на Байкале прошел организованный Восточно-Сибирским государственным институтом культуры первый Межрегиональный открытый фестиваль поэзии «Байкальская рифма». В его работе приняли участие народный поэт Бурятии Баир Дугаров, начинающие поэты из разных районов республики, а также филолог и поэт из Москвы Юрий Орлицкий, уже печатавшийся в «Байкале», известные петербургские поэты Ольга Аникина, Дмитрий Легеза и Дарья Суховей, поэт из Новосибирска Майя Шереметева. Предлагаем вашему вниманию стихи гостей фестиваля.

Баир Дугаров

Дугаров Баир Сономович родился в 1947 году в с. Орлик Окинского района Бурятии. Автор многих поэтических книг. Лауреат Государственной премии Бурятии в области литературы и искусства. Стихи переводились на монгольский, латышский, английский и другие языки.

Стихи о Байкале

Начало

С былинки начинается простор,
С байкальских волн — Евразия моя.

Кочевье

Иссиня-светлые дали опять оживают в дымке сигареты.
И продолжается путь от Байкала и снова к Байкалу.
Утренний гул двадцать первого века встречаю в дороге.
Угол пространства меняю на круг вековечный кочевий.

Юг выбирала стрела моих предков, а седла смотрели на север.
Юрта вселенной моей упирается в небо Полярной звездою.
Я возвращаюсь к себе, как в гнездо возвращаются птицы.
Ястреб мне высь очертил, журавли — неизбывность простора.

4. Заказ 9705

Летнее адажио

Недреманное око планеты подернуто грустью,
Незакатное слово сказаний светиться устало.
Небожители в мантиях выцветших сходят к Байкалу,
Недопитую чашу веков освящая лазурью.

Набегают на утренний берег волна за волною.
Наплывают стихи облакам белопенным навстречу.
Настежь дали распахнуты запаху влаги и хвои.
Наплеск волн повторяет гекзаметр божественной речи.

Нимб Байкала светясь осеняет мои сновиденья.
Ничего, чтобы небу служить, песнопевцу не надо —
Ни чинов и ни злата, лишь только б струились мгновенья,
Нить любви серебрилась и вслед улыбалась наяда.

Небеса надо мною вздымаются синею юртой.
Не беда, что приходит анафора в час неурочный.
Несравненные феи бредут по траве изумрудной.
Недопетые саги звучат в тишине неумолчной.

Сон на Байкале

Я видел: в водах предвечернего Байкала
купалась долго стайка девушек нагих.
Но ни одна из них мой взор не привлекала,
не превратилась в лебедь ни одна из них.

И лишь над водной сине-голубой равниной
струилось облачко в небесной синеве,
как зыбкий образ нежной феи лебединой,
и тень его скользила рядом по траве.

Виденье в грозу

Ах, какая стоит тишина у Байкала.
Солнце, кемпинги, пляж золотой.
Только что это вздрогнуло, загрохотало
Там, за вставшей по-бычьи горой.

Может, это гроза в длинных молнийных перьях
Бьет с размаху в небесный тамтам.
Как летучие рыбы, нацелясь на берег,
Мчат баркасы домой по волнам.

Или, может, мифический пороз священный —
Прародитель байкальских бурят —
Ожил вдруг
И раскатистым ревом мгновенно
Даль заполнил, как вечность назад.

И пошел напролом по воде одичалой —
Все стремительней, переходя
На громовый галоп, содрогающий скалы
Лавой волн и лавиной дождя.

И все мнится: неся на хребте непогоду,
Бык на сушу рванет и тогда —
Разнесет эти кемпинги вдребезги с ходу,
Намотав на рога провода...

Ночь не спишь, от разгула воды замирая.
А проснувшись под полдень, глядишь:
Как ни в чем не бывало вода голубая
Блещет в окнах и капает с крыш.

Челкой неба деревья сквозят над утесом.
Солнце, кемпинги, желтый песок.
Лишь чернеет баркас с чуть приподнятым носом,
Словно пороза сломанный рог.

Байкал

Он — та же Джомолунгма,
но только в глубину.
Моя печаль и дума,
таящая струну.

Здесь, в синеве глубокой,
сокрыты небеса.
Байкал — моя слеза
и око.

Майя Шереметева

Шереметева Майя родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Новосибирского государственного педагогического университета. Работала журналистом, ведущей авторских программ на радио и телевидении. Лауреат нескольких международных премий и фестивалей, призер фестиваля «Эмигрантская лира» (2019). Автор трех поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Сибирские огни», «Кольцо А», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Зинзивер», «Дети Ра» и др.

Байкал бывает нежным

* * *

сегодня небо грунтует Фальк
серебряный катит валик
и в синеву весеннюю
высаживает сирень сиреневую

а реки выходят за речи и сны
и пробуют льда задыханье
давай добежим с тобой до весны
до ранней

ты видишь солнце зажгло листок
из жизни казалось — стертый
странно как удержаться смог
сияет — живой иль мертвый

как будто спит в Итигэловом сне
сон ламы недвижен глубокий
но рыбы плывут в его глубине
частицы живые в летящем потоке

там дрозд запоет, свиристель засвистит
и раненый куст над снегами очнется
и жизнь продолжается, хоть не вернется
стоишь и с места не можешь сойти

Байкал бывает нежным

Байкал бывает нежным
а ты и не знал
а ты и не знал
что нежным бывает Байкал

Тебе нужна глубина Байкала
тебе нужна тишина Байкала
а ты и не знал, а ты и не знал
что тихим бывает Байкал

Чтоб в строчках твоих мерцала
вся глубина Байкала
а тишина Байкала
стала твоим началом

Одуванчиковое поле

Чайка — штрих-код,
Апостроф над морем
Зачин протяжённой строки

На одуванчиковом
сидим поле,
Говорим,
как и когда
рождается стих

Вторя мерному
накатыванию волн
наш островок
из волн и строк
плывёт в одуванчиковом море

Среди диких растений —
мы — ловцы образов и сравнений
И вдруг — улов
из простых слов

Где свет сквозит между строк
как этот сверкающий островок
Байкальского леса
Байкальского лета

Как выдох и вдох
как выдох и вдох
в строке поэта

Всадник-поэт

Байкальская протяженность ветра
Где эпика стихотворных размеров
Гуляет в сказаньях, легендах
На вдохе — зачин и — в полёт
Камузом гудит и поёт

Словно в седло вскочил
Всадник-поэт
Энергией строк — в начале
И с места — во весь опор
Как чайка
влетает в песню
моря, долин и гор

Островок

А этот таинственный островок тепла
С цветущей яблоней или жасмином?
Где чайки дрейфуют и греют крыла,
Где ленточки реют, стоят пирамиды

И Даша говорит: там, в глубине — вулкан,
А Дима говорит: там в глубине — труба,
А Баир говорит: его обходят ветра,
А буддисты ставят из камней пирамиды

Мы сняли куртки, шапки, платки,
Вдыхая аромат яблони и жасмина —
Кто ловил в объектив закатных павлинов,
Кто-то время, созерцая, растворил…

Странный островок среди холодов окрестных…
Лама Итигэлов ниточку протянул с небес?
Или Будда, сидя под сосной, прорезал
Веточкой саган-дайля островок чудес?

* * *

Когда раскрывается в ладонях цветок
ты видишь — ветер качнёт лодочку-лепесток
и носится с формой и пустотой
словно волна с волной

Ты видишь небо сверкнёт алмазом
в капле росы. Качнешь — лепесток остается сухим,
и будто песочные перевернул часы
и снова просыпал, и снова насыпь.

Когда в ладонях твоих цветок
и пять лепестков как единый поток
готовы вот-вот сорваться с орбиты
свободны, движением целого слиты

как *Юное солнце*[*] горит глазок —
цветка середина, растущее древо
держащее на весу высоту
как птицы лесные, небесные звери

и ты отворишь наконец
как дверь — Пустоту
и выпускаешь цветок…

* * *

— Смотри! Сверкающая полоска огня
над кромкой Байкала и подошвой Ольхона!

Словно всадник света пришпорил коня
высекая искрами край небосклона

Словно друг Баир написал строку
на Байкальской глади морским размером

И стоим, и слушаем на берегу
эту песню моря, неба и ветра…

[*] Одно из имен ламы Итигэлова в перерождении.

Ольга Аникина

Аникина Ольга Николаевна родилась в 1976 г. в Новосибирске. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Окончила Новосибирский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат медицинских и филологических наук. Лауреат ряда литературных премий. Автор шести книг стихов, пяти книг прозы. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Волга», «Аврора», «Сибирские огни», «Зинзивер», «Дети Ра», «Этажи» и др.

шум песок сияние

* * *

я наклонила голову и
Байкал вошёл в моё правое ухо
схлынул забрал навсегда
всё что осталось во мне от памяти
от чужого детства далеко убежавшего
в зимних сестриных сапогах

я наклонила голову и
Байкал вошёл в моё левое ухо
схлынул забрал навсегда
всё что осталось во мне от города
от геометрии дымоходов
и сосулек на лапах бездомной собаки

я наклонила голову и
Байкал вошёл в моё правое ухо.
схлынул забрал навсегда
всё что осталось во мне от женщины
от звенящих серег и монист
от капель сладкого молока на молодой груди

я наклонила голову и
Байкал вошёл в моё левое ухо

схлынул забрал навсегда
что осталось во мне от мужчины
от Гесеровых войск от земли
солёной от крови солдат

Байкал вошёл в моё левое ухо
Байкал вошёл в моё правое ухо
схлынул забрал навсегда
всё что осталось во мне от меня
от имён вчерашнего и грядущего
и оставил мне новое имя

шум
песок
сияние

сижу неподвижно
понять не могу какое
из этих священных имён
стало теперь моим

* * *

после бури на промозглом
буром берегу
северного моря
дети подбирают
птиц контуженных
оглохших и ослепших

подбирают
и играют ими вместо кукол
чтоб не убежали не проснулись
крылышки отламывают им

здрасьте здрасьте —
говорит одна
птица-кукла
и в ответ другая
тонкой шеей вертит
и глазами
чёрными покорными
глядит

* * *

горные тропы — дороги памяти
то в тень заведут
то подставят под ногу
горбатый камень, чтоб было на что опереться

можно карабкаться вверх,
можно в гроте пересидеть грозу
или остаться жить у подножия,
издали горой любоваться

вдали от людей ходить за травами,
выкапывать коренья,
тихую построить хижину
там, где на склоне в лесу
лис, хранитель ледяного ручья
лежит, прячет в камнях свой звенящий хвост

наощупь уметь выявлять
несчётное множество тающих форм,
похожих друг на друга, лишь
потому что совершенно различных

* * *

спящая лошадь по спящему полю идёт
ступает пахарь за плугом, идёт и храпит

вскрыта земля
стройными бороздами
в ухе у лошади
спрятан неспящий малец

он-то и правит лошадью,
на ухо шепчет: правее, левее.
окрест собираются люди, глазеют,
нарадоваться не могут, так борозда хороша!

довольный пахарь проснётся
довольна и лошадь:
и в ухе звенеть перестало
и дали овса

весело и малышу —
наигрался
и — дёру
выкатился и пропал
ни на кого не похож.

* * *

в лучевую симметрию
тени от спиц
велосипедного колеса
в сквозную розетку
антизвезды
скользящей по влажной земле
что-то попалось застряло
в промасленных звеньях
зацепилось
за острый зубец

звякнули цепи заскрежетали
зубастые цефеиды
перемололи незваную единицу
и покатились дальше
и как теперь линии на земле
следы печатные знаки
соединить с секундой
что-то попавшее в переплёт
раньше давало мне маленький знак
щёлкало, щебетало

* * *

небо над городом,
яркое и глубокое или
пузырящееся дождём
это мои лёгкие-паруса
облачные альвеолы
заполняет ветер на вдохе

клёны и липы
растущие вдоль бульваров
серебристые ивы и тополя
с изысканным сосудистым руслом
шумят моей кровью почки

ясень печень ворота свои распахнул
провода над домами
нервы и их сплетения
стоящие в ряд многоэтажки
рёбра сцеплённые вместе
подземной грудиной коммуникаций
черепная коробка асфальт

серое вещество городской земли
пополам с суглинком
белое вещество
снег во дворах и на крышах
вместилище разума
спящего как младенец

но где же сердце
Боже мой
где же сердце моё
бегаю туда и сюда
ищу его на утренних улицах
тонко дрожащих от первого солнца
и пока я зову его
испуганно и виновато
я просыпаюсь
ещё до звука будильника
вот и сердце нашлось
нашло меня первым
соединило
рассыпанные детали
стяжками крепко стянуло

* * *

завершилось, но не завершено
значит, вершина твоя сокрыта
спряталась за войлоком матового потолка
спит непробудно, и нет к ней ходу

кто раскрыл сосновые веера
над твоим лицом, заслонив от солнца
кто бросает мокрый песок дождя
нам на головы, горсть за горстью

Дмитрий Легеза

Легеза Дмитрий Владимирович родился в 1966 году в Ленинграде. Окончил медицинский институт, кандидат медицинских наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза писателей Москвы и Союза российских писателей, один из основателей и редактор ЛИТО «ПИИТЕР», организатор международного литературного фестиваля «Петербургские мосты», редактор отдела поэзии журнала «Эмигрантская лира». Автор нескольких книг стихов. Печатался в журналах «Знамя», «Аврора», «Северная Аврора», «Зинзивер», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Пироскаф» и пр. Стихи переводились на английский, польский, французский, испанский, итальянский языки. Лауреат премии им. А. А. Ахматовой 2023.

В зашторенном тылу

* * *

Смутное время плохих новостей,
Время, убитое зря,
Мутное время ветров и дождей —
Самый конец ноября.

Время болезней, тяжелого сна
И надоедливый звук
Капель, штурмующих плоскость окна...
Чем ты спасаешься, друг?

Что прописал от осенних невзгод
Доктор невидимый твой?
Старые фото, стихи или вот
Всеми забытый, сухой,

Между страниц затерявшийся лист
В книге о принце лихом —
След лягушачий оранжевый из
Дальнего края Нихон.

Крещение

Январский Петербург
От дождика раскис,
А ты в тепле, мой друг,
И рядом кошка-сфинкс

Лежит, зарывшись в плед,
И сны её ясны,
И рядом с нею нет
Ни боли, ни войны,

Ни озверевших лиц
Героев и убийц,
Ни просветлённых лиц
Героев и убийц.

В зашторенном тылу
Спокойно, как всегда.
Струится по стеклу
Крещенская вода,

И, свёрнутый в клубок,
Покоя островок
Так радостен и тих,
Как будто добрый Бог

Глядит на нас сквозь дым
Из чёрной глубины
И нету рядом с Ним
Ни боли, ни войны.

* * *

Господи, какая безнадёга —
Денег нет, здоровья тоже нет,
Есть одна грунтовая дорога
И зеленый мой велосипед.

Старый, расцарапанный, громоздкий
Ящер из последних на земле,
И трепещут дождевые блёстки
На никелированном крыле.

Ветерану в горку ехать надо —
Через лужи тащится чудак,
Будто бы к вершине водопада
Против ливня тянет кое-как.

Добрались! И стало так легко нам,
И парит в прозрачной высоте
Ящер, обернувшийся драконом.
Господи, какая красотень!

* * *

Экое невезение —
С гриппом лежать в апреле.
Вербное воскресенье,
Птицы офонарели,

Птицы на перекрестке
Вербности и Вербутлерова
Буйные как подростки
Людям орут как будто:

— Эй, выходи со всеми,
Пой о весне со всеми!
Вербное воскресенье,
Вербное воскресенье.

* * *

Намедни возле дома на парковке
потрепанный российский Ланселот
и господин потрепанной «Газели»
с госномером Р242ХВ*

Вдруг осознал, что мой автомобиль
загородил ему дорогу к свету,
что свет и счастье близко, но дракон
закрыл собою выход из пещеры

* Любые совпадения случайны.

и должен быть наказан. Ланселот
берет копье — он сонному дракону
переднее пронзает колесо:
— «Пусть не убью, но проучу, как надо, —

он думает, — и сразу будет свет,
и счастье золотым дождем прольется
на верную дрожащую «Газель»
и на ее хозяина крутого»...

Я вышел из парадной к Ланселоту,
печально посмотрел на колесо,
потом на рыцаря, который отрицал
участие в бессмысленной резне.

Я также глянул на его «Газель»
и вспомнил вдруг, что скоро будет Пасха,
что люди будут петь «Христос воскресе!»
и в храмах зазвонят в колокола,

что надо всех прощать, и даже номер
«Газели» Ланселота — это знак,
который говорит «Христос Воскресе»
и что-то там Р242,

что мало толку в гибели драконов,
что свет и так сойдет на всех живущих,
на дом, парковку, сэра Ланселота
и на «Газель», что замерла, прикрывшись
госномером, как маленьким щитом.

Юрий Орлицкий

Орлицкий Юрий Борисович — поэт, литературовед, специалист по истории и теории русского стиха. Родился в 1952 г. в Челябинске. Окончил Куйбышевский университет (1975). Автор около 400 работ, в том числе капитального труда «Стих и проза в русской литературе» (2002), статей и публикаций, связанных с творчеством Геннадия Алексеева, Генриха Сапгира, Игоря Холина и других поэтов конца XX века. Составитель и комментатор изданий Андрея Белого, Ильи Ильфа и др. Куратор ежегодных всероссийских фестивалей верлибра. Автор книг: «Избирательная память» (1991), «Стихи» (1999), «Верлибры и иное» (2009), «Опыт прощания. Новые стихи» (2012), «Страшное прекрасное стихотворение» (с рисунками Дины Гатиной; 2012). Живет в Москве.

Раньше и теперь

Простые радости (они же последние)

медленно смотреть
на свои руки
сквозь прозрачную воду

любоваться
старинными городами
европейскими и нашими
переворачивая страницы книг
или файлы

слушать
не музыку
капли дождя
на жестяной обивке
балкона

гладить
шелковую шерсть
домашнего любимца
или шершавые страницы
старинной книги
на непонятной языке

5. Заказ 9705

понимать
что жив
несмотря ни на что
жив
жив
жив!!!!

Как читать стихи

Никогда не повторяясь
Шумно перелистывая страницы
Вставляя новые слова и пропуская старые
Вдруг останавливаясь
От удивления —
Неужели?
Не глядя
На тех
Кто слушает
Только так

* * *

Вдруг пришли
Несколько лет их не было
Шарю рукой по столу
В поисках чистого листа

С жадностью и радостью
Ловлю
Струю обжигающей холодом воды
В жаркий день

* * *

что останется

стихи

статьи и книги о стихах
и о поэтах

библиотека
«профессорская»
как удивленно и даже завистливо
сказал когда-то Игорь Егоров
впервые открыв мой шкаф —

нет скорее академическая —
в смысле
принадлежавшая академику

музыка
на дисках и в файлах
много самой разной музыки
большую часть которой я так и не послушал

друзья
и женщины

Таня и Аня

В новой Москве

Настойчивый
Но все равно еле слышный
звон колокола
летящий с маленькой
деревянной церковки
зажатой
между гигантскими домами

заглушается
людоедским журчанием
лифтов и автомобилей

так и приходит конец мира…

В тишине сна

…Глядя на устилающую дно бассейна
На Ферганской 6, корпус 2
Имитацию старинной выцветшей мозаики
Всегда вспоминаю
Загадочных молчаливых стамбульских рыб
из подземной цистерны

Почему-то не Волгу моего детства
И не черные от пришедшей на нерест
обреченной на смерть рыбы
сахалинские волны —
Безысходную мертвую цистерну
С темными колоннами
Верх и низ которых

Теряется в мутной темноте —
без края и конца

И думать потом
Как наслаиваются одно на другое
Впечатления и образы
Сменяя и вытесняя друг друга

В каждом сне
Где бредешь или плывешь
Или взбираешься по крутой жаркой дороге куда-то вверх —
Ну хоть к этому полузабытому монастырю в центре Рима

Или наоборот вниз
По заброшенным огромных цехам
Дверь за дверью
Красный кирпич с въевшейся пылью
Заваленные мусором крутые дворы

Не останавливаясь
Открывая одну дверь за другой
В поисках неизвестно чего

Если знать
Что завтра умрешь —
Разве будешь
Хоть что-то делать
А не ляжешь глядя в потолок
На спину

Не станешь писать
Прощальный текст
(хватит, один раз попробовал —
Вышло смешно и жалко)

Если знать
Что умрешь не завтра
Вполне можно
Читать длинный роман
Не боясь что не дочитаешь
И не узнаешь конца

Просто читать
И жить этой выдуманной кем-то
совсем тебе чужим
жизнью

А умереть
лучше всего в бесконечном сне
Взбираясь на гору
по пыльной пустой дороге
В чужом городе

Или перебегая из одного двора в другой
По заброшенной фабрике
Непонятно кем и зачем
Построенной на горе
Но только ведущей не вверх а вниз

И лучше всего
меланхолично шевеля толстыми губами
В мутной чистой подземной воде
Заключенной в прямоугольник
древней цистерны
с колоннами
(их должно быть ровно 1001! —
Типично восточное преувеличение,
комментирует путеводитель!)

Вода в которую
притекает
неизвестно откуда

в вечной тишине сна

Раньше…

Раньше
Друзья и знакомые были у меня везде,
по всему свету:
Открывай карту и ставь флажки!

В Твери
Всегда ждал улыбающийся Фима Беренштейн,
знавший самые укромные и недорогие забегаловки,
в которых его сразу все узнавали.

А на подъезде к городу, в Чуприяновке
Уже варил кофе Игорь Фоменко
И хлопотала на кухне Лидия Павловна

В Новгороде
Готовы были часами таскать по городу и его окраинам
Слава Кошелев и Володя Мусатов,
Постоянно вспоминавшие другого Славу — Сапогова

Пока тот ждал меня в своей комнатке в женском общежитии
Прямо за Рижской
Где он и прожил последние свои месяцы

В Донецке
Уже расставлял шахматы и взводил часы
Вечно печальный Бондаренко,
А на кафедре
Перекладывал на столе срочные бумаги
Деловитый Гиршман

В Перми
Готовила замысловатую — из всего, что есть по рукой —
Но все равно —
яичницу
Наташа Петрова,

А в Отрадном
Добавлял в нее еще десяток компонентов —
В общем, все, что было в холодильнике —
Женя Мухин

В Кельне
На ступеньках собора
В конце концов
можно было дождаться Юру Малецкого

А в Киеве
На Грушевского —
Ученого секретаря института литературы
Мыколу Сулиму

В Гродно
Два Игоря —
Егоров и Жук —
Наперебой приглашали в гости
И выбрать всегда было очень непросто —
Второй насмерть обижался.

Про Самару и говорить нечего:
Под каждым, как говорится, кустом…

Теперь, совсем по Жванецкому, их всех нет!

А я все еще бегаю, летаю,
Сижу неподвижно
в кресле скоростного поезда…

06. 05. 2024

* * *

Жить
Стыдно

А умирать
Не хочется
Очень не хочется
Очень

Но все равно
придется

Раньше и теперь
(поздние выдохи)

Раньше

Я спал
Совсем по-другому:

Раскинувшись
Постоянно ворочаясь
С трудом умещаясь
Даже на самой широкой постели

Теперь
Научился обнимать себя
И сворачиваться в клубок
Словно прячась от мира

Наверное
Это что-то значит, но что именно —
Я не знаю

Так и лежу одиноко
В темном углу вселенной.

2025

Дарья Суховей

Дарья Суховей родилась в 1977 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского университета, кандидат филологических наук (диссертация «Графика современной русской поэзии»). В 2008-2015 годах работала в Государственном литературном музее «XX век». Основатель (1999) и куратор сетевого проекта «Санкт-Петербургский литературный гид», информирующего о литературной жизни северной столицы. Координатор нескольких фестивальных и издательских проектов. Автор поэтических книг «Каталог случайных записей» (2001), «Потопа не будет» (2013), «Балтийское море» (2014), «Малый свет» (2015), «48 восьмистиший» (2016), «По существу» (2018).

Волны вчера

12 шестистиший неодинаковых лет

* * *

вчера ел мясо пил вино
вчера ел мясо
ушёл из класса
с площадки детской убежал
упал с дивана
перевернулся в маме

16ноя15 (40, эпопеяI)

* * *

азы бардака воплощаются героическими делами.

еле ёрзает жёстко завинченное, и йогурта капли

ложатся мягко на одежду, постиранную ранним

субботним тазиком, у фена хранящимся:

целый час шерсть щёлкала «ь ы ъ».

эрос юности яблока…

22апр16(210, полный абецедарий)

* * *

днище 1 шт
боковина длинная с прорезями
боковина короткая с прорезями
по 2 шт
ножки 4 шт
или крышка 1 шт

21авг17 (603)

* * *

свой не то чтобы ах затянула узлом
и рванула за этим козлом
вскачь по кочкам по ямкам по ровной глуши
дланный ладан дыши не дыши
на несущее существованье цветка
сын её дорастающий до потолка

11янв18 (756)

* * *

на смартфоне о розе
на полном серьёзе

северянин, и мятлев
идут, помятые, на север
а я укалываю подлинные пальцы
об шипы воображаемых клавиш

9фев19 (1138, для Майи Шереметевой)

* * *

в лесу
на дороге
дверца
автомашины
стала
мостом

9мая20 (1467)

* * *

это сказочка волшебная
и тебя хотят спасти
разбросав полезное-целебное
прямо на твоём пути
но в счётчике очков у тебя нули:
ты ничего не поднимаешь с земли

19ноя21 (1838)

* * *

не лампочка но волосок в стекле
не дыхание но ритмичное движение
по вталкиванию и выталкиванию газа
разного химического состава

так нас учат говорить
пока мы ещё вталкиваем и выталкиваем

28фев22 (1916)

* * *

поднял в лесу жуковатую палку
лес жутковатый а палка такая
очень наощупь приятная
взломлена так чтобы ею махая
вдруг прояснялось бы всё непонятное
как погода после обеда

8авг23, Орехово-Северное (2287)

* * *

с какой буквой у вас асс
оциируется та или иная п
ланета? букв любого алфа
вита больше чем планет к
оторые не выдуманы писат
елями-фантастами и поэта

20авг24 (2432)

* * *

мы крестики и нолики
мы пристегнули велики
разделись и поплыли
туда где спят усталые кувшинки
и на воде лежат прозрачные пылинки
и где луна как брешь в простынке-синьке

3июл25 (2525)

* * *

воины света
отломали
веточку /от и/

во́ˆны света
во͂ˆны света
во̬ˆны

24июн26 (2585)

Вячеслав Абашеев

Вячеслав Абашеев родился и вырос в Улан-Удэ. Окончил художественную школу, несколько лет назад после долгого перерыва вернулся к живописи. Принял участие в трех выставках. Живет в Улан-Баторе. Публикуется впервые.

Жук на потолке

рассказ

Весной девяносто второго я учился в последнем классе художественной школы. В просторном кабинете с расставленными по углам гипсовыми головами, торсами и статуями антиков стоял едва уловимый запах олифы и масляных красок. На стенах висели полки с книгами о художниках и картины. Мы сидели на крепких деревянных стульях перед своими планшетами и холстами.

Вдоль рядов неспешно прохаживался замечательный и непростой наш учитель Виктор Иванович. Ничто не могло ускользнуть от его острого глаза. И сейчас он, заглянув через мое плечо, пробасил:

— Славка! Опять грязь разводишь на рисунке! Эх, Леонардо Нед*а*винченный!

Уши мои начали тихонько гореть.

Тут в класс впорхнула красивая запыхавшаяся Наташа. Она ездила на автобусе с далекого Машзавода и иногда опаздывала.

— На-та-а-ша, красавица ты наша! — весело протянул Виктор Иванович, забыв обо мне. — Не устала ли, бедненькая! Всех женихов по дороге собрала?

Наташа, покраснев, озорно ответила:

— Да, конечно же, Виктор Иваныч, всех!

На этом экзекуция неожиданно закончилась. Обычно опоздавшим, жившим недалеко, не так везло.

Половина группы рисовала голову Антиноя, а другая, меньшая, писала маслом девушку-натурщицу. Скрип карандашей, ластиков, постукивание кистей нарушали напряженную тишину. Наставник думал о чем-то своем, поглаживал короткую бородку, потом очнувшись от мыслей, подходил к кому-нибудь,

давал совет, иногда исправлял ошибки. Его громкий скрипучий голос изредка раздавался над чьим-нибудь ухом, выдавая очередной остроумный комментарий. И не всегда понятно было — ругает он в этот момент или хвалит.

Виктор Иванович втайне, конечно, гордился нами. В хорошем расположении духа, чтобы разрядить затянувшуюся тишину, он включил проигрыватель. Не спеша достал с полки одну из пластинок и поставил черный глянцевый диск винила. Игла поехала по поверхности, раздалось легкое потрескивание, и затем мощно зазвучал знакомый хриплый голос: «Я не люблю фатального исхода. От жизни никогда не устаю...» Я расслабился, почувствовал прилив сил, работа пошла значительно легче. На полке ждали своего череда Башлачев, Кино, ДДТ.

Двое Сашек, заканчивающие набросок головы, сидели недалеко от меня, о чем-то перешептывались, тихо посмеивались, толкали локтями друг друга. Молчаливый Эрдэм, наблюдая эту тихую возню, ухмыльнулся и подмигнул мне. Девочки были заняты живописью. Высоцкий пел. Хотя Виктор Иванович все время подтрунивал над нами, острил, называя нед*а*винченными, мы не обижались, зная, что он всегда держит за нас кулаки и, если что, не даст в обиду.

Я вновь тайком посмотрел туда, где через два ряда одноклассников сидела внимательная, собранная девушка. Она писала кистью свое большое живописное полотно. Время от времени поднимала голову от холста и, прищуриваясь и поправляя очки, глядела на натурщицу. Валентина. Валя. Поначалу она никак не выделялась среди нашей разношерстной братии: молча приходила, рисовала, незаметно уходила. Редко можно было услышать ее негромкий голос. Мы часто виделись на занятиях и почти не общались. Шло время. Что-то менялось. Я стал ждать, когда откроется дверь и она войдет в мастерскую, а если входил первым — сразу искал ее глазами. Когда она ненадолго опаздывала, мозг начинал подкидывать такие сцены, что подмывало выскочить и бежать на остановку навстречу ей. Еле сдерживая себя, я превращался в слух, улавливая в коридоре каждое движение и пытаясь различить ее шаги. Она, разгоряченная от быстрой ходьбы, влетала в класс, снимала свою песчано-зеленого цвета куртку, пробиралась к мольберту, а меня отпускало и накрывало теплой волной покоя. Я часто пытался угадать ее настроение. Если она выглядела радостной, я был рад, а когда казалась грустной — внутри все сжималось от желания защитить ее от всего на свете.

Постепенно в тихой, упорной девочке все яснее стали проявляться черты будущего художника, и первым, кто это открыл, был наш учитель.

— Валька, смотри мне, не вздумай выскочить замуж! — вдруг на весь класс выдал Виктор Иваныч. — Ведь бросишь рисовать и будешь всю жизнь борщи варить да кастрюли мыть! Сгубишь талант.

Девушка обернулась, негромко засмеялась и смущенно ответила:

— Хорошо, не буду.

Случайно наши глаза встретились, она улыбнулась, а через мгновение вновь с серьезным видом орудовала кистью.

Я отвел взгляд, чтобы никто не вычислил моего интереса, особенно наш грозный Мастер. Но, кажется, Виктор Иванович успел заметить. Он вдруг посерьезнел, посмотрел в мою сторону задумчиво и быстрым шагом вышел из класса.

Дома, на книжной полке стоял ее портрет, вылепленный мной. Однажды я бесцельно мял в руках большой кусок пластилина, не зная, что из него сделать, и тут из-под пальцев стали появляться знакомые черты: округлый лоб, нос с маленькой горбинкой, дуги бровей, волосы, откинутые назад и собранные в пучок, и, наконец, глаза. Образ Вали вышел легко и получился таким живым и знакомым, почти как в тот день, когда она неожиданно появилась возле меня. Она наклонилась так близко над моим плечом, что я почувствовал жар, исходящий от ее щеки. Долго смотрела на рисунок и сказала:

— Слава, как классно нарисовано.

Я кое-как выдавил:

— Ага, — замирая от ее смелости и боясь даже пошевелиться.

В конце мая наш выпускной класс готовился к итоговой выставке. Она должна была пройти в Национальном музее в центре города. В школе царила праздничная суматоха, все торопились, дописывали, дорисовывали и оформляли работы. Взволнованный Виктор Иванович громогласно давал последние указания, нервничал, подгонял отстающих, подбирал рамы. В назначенный день мы принесли свои готовые картины в отведенный нам небольшой зал и занялись экспозицией. Все хотели найти для своих творений лучшее место. Серые высокие стены храма искусства стали постепенно заполняться черно-белыми квадратами рисунков и яркими пятнами живописи. Большое полотно Валентины повесили напротив входа, моя карандашная графика заняла свой уголок на стене по соседству.

Подготовка подходила к концу, когда Валя неожиданно заметила большого темно-зеленого жука на белом потолке галереи. Непонятно как забравшийся сюда лесной пришелец медленно ползал, безуспешно пытаясь найти выход из каменной ловушки. В душном, пахнущем еще свежей краской помещении без окон, освещенном лишь холодным искусственным светом, он казался существом из другого мира.

— Смотрите, что там на потолке, — негромко воскликнула девушка. — Это же жук! Надо спасти его!

Мальчишки, посмотрев наверх, загоготали и стали кривляться, в красках изображая незавидную судьбу букашки, и вскоре шумной гурьбой ушли. Девочки немного повздыхали, жалея жука, а потом стали потихоньку собирать свои вещи и прощаться, обнимая Валю. Она же смотрела то наверх, то на удаляющихся, довольных свободой одноклассников. Нервная, раскрасневшаяся, она стала тоже собираться, надела куртку, молча искала перчатки, но все еще медлила, словно ожидая чего-то. Потом повернулась и ушла.

В галерее стало тихо, как в склепе, картины торжественно застыли на стенах, и даже бродяга-жук, кажется, сдался и сидел неподвижно. Я взял мокрую грязную тряпку, которой мы только что протирали картины, и запустил в потолок. Промазал. Бросил снова и неожиданно услышал за спиной легкий шорох — резко обернулся: на пороге зала стояла Валя! Она изумленно смотрела на происходящее. Я натужно улыбнулся и сказал осипшим голосом:

— Вот, жука сбиваю.

— Молодец, Слава! — радостно поддержала Валя. — Продолжай!

Тряпка оставляла на белой поверхности темный влажный след. Мы каждый раз со страхом оборачивались, ожидая появления сотрудников музея. Наверное, раза с десятого я все-таки сбил бедолагу. Ткань, расправившись, летела вниз, за ней, кувыркаясь в воздухе, падал жук. Валя восхищенно ахнула.

Я поймал барахтающееся чудо на лету, аккуратно зажав в кулаке, чтобы не раздавить. Счастливец шебуршал внутри, легонько царапая кожу шершавыми лапками. Почти бегом мы, окрыленные, помчались через залы музея в сторону выхода. В открытую дверь врывался шум улицы, мы выбежали на крыльцо, на свежий воздух. Я разжал кулак. Жук чуть помедлил на раскрытой ладони, потом спокойно расправил свои большие ребристые крылья и, гулко прогудев, скрылся в весеннем небе. Валя взволнованно провожала его взглядом. Потом она повернулась ко мне и вдруг улыбнулась — так искренне и тепло.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Впервые я видел их так близко. За прозрачными стеклами очков они были светло-карими, влажными и нежными.

Предлагаем вашему вниманию стихи первых лауреатов «Литературной премии имени Дондока Улзытуева», учрежденной в этом году Союзом писателей Бурятии к 90-летию поэта. Всего на конкурс поступило более 200 заявок. В номинации «Поэзия на русском языке» лауреатами стали Светлана Анина и Диана Яковлева. В номинации «Поэзия на бурятском языке» — Сарана Дугарова и Солбон Аюшеев («Байгал» №4, 2026).

Светлана Анина

Анина Ода-Герда-Светлана Брониславовна родилась в 1965 г. в Карагандинской обл. Республики Казахстан. В 1978 г. переехала в пос. Гранитный Казачинско-Ленского района Иркутской области. По окончании средней школы получила строительное образование в Иркутске. Работала на БАМе, на строительстве Байкальского, Северо-Муйского тоннелей, Московского метрополитена, Олимпийских объектов в Сочи, в районных газетах «Муйская новь», «Северный Байкал». Издавала журнал «Мой Север» и журнал-газету «Байкальский регион». Член Союза писателей России с 2012 г. Удостоена премии им. Алексея Зверева (журнал «Сибирь»).

Рассвет на Байкале

* * *

На зорьке ранней диск полуслепой.
Но глянь в окно: к себе взывает чаща,
И птичий крик неведомый манящий,
И зелень трав под тяжкою росой.

Там на тропу ступает босиком
Шальное детство, прыгая с постели —
Лишь занавески тише шелестели б,
В окно позволив выбраться тайком.

И слышен шёпот, еле уловим:
Дыша прохладой, бор в тягучей дрёме
С чуть слышным треском тянется в истоме.
И золотится облачко над ним.

Там перепрыгнуть можно без труда
Ручей, хранящий камешки цветные,
Звенящие: «Росиночка… Россия!
Святая Русь — пречистая вода…»

И пахнет сырость мхом, трухою пней,
А меж камнями плавает, резвится —
Всего не видит, вот и не боится —
Ватагой бойкой стайка пескарей.

И льётся безмятежно мирный день.
Но стягивают край до боли милый
Тугие корни — земляные жилы,
Как в лихолетье дедовский ремень.

К ним прикоснёшься — и рука звенит!
Рука гудит! И в ней такая сила,
Такая мощь, что — как бы ни штормило —
А сторону родную сохранит!

Бурятия — уютный дом

Байкала плещется волна
И падает у ног.
Сюда ведёт всегда одна
Из тысячи дорог —

Душа. Её узнаешь ты,
Коснувшись берегов
Священной и живой воды
По милости богов.

Пленяют эти берега:
Уйдёшь — и тянет вновь
В страну, где странствуя в веках,
Во всём живёт любовь.

Бурятия — вот та страна!
Ступай по ней смелей!
Здесь бродит солнце дотемна
По золоту полей,

6. Заказ 9705

А на закате вдалеке,
Сверкая, как лучи,
Звенят в нехоженой тайге
Седые кедрачи.

Затеют ветры шумный спор —
Услышишь песню гор:
Бурятия — поющий край
И трелей птичьих рай.

У каждой птицы свой полёт,
Свой голос, свой размах:
Бурятия — страна высот,
Царящих в облаках.

Леса, луга пленяют взор,
И радуга долин:
Бурятия — цветной узор
На лучшей из картин.

Бурятия — земля добра:
Как мать, для всех щедра.
Бурятия — уютный дом,
В котором мы живём.

Рассвет на Байкале

Струится тепло в оконце
И хвойный смолистый запах.
Восходит на небо солнце,
Играя в сосновых лапах.

Ещё на его ладони
Брусничный сентябрь не выжат,
Ещё на хрустящем склоне
Цветёт златоглавый рыжик.

И лист над тропой лесною
Цветным мотыльком порхает,
И манит вдали блесною
Байкала вода живая.

В короне хребтов скалистых
За брызгами самоцветов
Бесшумно по глади чистой
Плывут лепестки… рассвета.

Волну провожая взглядом,
Черпну ледяной водицы.
И вскрикнет пугливо рядом
Задумавшаяся птица,

Вспорхнёт вслед за песней звонкой,
Растает в безбрежной сини
Родимой моей сторонки,
Любимой моей России.

Возвращаемся

Всё предсказуемо, предсказано, и всё-таки
Мы ищем путь наощупь, свой,
никем не пройденный.
А на планете место, где родимся в пóтугах,
Зовём родной землёй, зовём любимой
Родиной.

Мы в неизведанные дали устремляемся.
И жизнь короткой может быть, быть может
длинною.
Но неизменно в край родимый возвращаемся,
Ведь каждый к Родине привязан
пуповиною.

Северобайкальск

Рассвет заливает лиловые крыши,
А я поднимаюсь всё выше и выше
Звериной тропою на гору, с которой
Мне видится голубоглазый Байкал.

Внизу открываются чудо-просторы:
От сна пробуждается северный город —
Другого такого на свете не сыщешь,
В каких бы далёких краях не искал.

Мне видно, как в озере плещется омуль,
Бежит бурундук, любопытством ведомый
За мной по следам, но едва поспевает —
К обеду вернуться домой тороплюсь.

Мой город, на память ещё пару снимков,
Где я на перроне с друзьями в обнимку!
Дорог очень много на свете: кто знает,
Когда я в объятья твои возвращусь?

Качнётся в стакане багульника ветка,
Позволю попутчикам плакать в жилетку,
Показывать фото любимых за чаем
И петь про тайгу и байкальский прибой.

А спросят — наверное, тоже не скрою,
Как сердцу не просто оставить родное,
Как я по тебе на чужбине скучаю,
Мой незабываемый, северный мой.

Диана Яковлева

Яковлева Диана Александровна родилась в 2004 году в городе Северобайкальск. Начала писать в школьные годы. В студенчестве переводила на русский язык стихотворения эвенкийского поэта Владимира Лоргоктоева. В свободное время играет на фортепиано, укулеле, поёт, любит пешие прогулки по берегу Байкала.

Случайный взгляд

Байкальские глаза

Мои глаза с отливами пшеницы,
Зеленой, свежескошенной травы.
В них пылко пляшет русская девица,
Ей вторит блеск березовой листвы.
Мои глаза медового оттенка —
Смолисто-хвойный, заповедный лес.
В них виден лик таёжного эвенка
С охотничьим ружьём наперевес.
Мои глаза с прожжённой сердцевинкой,
Разящие снарядами в упор.
В них спряталась от страха украинка,
В бездонной темноте ища зазор.
Я родилась на стыке трёх плетений
На северном байкальском берегу.
Традиции родных мне поколений
Я с гордостью в себе уберегу.

«Окна болят, если долго глядят на луну...»

Окна болят, если долго глядят на луну,
Давят на сердце под взглядами каменных звезд.
Хочется верить, что ночью отменят войну,
А поутру ты приедешь, оставив свой пост.

Знаешь, ведь окна в ночи видят призрачный свет —
Это луна рассыпает по миру слюду.
Ждут они долго обещанный небом рассвет,
Помни, и я тебя долго за окнами жду.
Ночью мы виделись в отблеске тысячи звезд…
Хочется верить, что скоро отменят войну.
Окна, к несчастью, не видят печали и слез.
Окна болят, если долго глядят на луну.

Маршрут второй

1

Зима. Мороз. Маршрут второй.
Взгляд пересёкся с ней.
Она тогда слилась с толпой
Мелькающих людей.
Он повстречал её давно —
В заснеженный февраль,
И каждый раз смотрел в окно
Ей, уходящей вдаль.
Весна. В который раз подряд
Стоял морозный май.
Она бросает быстрый взгляд
На медленный трамвай.
И некий был у них секрет —
Таинственный обряд:
Он улыбался ей, в ответ
Она бросала взгляд.
И всё по новой, как всегда
Обыкновенность дней,
Мгновенье взглядов, череда
Мелькающих людей.
Она обычно каждый раз
Стояла там одна.
И все же не сводила глаз
С трамвайного окна.

2

Маршрут второй. Морозный май.
Её сегодня нет…
А как же взгляд, манящий вдаль?
А как же их секрет?
Всё тот же снег спустя пять дней
Замел вдали тропу.

Он все раздумывал о ней,
Бросая взгляд в толпу.
Прошла весна. Её все нет.
Медлительный трамвай…
Не может быть, чтоб много лет
Вот так прошли, как май.

3

Стоял июнь. Прошла весна.
Жара. Маршрут второй.
Он всё катался допоздна
С работы и домой.
И так случилось, на себе
В который раз подряд
Он неожиданно в толпе
Поймал случайный взгляд.
С надеждой посмотрев в окно,
Подумал это сон:
Она глядела на давно
Знакомый ей вагон.
Всплывали в мыслях череда
Людей и снежный май.
Он должен был ещё тогда
Остановить трамвай.
На остановке вышел к ней.
Пробормотал «привет».
В толпе мелькающих людей
Раскрылся их секрет.
Она смутилась: ни к чему,
Знакомы много лет.
Казалось, будто никому
До них и дела нет.
Жара. Июнь. Маршрут второй.
И, заходя в трамвай,
Они всё думают порой
Про тот чудесный май.
Какой же глупой и смешной
Бывает череда
Людей, жары, зимы с весной
И взглядов иногда.

Крещение тайши Дымбилова. Взгляд на христианизацию бурят сквозь призму одного уголовного дела

В рождественскую ночь 1848 года в местности Ана Верхнеудинского уезда Забайкальской области Иркутской губернии случился пожар, который уничтожил здание органа бурятского самоуправления — Хоринской степной думы — со всем содержимым. Караульные сумели спастись, выбравшись из горевшего здания, и в первоначальных показаниях заявляли, что пожар произошел по причине самовозгорания. Дальнейшее следствие, однако, показало, что административное здание степной думы сгорело в результате преднамеренного поджога, который устроили сами караульные по секретному распоряжению главного тайши Николая Дымбилова и его духовного наставника протоиерея Константина Стукова. Мотивом послужило желание заговорщиков присвоить общественные деньги, хранившиеся в здании думы, а пожар должен был замести следы преступления. По результатам расследования все причастные, кроме Стукова, понесли наказание, а Дымбилов получил двадцать лет каторжных работ. Растраты и присвоения общественных средств в бурятском самоуправлении, как, впрочем, и по всей Сибири, были в XIX веке делом обычным[1]. «Дело Дымбилова» поразило общество и следователей скорее «особой дерзостью» преступления, нежели самим его фактом. Для имперских чиновников и православных церковных кругов особенно прискорбным обстоятельством было то, что за несколько лет до происшествия тайша Дымбилов обратился в православное христианство, а его крестным отцом выступил сам император Николай I. Громкое дело, таким образом, нанесло сильный удар по делу христианизации

[1] Многочисленные злоупотребления главных тайшей и других чиновников бурятских степных дум в подробностях описаны в бурятских летописных сочинениях. См. Бурятские летописи 2023. По деятельности бурятских степных дум существует обширная литература. См., напр.: Даржаев С. Ю. Степные Думы — органы самоуправления бурят в Российском государстве. 1822–1904 гг. Улан-Удэ, 2000; Дамешек Л. М. Местное самоуправление бурят в XIX — начале XX в. 2018; Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц. Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX — нач. XX вв. Иркутск, 2013; Нанзатов Б.З. Органы местного самоуправления у бурят в XIX — начале XX в. // Известия ИГУ. Серия История, 2014, №1, Т. 7. С. 228-231.

бурят, а особенно по стратегии приоритетного обращения представителей родовых элит сибирских «инородцев», которые должны были своим примером увлечь народ. «Дело Дымбилова» рельефно осветило многие проблемы христианизации коренных народов Сибири, являвшейся «полем противостояния, поскольку цели и ожидания тех, кто обратился, и тех, кто выбрал обращение, были разными»[2]. Меня в связи с данным инцидентом будут интересовать следующие вопросы: Что толкало представителей высших родовых элит к принятию православия? Какое воздействие оказывали такие решения на рядовых представителей коренных сибирских народов? Как в подобных делах переплетались интересы имперского центра, родовой знати, местных чиновников, епархиальных властей и миссионеров? Насколько эффективной была ставка на христианизацию высших слоев бурятского общества и других сибирских народов?

Вопросы обращения в православие нерусских народов Московского государства и Российской империи не раз поднимались в исторической литературе[3]. Исследователи обсуждали взаимодействие государства и Церкви в попытках достичь религиозного единообразия в империи, различные методы обращения и их последствия, рассматривали конкретные примеры столкновения православия с местными верованиями и культами, случаи отпадения от веры новообращенных и т. д. Однако проблема недостатка эмпирических материалов, в первую очередь из местных архивов, остается актуальной по сей день[4]. Это особенно касается миссионерской деятельности РПЦ в Сибири. Данная статья ставит целью частично заполнить пробел в наших знаниях о том, как на практике имперские чиновники и миссионеры пытались обратить в лоно

---

[2] Khodarkovsky, Michael. The Conversion of №n-Christians in Early Modern Russia. In: Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ed. by Robert Geracy and Michael Khodarkovsky. Cornell University Press, 1999. P. 117.

[3] Среди наиболее важных работ по данному вопросу, выходивших в последние десятилетия мне хотелось бы отметить Дамешек, Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX — начало XX вв. / Л. М. Дамешек. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986; Головнев, А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. / В.В. Головнев // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. — С 3-18; Софронов, В. Ю. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII — начале XX вв. : авто-реф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. Ю. Софронов. — Барнаул, 2007; Конев, А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XIX в.) / А. Ю. Конев. — М., 1995. В западной академии большой резонанс получила коллективная монография Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. Cornell University Press. Ithaca and London, 2001.

[4] О необходимости обратить внимание на источники местного уровня для более глубокого понимания процессов христианизации в Российской империи писало редакторы сборника Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ed. by Robert Geracy and Michael Khodarkovsky. Cornell University Press, 1999. P. 8.

православной церкви одну из крупнейших этнических групп Сибири — бурят, или бурят-монголов[5], а также как эти попытки встречались самими бурятами. Статья фокусируется на деле бурятского тайши Дымбилова, которое продолжалось в период с 1841 по 1848 гг., однако я также обращусь и к более раннему периоду, чтобы лучше обрисовать контекст данного дела. Для написания статьи мною были использованы материалы бурятских хроник, архивные дела из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Государственного архива Республики Бурятия, а также опубликованные материалы, в числе которых следует особо выделить «Историческия сведения о деятельности графа М. М. Сперанскаго в Сибири» В. Вагина[6] и работы сибирского краеведа В. П. Гирченко, касавшегося «дела Дымбилова» в двух своих исследовательских статьях[7].

Попытки обращения бурят в православие в первой половине XIX века. Как известно, продвижение русских в Сибирь сопровождалось подчинением местного населения, наложения на него обязанности выплаты ясака и обращения в православие. Христианизация «иноверцев» являлась не только делом миссионеров, но и государственной задачей, иными словами — частью процесса колонизации. Церковь вместе с продвижением своих интересов продвигала и интересы государства, которое рассматривало религиозное единообразие как наиболее благоприятное условие для консолидации власти на новых территориях. В Восточной Сибири русские в основном имели дело с последователями местных анимистических и шаманских культов, которых они определяли как «язычников» и «идолопоклонников». В глазах чиновников и миссионеров христианизация этой категории новых подданных рассматривалась как безусловная задача[8]. Такие сибирские народы, как алтайцы, хакасы, якуты, эвенки, чукчи, камчадалы и пр. обращались в православие в массовом порядке, в одних случаях насильственным образом, в других через материальные стимулы (временное освобождение от ясака, подарки). Понимая неосновательность массовых крещений, власти задействовали и другие методы для продвижения православия в среде коренных народов. Так, одним из таких мягких способов приведения новых подданных в государеву веру было обращение представителей

---

[5] Наиболее надежные сведения о численности бурят в Российской империи известны из материалов всеобщей переписи 1897 г. В конце XIX века, по данным переписи, бурят насчитывалось 288,6 тыс. человек обоего пола, что делало их крупнейшей этнической группой в Восточной Сибири.

[6] Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1-2. СПб.: 1872.

[7] Гирченко В. П. К истории бурят-монголов – хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1-3. С. 43-62; Гирченко В.П. Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 119-124. Обе статьи написаны в основном на материалах Хоринской степной думы.

[8] Софронов В. Ю. Методы крещения автохтонного населения Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. // Омский научный вестник. 2006. № 9 (47). С. 21-23.

местной элиты. Предложение принять крещение в обмен на особые привилегии получали представители элит всех завоеванных народов. Эти привилегии могли включать принятие в дворянское достоинство и на государеву службу, получение наград и жалования, освобождение от выплаты ясака. Вдобавок новая власть сохраняла за родовой знатью все их традиционные потомственные привилегии и авторитет. В обмен родовые головы и князья должны были способствовать обращению в православие рядовых родовичей[9]. Такие методы христианизации в XVI-XVII вв. применялись только к так называемым «язычникам», тогда как на народы, принявшие ислам, такие методы не распространялись[10]. Тибетский буддизм, или «ламаизм», в этом смысле мог обозначаться в государственной таксономии как «язычество», но власти, принимая в учет «иностранное» происхождение этого исповедания и наличие в ней «некоторой морали», также подходило к вопросу христианизации «ламаитов» с особой осторожностью. Наряду с калмыками, к последователям тибетского буддизма в России относились и более многочисленные буряты.

К моменту прибытия в район озера Байкал первых русских первопроходцев буряты не представляли собой единого образования, будучи конгломератом монголоязычных племен, занимавших территории по обе стороны от великого сибирского озера. Некоторые бурятские племена оказали ожесточенное сопротивление казачьим отрядам, в то время как другие согласились войти в состав Московского государства добровольно[11]. В процессе делимитации границ между Россией и Цинской империей в конце XVII века в Забайкалье продолжали мигрировать монгольские племена, пытавшиеся найти защиту от политической нестабильности в монгольских степях. Пришлые племена содействовали распространению в бурятской среде тибетского буддизма, который в течение XVIII века распространился почти по всей территории Забайкалья и даже проник на западную сторону от озера[12]. Российские власти вынуждены были признать буддизм и начать взаимодействие с буддийскими ламами, хотя это взаимодействие в основном строилось по линии ограничения числа лам и изоляции их от остального буддийского мира за пределами Российской империи. С середины XVIII века власти объявили буддизм терпимой религией, ввели штатное число лам и создали централизованную религиозную администрацию буддистов

---

[9] Khodarkovsky, Michael. The Conversion of №n-Christians in Early Modern Russia. In: Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ed. by Robert Geracy and Michael Khodarkovsky. Cornell University Press, 1999. P. 177.

[10] Таким образом, на начальных этапах колонизации государство не ставило целью тотальную христианизацию подвластных народов и подходило к этому вопросу дифференцированно. Полное достижение религиозной гомогенности было задачей отдаленного будущего.

[11] Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. / Под ред. проф. Н. Н. Козьмина. — Верхнеудинск, 1926. С. 52-66.

[12] Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. — Улан-Удэ, 1957. С. 22.

в Гусиноозерском дацане[13]. Иркутский губернатор Николай Трескин даже считал возможным бороться с бурятскими шаманами руками лам, косвенно содействуя экспансии буддизма[14]. Эта практика была, однако, свернута в начале XIX века, как только власти сделали приоритетом политику христианизации западных бурят, которые в своем большинстве не подверглись обращению в буддизм и оставались последователями местных культов. Однако в первой половине XIX века представители христианских церквей все настойчивее стали ставить вопрос и о борьбе с буддийскими ламами за души забайкальских бурят.

Начало миссионерской деятельности в Забайкалье было положено в 1680-х гг. с основанием Даурской миссии, базировавшейся в Селенгинском Троицком и Посольском Преображенском монастырях[15]. Как и в целом по Сибири, миссионерская деятельность не отличалась здесь систематичностью и основательностью. Миссионеров отправляли сюда без необходимой подготовки и часто против их воли, их число было недостаточным, миссия получала слабую и нерегулярную финансовую помощь от государства, а интересы чиновников зачастую расходились с целями миссии. Все эти проблемы были особенно заметны в Забайкалье, фронтирной зоне, где проблемы крещения сталкивались с вопросами государственной безопасности. В 1740-х гг. правительство даже приостановило миссионерскую деятельность в Забайкальской области, опасаясь массовой откочевки бурят[16].

Начало XIX века характеризуется заметным оживлением дела христианизации в Забайкалье, что связано с началом деятельности в области Лондонского миссионерского общества. Небольшая группа английских протестантских миссионеров прибыла в забайкальские степи в 1818 году и начала деятельность по обращению бурят в христианство. Миссионеры пользовались определенным покровительством со стороны Российского библейского общества, членом которого был российский император Александр I, а руководителем министр народного просвещения князь Александр Голицын. Другой член РБО, граф Михаил Сперанский, с 1819 по 1821 года служивший генерал-губернатором Сибири, также оказывал деятельную поддержку английским миссионерам. За 20 лет деятельности ЛМО обратило в христианство лишь около сотни бурят, но миссионеры перевели на монгольский Ветхий Завет и обучили грамоте и ремеслам

---

[13] Там же. С. 23.

[14] Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. — СПб.: 1885: 41; Schorkowitz, Dittmar. Staat und Nationalitaeten in Russland. Der Integrations prozess der Burjaten und Kalmücken, 1822–1925. Franz Steiner Verlag Stuttgart. 2001: 61.

[15] Жалсараев А. Д. Православная Церковь в Бурятии // Исторический вестник 2001. № 1(12). http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2001/1_12/12_4.htm

[16] Батцэнгэл Нацагдорж. Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII веке // Учение Будды в России. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. Санкт-Петербург, 2012. С. 15-36.

множество бурятских учеников[17]. Среди них были и представители бурятской знати, включая Ринчин-Доржи Дымбилова, который в течение двух лет проходил обучение у миссионера Уильяма Свана[18].

В ответ на деятельность английских миссионеров заметно оживились и их православные коллеги. Иркутские епископы первой половины XIX века отцы Михаил Миткевич, Ириней Нестерович, Мелетий Леонтович и Иннокентий Александров стали уделять делу православной миссии особое внимание, но их усилия по-прежнему упирались в нехватку финансирования и поддержки со стороны столичных и местных властей. К тому же православные миссионеры проводили крещения сугубо формально, что отмечали их английские коллеги[19]. Сами православные миссионеры признавали в своих епархиальных отчетах, что многие крещеные буряты «в церковь Божию ни разу не вступали», «к исповеди и причастию не ходят за нерачением»[20].

Ситуация получает тенденцию к изменению в 1838 году, когда главой Иркутской епархии назначается Нил Исакович, неистовый миссионер, в годы служения в Вятской епархии обративший в лоно РПЦ несколько тысяч старообрядцев[21]. На новой должности епископ (с 1840-го года архиепископ) Нил проявил свои выдающиеся качества, распространив кипучую деятельность на огромную территорию Иркутской епархии. Приоритетной целью своей епархии Нил видел христианизацию бурят, в том числе последователей буддизма. Для ее достижения он овладел письменным монгольским языком, изучил буддийские трактаты и по примеру английских миссионеров занялся изданием переводов на монгольский язык евангельских и литургических текстов[22]. Такое

---

[17] О деятельности английских миссионеров в Забайкалье существует обширная литература. В частности, см.: Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. / Под ред. проф. Н. Н. Козьмина. — Улан-Удэ, 2014. С. 229-232; Bawden, Charles R. Shamans, Lamas and Evangelicals. The English Missionaries in Siberia. Routledge and Kegan Paul. London, Boston, Melbourne and Henley, 1985; Williams, 1978. Williams, D. S. M. The 'Mongolian Mission' of the London Missionary Society: An Episode in the History of Religion in the Russian Empire // Slavonic and East European Review. Vol. 56. №. 3. July. 1978. С. 329-345.

[18] Williams, D. S. M. The 'Mongolian Mission' of the London Missionary Society: An Episode in the History of Religion in the Russian Empire // Slavonic and East European Review. Vol. 56. №. 3. July. 1978. С. 329-345: 342.

[19] Там же. С. 340.

[20] Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — нач. XX вв. http://irkipedia.ru/content/missionerskaya_deyatelnost_v_xviii_veke...

[21] Подробнее о жизни и деятельности архиепископа Нила Исаковича см. в Карпук Д. А. Особенности миссионерского служения архиепископа Нила (Исаковича) в Иркутской епархии (1838–1853) // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 72-98.

[22] Книга архиепископа «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», изданная в 1858 г. стала одним из наиболее систематических изложений буддийского учения на русском языке для своего времени. Знание монгольского языка позволило Нилу задействовать большой источниковый материал. Нил (Исаакович Н. Ф.), архиеп. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. — СПб.: 1858.

внимание к буддизму со стороны Нила объяснялось его убежденностью, что основной причиной неуспеха миссионерских усилий в Забайкалье было упорное противодействие буддийских лам. В одном из своих рапортов в Святейший Синод архиепископ Нил отмечал:

> Между тем буряты, столь близкие к средоточию Епархии, большею частью кочуют во мраке своем. Причина столь странного явления заключается, как полагаю, в том, что обитатели Якутской области — якуты, ламуты, юкагиры и др. ограничивались в делах веры одним Шаманством. Ламы и их учение туда не проникали. Область последних начинается от верховья Лены и Ангары и простирается до границы Китайской Монголии, из которой и вышли они. На пространстве сем многочисленное полчище Лам всегда полагало великие препоны проповедникам истины Божией и будут полагать доколе не примутся меры к возможному ограничению числа их и не приведутся они к жизни одинокой при капищах, предписуемой собственными их правилами[23].

Знание буддийских догматов должно было стать орудием в руках миссионеров для борьбы с «ламайским суеверием». Владением бурятского языка и систематическим изучением буддийских текстов отличались и приближенные к Нилу священники, среди которых был обращенный в христианство бурятский лама Николай Доржиев[24] и священник Константин Стуков[25], которому суждено будет сыграть особую роль в «деле Дымбилова».

Нил Исакович, очевидно, также считал важным привлекать на сторону миссии представителей бурятской элиты. Известны его безуспешные попытки обратить в христианство первого бурятского учёного, получившего образование в Казанском университете, Доржи Банзарова, который с 1848 по 1855 годы служил чиновником особых поручений при Иркутском генерал-губернаторстве[26]. Успехом для дела христианизации бурят стало крещение в православие тайшей Аларской степной думы Замбала Баторова и Бажея Косомова, состоявшееся в 1830-е гг[27]. Архиепископ Нил сыграл в этих обращениях важную роль. И хотя реальной причиной принятия христианства для обоих тайшей была конкуренция за власть, для Иркутского архиепископа, очевидно,

---

[23] РГИА Ф. 796, оп. 122, д. 402. По рапорту Нила, архиепископа Иркутского, о действиях к распространению христианской веры. Л. 6.

[24] Николай Доржиев (1815–1891) был штатным буддийским ламой Цугольского дацана, обратившимся в православие в 1848 г. после встречи с архиепископом Нилом. Помимо миссионерской деятельности, Доржиев преподавал монгольский язык в Иркутской семинарии, а с 1873 г. в Санкт-Петербургском университете.

[25] Константин Стуков (1809–1883) происходил из духовного сословия, окончил Иркутскую духовную семинарию. Помимо своей работы в Хоринском ведомстве, Стуков служил на разных духовных должностях в Чите, Иркутске, а также в Тункинском бурятском ведомстве.

[26] Савельев. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 34.

[27] Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX В. — начале XX В.: трансформация идентичностей. С. 106.

главным представлялось то, что аларские буряты в большинстве своем были «ламаитами», и крещение их родоначальников могло подорвать позиции буддизма. Аларские буряты проживали к западу от Байкала, недалеко от Иркутска. Главное внимание Нила было приковано к востоку от озера, где в бескрайних кочевьях селенгинских и хоринских бурят находились главные центры бурятского буддизма.

Хоринские буряты накануне «дела Дымбилова». После формального вхождения в состав Московского государства забайкальские буряты в обмен на лояльность русским царям получили право исповедовать «ламайскую веру» и жить на началах родового самоуправления. Еще до введения Устава об управлении инородцев М. М. Сперанского, буряты были разделены на группы родов, подведомственные так называемым степным конторам, административным учреждениям, через которые русская администрация собирала с них ясак[28]. Степные конторы управлялись представителями знатных семейств, добившихся своего положения благодаря важным услугам, которые их предки оказали российским властям в период проведения российско-цинской границы. Должности родоначальников были наследственными, но в связи с тем, что доминирующее положение в степных конторах могли занимать несколько семей, вопросы наследования решались как с помощью выборов, так и по решению губернских властей. Все это создавало ситуацию постоянной борьбы за власть, что до определенной степени устраивало колониальную администрацию. Реформа, проведенная Сперанским в 1822 году, с одной стороны была вызвана проблемой борьбы за власть в бурятских ведомствах, но с другой стороны мало изменила ситуацию[29]. Введенные вместо контор степные думы так же, как и прежде управлялись родовыми чиновниками — главным тайшой, депутатами, заседателями и родовыми головами. Формально должность главного тайши была пожизненной и наследственной, но очень часто тайши снимались с должности в связи с должностными злоупотреблениями по решению заседателей и родовых старейшин, а также губернских властей. В таких случаях лидерство в думах могло переходить в конкурирующие семейства.

---

[28] См. об этом подробнее в Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2020. С. 278-279.

[29] До введения в 1822 г. в действие Устава об управлении инородцами, буряты управлялись по принципам, заложенным в так называемой Инструкциям, данным майору Щербачеву 1763 г., которые, будучи краткими, оставляли многие аспекты самоуправления непроясненными. В частности, Устав 1822 г. установил коллегиальную систему управления думой и выборный принцип, что явно было направлено против произвола родоначальников. Хотя Устав Сперанского регулировал жизнь всего ясачного населения империи, разработан он был в связи с проблемами, вскрывшимися по делу тайши Галсанова. Внутреннюю жизнь хоринских бурят новый устав изменил мало, поскольку разрабатывался исходя из специфики жизни хори-бурят. См. Hundley 1984, p. 240-241; Верняев И.И. Бурятское общество и сибирский генерал-губернатор Михаил Сперанский // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 148-163: 156.

С 1822 года забайкальские буряты управлялись четырьмя степными думами, наиболее крупными по числу подведомственного населения из которых были Селенгинская и Хоринская (она же Онинская)[30]. Селенгинские и хоринские буряты к тому же раньше прочих бурят восприняли тибетский буддизм, и крупнейшие буддийские дацаны находились на их территориях[31]. Обе думы прилегали к границе с Цинской империей и были связаны родовыми, религиозными и экономическими узами с населением Внешней и Внутренней Монголии[32]. Как я отмечал выше, чиновники губернской администрации и пограничной канцелярии прежде всего были заинтересованы в политической стабильности в этой фронтирной зоне, а потому конфликты на религиозной почве были для них крайне нежелательными. Забайкальские буряты, в отличие от их добайкальских сородичей, не знали массовых обращений в христианство. Буддийские ламы обладали здесь большим влиянием, с чем вынуждены были считаться и чиновники, и миссионеры.

Хоринская степная дума до выделения из ее состава в 1839 году Агинской степной думы была крупнейшим бурятским административным образованием. Тайшинская должность в ней традиционно принадлежала потомкам Шодо Болтрикова, который во времена графа Саввы Владиславича Рагузинского оказал ему услуги в деле установления пограничной линии. За свои труды Болтриков был удостоен патента на должность хоринского тайши[33]. С 1729 года тайшинская должность среди хори-бурят переходила по прямой линии. В 1804 году в связи с бездетностью тайши Дамба-Дугара Иринцеева[34] должность перешла к его племяннику Галсану Мардайну, которому в 1815 году наследовал его сын Дымбил Галсанов. Таким образом, с 1804 по 1848 гг. тайшинское достоинство оставалось в руках потомков Мардайна, в то время, как представители линии Иринцеева занимали второстепенные должностные позиции в думе.

---

[30] В русских делопроизводственных документах дума могла называться Онинской от искаженного бурятского названия местности, где располагалось здание думы — Ана. В 1839 году из состава Хоринской степной думы в связи с обширными пространствами находившимися под ее ведомством и для улучшения управления населением была выделена Агинская дума.

[31] К рассматриваемому периоду число дацанов у бурят достигло 34-х, 28 из которых находились на территории Селенгинского и Хоринского степных ведомств. Главный-религиозно-административный центр бурят-буддистов находился в Гусиноозерском дацане, который располагался неподалеку от штаб-квартиры Селенгинской степной думы.

[32] Эти связи включали торговлю предметами религиозного культа и духовной литературой, паломничество в святые места и учебу в монастырских центрах, частые визиты лам. Буряты активно участвовали в религиозной жизни большого тибето-буддийского мира и делали регулярные денежные подношения монастырям и ламам Монголии и Тибета. См. об этом Позднеев А. М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае. // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. — 1886. — Вып 1. — Т. 1. — С. 169-188: 172.

[33] Бурятские летописи 2023. С. 51, 68.

[34] У тайши Дамба-Дугара Иринцеева не было кровного сына, но был приемный сын Жигжит Дамбадугаров, который в 1848 году будет избран главным тайшой Хоринской степной думы.

Дымбил Галсанов, несмотря на свою молодость, сумел наладить хороший уровень управления думой. По отзывам его непосредственного начальника иркутского губернатора Трескина, дума при Галсанове не допускала недоимок, содержала в порядке почтовые станции и тракты, оказала важную помощь голодающему населению Нерчинского округа[35]. За службу он не раз удостаивался наград и получил титул титулярного советника. При этом Галсанов отличался от своих предшественников тем, что имел склонность к русскому образу жизни, что проявлялось в стиле его одежды и привычках, любви к предметам роскоши и подчеркнутом неуважении к традициям своего народа. По-мнению Трескина, это не только вызывало неприязненное отношение к нему со стороны бурятского общества, но и требовало больших личных затрат[36]. Бурятский летописец Тугульдур Тобоев, впрочем, указывает на другие причины народного неудовольствия. Он сообщает, что после занятия тайшинской должности «нрав его (Галсанова) стал суровым и гневливым, он стал нередко бить знатных и простых людей отоков и завел обыкновение забирать угрозами хорошие вещи у других людей, а также самовольно использовать собранные у народа налоги»[37]. В своих жалобах в губернское управление бурятские ноёны обвиняли Галсанова в растрате 54-х тысяч рублей общественных денег, при том что общество простило ему почти половину этой суммы[38]. Увлечение русским образом жизни и незаконные растраты использовались конкурирующей линией потомков Болтрикова, которые добились смещения Галсанова с должности тайши и предания его суду. Губернатор Трескин признавал обоснованность обвинений, хотя и оправдывал преступления Галсанова его молодостью, неопытностью и слишком поспешной сознательной русификацией[39]. Группу недовольных хоринских ноёнов поддерживали и ламы, обеспокоенные активизацией миссионерской деятельности в Забайкалье.

Когда потерявший поддержку губернского начальства Дымбил Галсанов уже готов был покориться судьбе, он обрел неожиданное покровительство в имперской столице. Слухи об отстранении Галсанова дошли до упоминавшегося нами выше князя Голицына, который в те годы был переведен с должности обер-прокурора Синода на должность Министра народного просвещения. Зная о склонности Галсанова к христианству, Голицын посчитал, что тяжесть совершенных им правонарушений не перевешивает возможных выгод для дела христианизации забайкальских бурят. Дело Галсанова пришлось пересматривать вновь назначенному на должность генерал-губернатора Сибири М. Сперанскому, который для этого прибыл в Верхнеудинск, где на встрече с хоринской знатью произнес перед ними речь, в которой заявил, что требование об увольнении тайши

[35] Вагин, 263.

[36] Там же, 264.

[37] Бурятские летописи, 2023. С. 76.

[38] Вагин, 264.

[39] Там же.

Галсанова «яко неосновательное оставляется без уважения»[40]. Это решение властей казалось опасным самому Сперанскому, который ожидал сопротивления хоринцев и даже их возможной массовой откочевки в Монголию. Однако этого не произошло.

Сохранив за собой должность, Галсанов ощущал себя обязанным Голицыну и выражал полную готовность содействовать его планам по христианизации бурят. Еще до своего кратковременного отстранения от должности, по просьбе князя он содействовал устройству английской миссии в хоринских степях. Позднее, как уже упоминалось, его сын Ринчин-Доржи был определен на учебу к миссионерам. Кроме того, он помог Голицыну в его деле по переводу Нового завета на монгольский язык по линии РБО, отправив в Санкт-Петербург двух своих зайсанов в качестве помощников при переводчике профессоре Санкт-Петербургского университета Якобе Шмидте[41]. После завершения перевода в 1821 году он помогал распространять его печатное издание в бурятской среде. В том же году, он обратился с официальным прошением к Иркутскому епископу Михаилу, а также на Высочайшее имя с просьбой о принятии крещения. Хотя для князя Голицына положительное решение данного вопроса было очевидным, граф Сперанский сумел убедить его в том, что после совершенных Галсановым правонарушений его обращение в православие нанесет делу христианизации бурят большой урон. Решено было отложить крещение на более поздний срок, но в сентябре 1822 года тайша Дымбил Галсанов неожиданно скончался в возрасте 24-х лет[42].

На выборах главного тайши хоринской думы большинство ноёнов отвергло кандидатуру 6-летнего сына умершего тайши — Ринчин-Доржи Дымбилова[43]. Причиной был не возраст претендента, который имел наследственные права на тайшинство, а желание хоринской знати восстановить прежнюю тайшинскую линию в лице приемного сына Дамба-Дугара Иринцеева Жигжита Суванова (Дамбадугарова). За его спиной стояла влиятельная группа хоринских лам во главе с помощником Бандидо Хамбо-ламы Тойндолом Сувановым[44]. Таким образом, потомки Галсана Мардайна оказались оттесненными от должности главного тайши хоринской думы.

---

[40] Вагин, 269.

[41] Bawden, Charles R. Shamans, Lamas and Evangelicals, 1985. P. 120.

[42] Бурятские летописи 2023. С. 157; Гирченко В.П. К истории бурят-монголов — хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1-3. С. 48.

[43] Там же; Бурятские летописи, 2023. С. 157.

[44] Гирченко В. П. Хоринские “происшествия” и православная миссия. С. 119-120. Тойндол Суванов был наиболее авторитетным в этот период хоринским ламой, претендовавшим на должность Бандидо Хамбо-ламы. В результате компромисса с селенгинскими ламами в 1818 г. он получил должность дид-хамбо (заместителя), фактически управлявшего делами хоринских дацанов. Лама Суванов удостаивался наград и поощрений от российской власти. Бурятские летописи 2023. С. 128.

Крещение тайши Дымбилова. Жигжит Суванов прослужил на должности главного тайши Хоринской степной думы 14 лет, после чего скончался. В 1835 году хоринская знать выбрала следующим тайшой Бадму Павлова, представителя уважаемого хоринского семейства, вовсе не принадлежавшего к линии Болтрикова[45]. Три года новоизбранный тайша, связанный с ним родственными узами Тойндол Суванов и родовые головы хоринцев безуспешно добивались от иркутских властей утверждения его в тайшинской должности, но в конечном итоге волевым решением Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в ней был утвержден Ринчин-Доржи Дымбилов. За этим назначением скорее всего стоял недавно назначенный на должность Иркутского архиепископа Нил Исакович, который, как мы упоминали, был захвачен идеей крещения бурятских «ламаитов».

Отец Нил, очевидно, был осведомлен о недавней истории тайши Галсанова и потому мог связывать особые надежды с его сыном. Спустя некоторое время, после водворения Дымбилова в должность, которое вызвало большое смущение в среде хоринской родовой знати, Верхнеудинский окружной начальник Шапошников по просьбе Нила выслал на имя новоназначенного тайши секретный циркуляр. В нем он информировал его, что тайша Балаганской степной думы Андреев был награжден чином за обращение своих подданных в христианство[46]. Еще через год уже сам епископ Нил вступил с Дымбиловым в переписку, в которой стал настойчиво подталкивать молодого тайшу к крещению, замечая, что «дело вечного спасения откладывать опасно, ибо человеку не дано ведать, когда воззовет его к себе верховный жизни и смерти нашея владыка»[47].

Между тем, период тайшинства Николая Дымбилова, если судить по бурятским источникам, сопровождалось непрекращающимися конфликтами и несогласиями. Бурятский летописец Тугульдур Тобоев, который в рассматриваемый период служил вторым тайшой в Агинской степной думе, едва ли мог быть беспристрастным в освещении деятельности Дымбилова. Хоринский тайша был противником отделения агинских бурят от остального хори-бурятского населения в отдельную думу в 1839 году и безуспешно добивался от иркутских губернских властей приостановки данного процесса. Тем не менее, сведения Тобоева ценны для понимания того, что происходило внутри бурятского общества в связи с возвышением Дымбилова. В своей хронике бурятский хронист утверждает, что само назначение Дымбилова на должность тайши раскололо хоринцев на два лагеря. Вокруг потомка Мардайна объединились крещеные буряты, которые, по видимому, находились в ближайшем его окружении. По другим сведениям, партию Дымбилова поддерживали и православные

[45] Бурятские летописи, 2023. С. 157; Гирченко В.П. К истории бурят-монголов — хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1–3. С. 53-54.

[46] Гирченко В. П. Хоринские «происшествия» и православная миссия. С. 120.

[47] Там же. С. 120.

священники из Верхнеудинска во главе с протоиерем Харлампием Поповым, которые консультировали тайшу по юридическим делам, составляли для него разного рода донесения, давали советы[48]. Это было тем важнее, что противники нового тайши слали бесконечные петиции в Иркутск на его многочисленные злоупотребления. Так, Дымбилова обвиняли во взятках, излишних поборах с населения думы, присвоении чужого имущества и покосов, незаконном снаряжении людей в личный караул и пр. По данным жалобам проводились следствия, но никаких последствий не случалось. Вероятно, понимая, что рано или поздно иркутское начальство будет вынуждено пойти навстречу жалобщикам, тайша Дымбилов, как и его отец двумя десятилетиями ранее, решил обратиться к крещению как к решению своих проблем.

В 1841 году Ринчен-Доржи Дымбилов подал прошение генерал-губернатору Восточной Сибири Вильгельму Руперту о принятии христианства и разрешении ему с этой целью явиться в Санкт-Петербург. Руперт, в свою очередь, представил это прошение на Высочайшее имя. В числе прочего Дымбилов в своем прошении сообщал:

> Предки мои были одними из первых бурят, покорившихся добровольно скипетру Царя Русского и носили звание главных родоначальников. Дед мой Галсан Мардаев был Тайшой в чине Надворного Советника, имел 3 золотые медали. Отец мой Дымбил Галсанов тоже был Главной Тайшой и имел чин Титулярного Советника, золотую медаль и жалованную золотую саблю. От отца остался малолетним, уже третий год Главный родоначальник. Удостоился золотой медали на Анненской ленте, но чина обер-офицерского не имею[49].

В своем прошении хоринский тайша фактически выдвинул несколько условий принятия крещения, которые включали дарование ему княжеского достоинства и чина надворного советника, получение грамоты, закрепляющей безусловное потомственное владение хоринскими бурятами земель, разрешение на устройство дома призрения сирот, награждение его жены бриллиантовыми серьгами и 300-ми рублей за совершенные ею ранее благотворительные акты, награждение за отлично-усердную службу некоторых подведомственных ему родоправителей и, наконец, разрешение прибыть лично в Санкт-Петербург для принесения «всеподданнейшей благодарности» и прохождения обряда

---

[48] Тугульдур Тобоев единственный из летописцев, кто сообщает подробности о злоупотреблениях Дымбилова. Селенгинский тайша и хронист Дамби-Жалцан Ломбоцыренов лишь коротко сообщает о поджоге Хоринской степной думы. Интересно, что видный хоринский летописец Вандан Юмсунов вообще оставляет дело по поджоге Хоринской степной думы без внимания. Это, вероятно, объясняется тем, что, служа в то время писарем при хоринской думе, он был замешан в этом деле и в отношении него велись следственные действия. В итоге он был признан напрямую непричастным к преступлению, но расследование могло сказаться на его дальнейшей карьере.

[49] РГИА ф. 1286, оп. 8, д. 724 от 1841 г. По сообщению Департамента духовных дел иностранных исповеданий… Л. 3об.

крещения (с покрытием государством путевых издержек по причине недостаточного жалования), в котором император сам выступил бы в роли «воспреемника от купели»[50]. Явно смущенный выдвинутыми условиями, Руперт в сопроводительной записке заметил:

> Со своей стороны я говорил Его Императорскому Величеству, что Сибирский комитет имеет планы присоединения бурят к общему Гражданскому устройству, ранее отклонял все подобные домогательства родоначальников инородцев 1) чтобы не усиливать важность родоначальников в среде инородцев, 2) чтобы отвратить поборы[51].

Несмотря на осторожные возражения генерал-губернатора, прошение Дымбилова было поддержано архиепископом Нилом и статс-секретарем князем Голицыным, которые донесли его до Николая I «в правильном свете». В частности, императору напомнили, что прежде просьба о крещении отца Дымбилова была отклонена, несмотря на его деятельную помощь РБО[52]. В ответном письме император сообщил Руперту, что «не следует все время отказывать в такой просьбе, ибо они есть лица, имеющие влияние» и предлагал подумать, какие выгоды можно было бы извлечь из выполнения просьб хоринского тайши, которым, впрочем, просил не придавать большой важности[53]. В этом эпизоде мы видим, как входят в противоречие интересы и цели губернской администрации с таковыми православной миссии. Руперт понимает стремление Дымбилова решить свои проблемы через крещение и осознает, что это плохой пример для других родоначальников. Имперский центр в этой ситуации мягко проталкивает повестку миссии, как соответствующую долгосрочной стратегии государства. Для центра это представляется важнее, чем справедливые, но все же незначительные опасения иркутских функционеров.

Документы Министерства императорского двора сообщают нам, что 18 ноября 1842 года в Малой Церкви при Зимнем дворце придворный протоиерей о. Бажанов провел таинство крещения над главным тайшой хоринских

---

[50] Там же. Лл. 3-4; РГИА, Ф. 383, оп 5, дело № 4387. Дело 1842 года. По разным предметам прошения главного тайши 14 Хоринских родов Забайкальских бурят, Есаула Николая Дымбилова. Лл. 10-16.

[51] РГИА, Ф. 383, оп 5, дело № 4387. Дело 1842 года. По разным предметам прошения главного тайши 14 Хоринских родов Забайкальских бурят, Есаула Николая Дымбилова. Л. 6об. Генерал-губернатор Руперт имел в виду рассматривавшиеся планы Главного управления Восточной Сибири по упразднению думского самоуправления бурят и присоединения бурят к общему с русским населением волостному управлению, что подорвало бы позиции родоначальников. Эта реформа, однако, дойдет до реализации в Забайкалье только к нач. XX в. См.: Дамешек Л.М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Местное самоуправление бурят в XIX — начале XX В.: от степных дум к волостным правлениям. Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 23. С. 22-35.

[52] Там же. Л. 2.

[53] Там же. Л. 7.

бурят Ринчин-Доржи Дымбиловым, которому с этого момента было дано имя Николай Николаевич. Во исполнение просьбы самого крестившегося его «воспреемником от купели» выступил сам император Николай Павлович и Великая княжна Ольга Николаевна[54]. Не все условия Дымбилова были выполнены властями, но главный тайша имел основания быть довольным. Он получил чин есаула Сибирского линейного казачьего войска. Наград удостоились и его супруга, а также ряд близких ему родовых старейшин. Генерал-губернатор Руперт в этой связи выражал надежду что награжденные родоправители будут помогать Дымбилову продвигать интересы православия в бурятской среде. Кроме того, по дополнительному запросу Дымбилова и ходатайству Главного управления Восточной Сибири, крестившемуся тайше было выделено жалование в 113 руб. 25 коп. серебром в год и дополнительно 1000 руб. ежегодно на разъезды. Обосновывая данное ходатайство перед Министерством государственных имуществ, Руперт утверждал, что Дымбилов получил от своего отца бедное наследство, что его собственное хозяйство является малоприбыльным, что его склонность к европейскому образу жизни требует от него повышенных расходов и что как крестный сын самого императора Дымбилов должен иметь достойное содержание. Данное ходатайство было удовлетворено, как и другое, на Высочайшее имя, в котором содержалась просьба о прекращении следствий по злоупотреблениям Дымбилова[55]. Таким образом, Дымбилов извлек из своего обращения в православие максимально возможные в его ситуации политические и материальные выгоды. Крещение Дымбилова стало громким событием, о нем вышли заметки в столичных газетах. Он возвращался обратно с богатыми дарами от императора, среди которых было много икон и духовных книг в роскошных переплетах[56].

По духовной линии Дымбилов также не был оставлен без попечения. Гражданские и церковные власти понимали ненадежность положения новокрещенных «инородцев», даже столь высокопоставленных. В связи с этим по распоряжению Святейшего Синода архиепископу Нилу надлежало назначить опытного духовного наставника для пребывания при тайше Дымбилове, а также способствовать открытию приходского училища при Хоринской думе для бурятских детей. Иркутский архиепископ нашел священника, который, на его взгляд, подходил к должности наставника. Это был иркутский протоиерей Константин Стуков, получивший духовное образование в Иркутской семинарии и служивший несколько лет смотрителем

---

[54] РГИА, Ф. 802, оп. 1, д. 267. 1842 г. О присоединении к православию Главного Тайши 14 родов Хоринских бурят Рынчина Доржи Дымбилова. Лл. 7-7об.

[55] РГИА Ф. 383, оп. 8, д. 7181. По отношению Генерал-Губернатора Восточной Сибири о назначении содержания Есаулу Дымбилову. 1845 г. Лл. 1-4.

[56] Гирченко В. Хоринские происшествия 1848–49 годов и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 120.

Нерчинского духовного училища. Стуков выделялся из массы сибирских священников своей тягой к знаниям и страстью к изучению языков[57]. При всем этом в период своего служения в Нерчинске Стуков критиковал местные власти за нежелание улучшать условия жизни поселенцев и имел тесное общение с пребывавшими в Нерчинском крае декабристами[58]. Стуков принял должность миссионера, поселившись при церкви в селении Кули недалеко от Хоринской степной думы. Согласно инструкциям, данным ему архиепископом, Стуков должен был не только поддерживать в Дымбилове необходимый уровень личной приверженности к христианству, но и частыми посещениями кочевий хоринских бурят подвигать их к идее обращения в христианство. Этой цели должно было служить и открытие при Кулях приходского училища для детей русских крестьян и хоринских бурят[59]. При этом, верный своей просвещенческой методике Нил ожидал от Стукова изучение и использование знаний о буддийском вероучении, «которое, сближаясь в разных частях своих с истинами откровенными, дает место приличным применениям, каковых пример находим в Апостольских Деяниях»[60].

В свою очередь, Нил налагал обязанности и на новообращенного тайшу. От него ожидалось тесное сотрудничество с протоиереем Стуковым, забота о Кульской церкви и приходском училище, но, что самое важное, Дымбилов должен был содействовать христианизации подведомственных ему бурят и ограничивать влияние на них буддийских лам. В донесении к обер-прокурору Синода архиепископ Нил так формулировал свои ожидания от обращения Дымбилова:

> Взор ста тысяч Забайкальских инородцев обращен ныне на Тайшу Николая Дымбилова. Дары, излитые на него от престола Царева, купно с благодатными водами Крещения, оживляют надеждою всех чтителей имени Христова, что близок конец томлениям их под игом языческих властей. Идолопоклонство начинает видеть свою суетность и готовится принять жребий, уготованный ему судьбами Вышнего. Так надобно желать, чтобы ощущения сии не прошли вместе со временем, не принесши достойного себе плода[61].

---

[57] О вкладе Стукова в изучение бурятского языка и теорию перевода на бурятский язык христианских текстов см.: Graber, Kathryn E. and Murray, Jesse D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. Slavic Review 74, no. 1 (Spring 2015). P. 127-152: 138-139.

[58] Ларев В. Протоиерей Константин Стуков // Иркутские епархиальные ведомости. 1884. 13. С. 160.

[59] РГИА, Ф. 796, оп. 124, д. 980. Дело о принявшем Святое Крещение Главном Тайше 14 Хоринских родов Дымбилове. Л. 1-6 об.

[60] РГИА, Ф. 796, оп. 123, д. 1427. О крещении Главного Тайши 14 родов Хоринских Бурят Дымбылова. Л. 17 об.

[61] Там же. Л. 15.

Вместе с тем, после крещения Дымбилов отнюдь не изменил стиль своего управления делами степной думы, лишь плотнее окружив себя верными людьми из числа крещенных бурят. Он сам обозначил ее «христианствующей партией» при думе[62]. К предыдущим злоупотреблениям, за которые Дымбилов был прощен императором, прибавились присвоение им средств сельских экономических магазинов и доходов от продажи бурятами шерсти Тельминской мануфактуре. Среди страдавших от произвола тайши простых хори-бурят имела хождение песня, в которой они выражали свою горечь от тех несправедливостей, которым были вынуждены подвергаться при Дымбилове:

Утвержденный определением
Начальствующих Иркутскою губерниею,
Нойон Ричин Дорчжи
Жесток к простым подданным.

Живущий греша да гордясь
Своим многочисленным скотом,
Верховный нойон, тайша наш
Резок и суров по нраву.

Нанося убытки в средствах
Мирно жившим подданным,
Он, с целью получить да взять,
Замучил, стращая да беспокоя…[63]

Иркутское генерал-губернаторство назначало следствия по злоупотреблениям хоринского главного тайши, поскольку полагало, что безнаказанность Дымбилова подает плохой пример прочим бурятским тайшам и родоначальникам, но доводить эти дела до суда не решалось. Большую роль в приостановке следственных дел играл архиепископ Нил, который с поддержкой Синода просил чиновников Министерства государственных имуществ закрывать глаза на продолжающиеся должностные преступления Дымбилова. Нил выражал уверенность, что жалобы на крестного сына императора являются наветами его завистников и противников в бурятской среде, в том числе со стороны лам[64].

Николай Дымбилов прекрасно понимал, что выйти сухим из воды в его правонарушениях ему поможет только оправдание связанных с ним ожиданий со

---

[62] Гирченко В. П. Хоринские «происшествия» и православная миссия. С. 121.

[63] Позднеев А. М. Образцы народной литератур монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук. 1880. С. 258-259. Позднеев записал, перевел на русский и включил эту песню в свою монографию, снабдив ее кратким объяснением «дела Дымбилова».

[64] РГИА, Ф. 796, оп. 123, д. 1427. О крещении Главного Тайши 14 родов Хоринских Бурят Дымбылова. Лл. 29-33.

стороны властей, светских и церковных. Не совсем ясно, насколько его реальное стремление к христианству было устойчивым, хотя имеются данные, что он собирался жениться на знатной русской женщине, из-за чего охладел к своей законной супруге[65]. В то же время он избегал прямо атаковать буддизм, что превратило бы его в очевидного маргинала в среде сородичей. Ближе к середине XIX века буддизм уже пустил глубокие корни в бурятском обществе. Он был связующим звеном для забайкальских бурят, разделенных системой степных дум, но объединенных сетью дацанов с центром в ставке Бандидо Хамбо-ламы. Кроме того, буддизм соединял бурят с единоверцами в соседней Монголии, а также с калмыками на нижней Волге, которые иногда приезжали в Забайкальские степи с целью паломничества. Так, в 1843 году в Забайкальскую область прибыла высокородная калмыцкая княжна Надмит со свитой с намерением поклониться авторитетному монгольскому ламе Галсан-Содбо[66], а после последовать в Цинскую империю для совершения буддийского паломничества. Во время проезда Надмит через территорию Хоринской думы, Дымбилов распорядился задержать княгиню, грубо допросил ее и продержал в течение нескольких дней под арестом вместе с сопровождавшими ее ламами[67]. Еще более возмутительным в глазах буддистов было донесение Дымбилова сенатскому ревизору Ивану Толстому в ответ на запрос последнего о состоянии буддийского вероисповедания у хори-бурят. Данный вопрос интересовал сенатора главным образом в связи с выяснением того, какое экономическое воздействие оказывает на бурятское ясачное население содержание лам и дацанов. По сообщению бурятского летописца, в своем докладе от 1844 года Дымбилов констатировал чрезмерное увеличение количества лам, заявил об их бесполезности и обременительности их содержания и рекомендовал сократить квоты на штатное буддийское духовенство[68]. Это мнение в точности совпадало с прежде неоднократно высказывавшимися оценками архиепископа Нила по «ламскому вопросу», но выраженное одним из главных бурятских родоначальников, оно могло иметь большее воздействие на губернские власти. Год спустя Дымбилов повторит это мнение в докладе Главному управлению Восточной Сибири, что могло стать основанием для радикального сокращения штатного духовенства, прописанного в Положении

---

[65] Черепанов С. И. Отрывки из воспоминаний С. И Черепанова, напечатанные в «Древней и новой России» 1876 г. Казань: типо. и лит. А. И. Линимайер, 1879. С. 61.

[66] Лама Галсан-Содбо из хорчинского сейма Внутренней Монголии прибыл в Забайкалье с целью проповеди буддизма в бурятской среде. Он привлекал к себе множество бурятских верующих, что вызвало серьезные беспокойства у местных властей. См.: Цыремпилов Н. В. «Чужие» ламы. Российская политика в отношении заграничного буддийского духовенства в XVIII — начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, (4), 12-13. По мнению Стукова, на самом деле Дымбилов тайно покровительствовал Галсан-Содбо. Гирченко В. П. Хоринские «происшествия» и православная миссия. С. 124.

[67] ГАРБ Ф. 2, оп. 1, д. 1041. Дело о нанесении обид калмыцкой княжне главным тайшой хоринской степной думы Дымбиловым. Лл. 1-7.

[68] Бурятские летописи 2022. С. 129.

о ламайском духовенстве 1853 года[69]. Вандан Юмсунов в своей летописи с горечью отмечает, что нехватка лам для повседневных треб существенно усложнила жизнь бурят[70].

Еще одной услугой, которую Дымбилов оказал архиепископу Нилу и православным миссионерам в Сибири, было закрытие миссии ЛМО. В Кудунском училище Хоринского ведомства англичане обучали Закону Божьему до 30 детей, а в Анинском училище еще 25 бурятских учеников обоего пола. Конечно, закрытие английской миссии в Забайкалье связано с более глубокими процессами, связанными, в том числе, с приостановкой деятельности РБО и отставкой князя Голицына, но большую роль в этом деле сыграл архиепископ Нил, обвинявший английских миссионеров во враждебности к православию. Еще в 1838 году, до своего крещения, к обвинительной риторике, направленной против своих бывших учителей присоединился и Дымбилов, который заявлял, что англичане сбивают бурят с пути к православию[71]. Эти обвинения привели к расследованию деятельности миссии в 1839 году, а затем и к ее окончательному закрытию по указу Николая I год спустя.

Архивные источники проливают свет на еще один эпизод, связанный с попытками Николая Дымбилова оправдать ожидания своих православных наставников. В донесении в Синод в 1847 году архиепископ Нил сообщал, что хоринский тайша изъявил желание передать миссионерам здание главного дацана хоринского ведомства — Анинского — для преобразования его в христианскую церковь[72]. С энтузиазмом оповещая Синод об этой инициативе Дымбилова, Нил видел в ней свидетельство постепенного укрепления преданности его православию. Реальные действия по передаче дацанского здания православной Церкви могли бы вызвать серьезный кризис в хоринской степи, о чем Дымбилов не мог не догадываться. Вероятно, в связи с этим Дымбилов вскоре переключился на идею о приобретении походной церкви, которая могла бы передвигаться по хоринской степи и способствовать обращению бурят в христианство[73].

---

[69] По сведениям чиновников, в 40-х гг. XIX в. число буддийских лам у бурят достигало 4546 человек. Положение о ламайском духовенстве 1853 г. утвердило число штатных лам в 285 человек. См. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой половины XX века. Санкт-Петербург: «Наука», 1998. С. 53. Большинство бурятских лам не являлись монахами и не жили на постоянной основе в дацанах. В штат включались только ламы, принявшие монашеские обеты.

[70] Там же. С. 129-130.

[71] Williams, D. S. M. The ‘Mongolian Mission’ of the London Missionary Society: An Episode in the History of Religion in the Russian Empire // Slavonic and East European Review. Vol. 56. №. 3. July. 1978. С. 342.

[72] Гирченко. Хоринские «происшествия» и православная миссия. С. 120.

[73] Широкую практику использования походных церквей ввел архиепископ Нил, который видел в ней способ расширения миссионерской деятельности, особенно в труднодоступных регионах Восточной Сибири. См. Карпук Д. А. Особенности миссионерского служения архиепископа Нила (Исаковича) в Иркутской епархии (1838–1853) // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 72-98: 83-86.

В 1843 году миссионер Стуков просил губернских чиновников помочь с ее приобретением, выражая энтузиазм по поводу этой инициативы[74], но и она так и не была доведена до реализации. По утверждению Стукова, хоринский тайша из-за неисполненных обещаний стал избегать встреч с ним, что якобы вызывало у миссионера чувство тревоги и разочарования.

Вообще, миссионер Константин Стуков, казалось бы, серьезно взялся за свои обязанности по приведению бурят хоринского ведомства в православие. Он быстро овладел разговорным и письменным бурятским языком, используя его для общения с Дымбиловым и другими бурятами. Кроме того, Стуков с интересом изучал академические тексты по буддологии и собирал собственную коллекцию буддийских текстов, сохранившуюся до наших дней[75]. Приоритетной задачей Стукова, которую перед ним поставил Нил, было не массовое крещение простых бурят, а ослабление влияния лам на хоринскую родовую элиту и приведение в православие других родоначальников хоринского ведомства. В одном из своих писем Дымбилову Стуков прямо писал: «всем известно, что начальство питало и ныне еще питает надежду подавить через Вас буддизм»[76]. Собираясь креститься, Дымбилов уверял своих духовных наставников, что ряд хоринских родоначальников горят желанием последовать его примеру, однако на многочисленные увещевания миссионера они отвечали одинаково: «Мы не прочь от Крещения. Пусть только начнет кто-нибудь один из нас!» В донесении Нилу накануне пожара в здании степной думы Стуков писал, что Дымбилов стал отрицать, что вообще давал какие бы то ни было обещания о крещении родоначальников, а также, что в реальности хоринский тайша продолжает тесное общение с ламами, посещает дацанские службы, не разрешает креститься своей супруге и выдал своих приемных дочерей за бурят-буддистов[77] Очевидно, для Дымбилова полный разрыв с буддизмом мог означать собственную маргинализацию в бурятском обществе, поэтому неудивительно, что он пытался усидеть на двух стульях в своей местной религиозной политике.

---

[74] ГАРБ Ф. 8, оп. 1, д. 1003. Дело об определении в селение Кули протоиерея Стукова для распространения христианской веры между Забайкальскими бурятами. 1843 г. Л. 20.

[75] Миссионер также интересовался тибетской медициной, историей и культурой бурят, опубликовав ряд исследовательских работ и заметок. После смерти К. К. Стукова часть коллекции монгольских и тибетских книг миссионера была передана Иркутской духовной семинарии и позднее поступила на хранение в библиотеку Иркутского государственного университета. Другая часть коллекции Стукова, состоящая из тибетских книг в основном ритуального характера, недавно была обнаружена в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. См. Описание коллекции в Базаров А. А., Лощенков А. В. Коллекция тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова (1809–1883) из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Монголоведение. 2022;14(1):156-169.

[76] Гирченко В. П. Хоринские «происшествия» и православная миссия. С. 120.

[77] Там же. С. 124.

Вероятно, предчувствуя катастрофу и ощущая необходимость дистанцироваться от Дымбилова, в письмах к архиепископу накануне инцидента с поджогом думы Стуков прямо обвинял Дымбилова и других родовых старейшин в корыстолюбии и злоупотреблениях и выражал пессимизм в отношении перспектив своей миссионерской деятельности[78]. Эти донесения Стукова удивительным образом контрастировали с оптимистичными реляциями Нила в Синод, в которых архиепископ в том же 1847 году писал, что по его наблюдениям постепенно «время и опыт умудряют» тайшу Дымбилова[79]. Надеждам Нила совсем скоро было суждено быть окончательно похороненными.

Дело о сожжении степной думы. Из показаний писаря Хоринской степной думы Вандана Юмсунова выяснилось, что в рождество 1848 года он был в здании думы и покинул ее в ночь на 27-е декабря, но вскоре был разбужен в своей юрте тревожной новостью о пожаре. Срочно прибыв к зданию думы, «нашел он здание Думы все в огне, множество народа и в числе их Голов и Тайшу Дымбилова, которые заливали огонь водой, но все было бесполезно»[80]. В результате здание сгорело до основания. Следствие по данному делу началось только в феврале следующего года, для чего Общим губернским управлением были назначены следователи. Ими было выяснено, что с 17 по 27 декабря ни тайша Дымбилов, ни дежурные заседатели в здании думы не появлялись, но дума охранялась караульными Ольхоевым и Соболевым, а также денщиком Мелентьевым, которые происходили из крещеных бурят хоринского ведомства[81]. За несколько часов до происшествия Юмсунов вместе с другими писарями, письмоводителями и казначеем отмечали Рождество в доме Мелентьева, находившемся неподалеку от Думы. Юмсунов покинул нетрезвую компанию ночью, отправившись в свою юрту за две версты в степи. В думе всю ночь оставались караульные. Во время допросов они сознались, что Мелентьев намеренно увел сотрудников думы к себе на квартиру, где они занялись выпивкой. Когда участники празднества были нетрезвыми и заснули, а Юмсунов вернулся домой, Мелентьев с караульными сначала вскрыли ящик с общественными средствами в сумме около 12-ти тысяч рублей, выкрали их, а после разложили и подожгли поленья в разных кабинетах думы. Когда огонь объял здание, караульные с криками выбили окна, привлекая народ, и упали на землю, притворившись угоревшими от дыма[82].

---

[78] РГИА, Ф. 796, оп. 123, д. 1427. О крещении Главного Тайши 14 родов Хоринских Бурят Дымбылова. Лл. 39-41.

[79] Там же. Л. 46.

[80] ГАРБ Ф. 8, оп. 1. д. 1014. Хоринская степная дума. Опись бывшего тайши Дымбилова за 1848 г. Л. 387 об.

[81] Гирченко сообщает, что своего рода «каникулы» персонала думы в период до и после Рождества был обычным явлением. См. Гирченко. Хоринские «происшествия» и православная миссия. С. 121.

[82] ГАРБ Ф. 8, оп. 1. д. 1014. Хоринская степная дума. Опись бывшего тайши Дымбилова за 1848 г. Л. 384 об.

Несмотря на уничтожение пожаром улик, следователи не могли не обратить внимание на курсировавшие в хоринской степи слухи о намеренном поджоге думы тайшой Дымбиловым. Сам главный тайша в своем объяснительном письме архиепископу Нилу жаловался, что его противники из «ламской партии» при думе воспряли духом, созывают сугланы, на которых прямо обвиняют его в намеренном поджоге. Его «христианствующие» последователи, напротив, погрузились в уныние[83]. Дымбилов, как и прежде надеялся на деятельную поддержку Нила и закрытие дела, поскольку пожары в присутственных местах в те времена были обычным явлением. Однако этот инцидент многими рассматривался в контексте других многочисленных правонарушений тайши, и слухи о намеренном поджоге не утихали. Таким образом, расследование продолжалось, и в деле стали вскрываться новые обстоятельства.

В разгар следствия недалеко от квартиры, где проживал главный следователь Языков, был подброшен чулок с кредитными билетами в размере 4602 рублей. По горячим следам было выяснено, что выкраденные из думы деньги хранились в разных местах, и часть ее была подброшена братом Дымбилова бывшим ламой Алексеем Ямановым или с намерением отвести от себя подозрение, или с целью в будущем смягчить наказание[84]. Цепочка признательных показаний в конце концов привела следствие к тайше Николаю Дымбилову, который под напором свидетельских показаний был вынужден признаться, что участвовал в разработке хитроумного плана хищения средств. Удивительно, что тайша не позаботился даже вынести из здания большую коллекцию материалов по обычному праву хоринских бурят, которую собирал годами[85]. Авантюра Дымбилова стоила хоринскому ведомству больших расходов, что Иркутское губернское правление уже не могло оставить без внимания, как прошлые злоупотребления Дымбилова. Следственное дело было передано в военный суд, и в 1852 году было вынесено решение «подсудимого Дымбилова, за сожжение здания Хоринской Степной Думы, похищение из оной казенных денег и ложные донесения Начальству о причине пожара, лишить чинов, золотой медали и всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на двадцать лет»[86]. Каких-либо сведений о пребывании его на каторге исследователями не найдено. Вероятнее всего, на каторжных работах опальный тайша и закончил свой жизненный путь. Сообщники Дымбилова были наказаны каторгой в Нерчинских рудниках, ударами лозами и заключением под арест, в зависимости от степени

---

[83] Гирченко В. Хоринские происшествия 1848–49 годов и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 121.

[84] ГАРБ Ф. 8, оп. 1. д. 1014. Хоринская степная дума. Опись бывшего тайши Дымбилова за 1848 г. Л. 389 об.

[85] Гирченко В. П. К истории бурят-монголов — хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1–3. С. 18.

[86] РГИА, ф. 383, оп 5, дело № 4387. По разным предметам прошения главного тайши 14 Хоринских родов Забайкальских бурят, Есаула Николая Дымбилова. Л. 139.

причастности к преступлению[87]. Для возмещения урона ведомству имущество Дымбилова было распродано на аукционе[88].

Духовный наставник Дымбилова протоиерей Стуков в своих письмах к архиепископу писал: «человек, на которого высшее правительство излило необычайные милости и щедроты и богатство которого изумляло всех, по алчности своей дерзнул ограбить самым преступным образом казну»[89]. Миссионер сообщал, что большинство его бывших приверженцев из числа бурят отворачиваются от него и обращаются к ламам и умолял архиепископа своим авторитетом спасти тех немногих, которые остаются преданными христианству[90]. Он был уверен, что приход к власти в Хоринской думе пробуддийской группы родоначальников во главе с представителем прямой линии Болтрикова Тарбой Жигжитовым будет означать полный крах делу миссии в Забайкалье. Сам архиепископ Нил, в отличие от Стукова, считал, что утверждение «ламаита» Жигжитова в должности главного тайши будет менее разрушительным для дела миссии, нежели чем деятельность христианина Дымбилова. В одном из писем он так выговаривал Стукову:

> …вы, отец, кидаете нам в глаза Жигжитова, а чудовищный Дымбилов проходит у вас сквозь пальцы… Вы из-за него, хваленного вами Дымбилова, распинались, а теперь распинается христос (так) и все хоринское христианство[91].

По всей видимости, потрясение Стукова от преступления Дымбилова было мнимым. Следствие располагало сведениями, которые позволяли обвинить миссионера в участии в планировании поджога думы. Вскрывшиеся обстоятельства шокировали губернские власти. Выяснилось, что еще до пожара на одном из заседаний думы Стуков добивался от родоначальников подписаться под приговором, в котором они еще до того, как преступление было совершено, заблаговременно должны были отвергнуть подозрения в намеренном поджоге и краже денег. По данным следствия, Стуков оказывал давление на свидетелей и указывал им, какие показания они должны были давать следователям[92]. Иркутский генерал-губернатор Николай Муравьев сообщал в официальном письме архиепископу Нилу, что следствие располагало письменными доказательствами, что Дымбилов и Стуков с самого начала находились в заговоре, планируя поровну поделить общественные средства, хранившиеся в думе. Хоринский миссионер, по версии следствия, фактически руководил всей операцией. Это же подтверждал в своих показаниях и сам Дымбилов[93]. Губернские

---

[87] ГАРБ Ф. 8, оп. 1, д. 873 Материалы расследования по поводу поджога Степной Думы тайшой Ринчин-Доржи Дампиловым и др. лицами 1839–1857 гг. Л. 251.

[88] Там же. Л. 83.

[89] Гирченко В.П. Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 121.

[90] Там же. С. 122.

[91] Там же.

[92] Там же.

[93] Там же.

власти, однако, решили в конце концов «повесить» все обвинения на хоринского тайшу и прочих крещенных «инородцев», тогда как Стуков проходил по делу лишь свидетелем и был отстранен от должности только в 1849 году. Архиепископ Нил, по чьей инициативе Стуков был отправлен в хоринскую степь, в своем донесении Синоду не стал распространяться о подозрениях следователей в прямой причастности Стукова к преступлению, объяснив его отстранение от должности миссионера небрежным исполнением своих обязанностей:

> Кульской церкви Протоиерей Константин Стуков введен в соприкосновенность к следственному делу о сгорении Хоринской Думы и вместе с тем поставлен в столкновение с разными властями и лицами того ведомства, оглашен в притязаниях за требоисправления и в нетщательном исправлении Священнических своих обязанностей. А чрез сие самое нравственное его влияние ослабло и в будущем теряется надежда на успех Миссионерских его действований.

Понимая, что дело миссии в хоринских степях полностью провалено, архиепископ изливал свое раздражение на Стукова, которого обвинял в потворстве Дымбилову, забывая при этом, что сам нес значительную долю ответственности за преступления злополучного тайши. Как отмечает Гирченко, Нил отлично понимал, что их совместные со Стуковым усилия были настолько скомпрометированы как в среде бурят, так и в глазах чиновников иркутской администрации, что о крещении забайкальских бурят приходилось забыть, по крайней мере на ближайшие годы. Вероятно, это было одной из причин его перевода в 1852 г. в Ярославскую и Ростовскую епархию[94].

Вина Стукова следствием так и не была доказана, поскольку показания свидетелей и обвиняемых против него были признаны недостаточными. Вскоре он был переведен на место протоиерея в Чите. Несмотря на неприязнь к миссионеру, иркутские чиновники, очевидно, не желали в его лице окончательно компрометировать российскую власть. После вынесения приговоров, буряты хоринского ведомства провели выборы и представили к утверждению губернского начальства лидера «ламской партии» Тарбу Жигжитова[95]. Этим дело Дымбилова было закончено.

Заключение. Несмотря на деморализацию сторонников крещения бурят-ламаитов, Дымбилов, конечно же, не стал последним крестившимся бурятским тайшой, а дело православной миссии среди бурят было далеко от своего завершения. В 1857 году в Иркутске состоялся ритуал крещения тайши Тункинской степной думы Заигея Хомакова и его сына Дамбы, которые до обращения числились «ламаитами»[96]. Еще десятилетие спустя православие демонстративно

[94] Интерес Нила Исаковича и Константина Стукова к буддизму отнюдь не исчез. Оба в последующие годы продолжали публиковать труды по данной тематике.

[95] Бурятские летописи 2022. С. 79, 157.

[96] Шагжина З. А. Миссионерская деятельности среди бурят Тункинского ведомства в XIX веке. // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы международной научно-практической конференции (29.01.2015 — 30.01.2015, Улан-Удэ). Научный редактор: Г. С. Митыпова, — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2015. — С. 228-235: 231.

принял аларский тайша Николай Матханов, насильно заставивший креститься множество подведомственных ему бурят[97]. В обоих случаях «воспреемниками от купели» выступили представители монаршьей фамилии — император Александр II и Великий князь Владимир Александрович. С учреждением в 1870 г. Православного миссионерского общества под патронажем императрицы Марии Федоровны христианизация «инородцев» в Восточной Сибири получает новый импульс. Общество взяло на себя расходы по деятельности Забайкальской духовной миссии, которая за период с 1868 по 1892 гг. в три раза увеличила число крестившихся в христианство бурят[98]. Однако формальный подход к крещению и погоня за цифрами отнюдь не укрепляли позиции православия в регионе, но напротив способствовали консолидации буддийской идентичности бурят. Активизация миссионерского дела в Иркутской губернии была связана и с назначением на архиепископство в Иркутске Вениамина Благонравова, верного продолжателя дела отца Нила Исаковича по борьбе с буддизмом. В своих ярких публицистических памфлетах Вениамин настойчиво проводил идею о том, что неуспех миссии в Забайкалье и прочные позиции буддизма в бурятской среде обязаны отсутствию взаимопонимания и сотрудничества между чиновниками и миссионерами. Он прямо обвинял некоторых высокопоставленных губернских функционеров в покровительстве буддизму и сознательном противодействии делу миссии[99]. Вениамин, как и Нил до него, не понимал, что сам факт вовлеченности государства в дело христианизации более всего вредил миссионерским усилиям. Дело Дымбилова убедительно демонстрировало, что заинтересованность в крещении хоринского тайши со стороны высших государственных сановников открыло перед ним большие перспективы укрепления личной власти и обогащения, в течение некоторого времени обеспечивало ему иммунитет от преследований местных властей и давало конкурентные преимущества перед соперниками в лице других знатных бурятских сородичей. Такие же корыстные интересы могли иметь и миссионеры, вовлеченные в резонансные акты крещения инородцев, как это показывает пример протоиерея Стукова. Движимый исключительно идеей продвижения христианства архиепископ Нил во имя ее осуществления покрывал преступления своего подопечного и тем самым фактически оказался главным ответственным за компрометацию христианской миссии в среде забайкальских бурят. Будучи

---

[97] Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. — начале XX в.: трансформация идентичностей. С. 106-107.

[98] Schorkowitz, Dittmar. The Orthodox Church, Lamaism, and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925. In: Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ed. by R. Geraci and M. Khodarkovsky. Cornell University Press. Ithaca and London, 2001. C. 212.

[99] Schorkowitz, Dittmar. The Orthodox Church, Lamaism, and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925. In: Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ed. by R. Geraci and M. Khodarkovsky. Cornell University Press. Ithaca and London, 2001. C. 213.

инструментом колониальной политики, христианская миссия не могла избежать вовлечения в политику на местном уровне и в связи с этим часто лишалась морального авторитета как в глазах губернских чиновников, так и в среде «инородцев».

Такие миссионерские проекты, как крещение хоринского тайши Дымбилова, представляли собой запутанный клубок сложных интересов разнообразных его участников, таких как конкурирующие «инородческие» фамилии, группы ранее крещеных «инородцев», буддийские монастырские круги, епархиальное начальство, миссионеры и священники на местах, чиновники уровня уездов, областей и губерний, министерские функционеры, академические исследователи, столичные идеологи и члены правящей императорской династии, включая самих монархов. Православные власти стремились установить господство православного христианства в империи через подавление «язычества», высшая имперская власть стремилась к созданию однородного в религиозном отношении общества, местные клерки в первую очередь были озабочены стабильностью в регионах, крещеные старались преодолеть маргинальность своего положения, родовые старшины желали усилить свое влияние на подведомственное население, а неправославное и нехристианское духовенство сохранить позиции своих вероисповеданий. В этой системе каждая сторона преследовала свои интересы, и в некоторых случаях столкновение этих интересов могло приводить к таким негативным последствиям для дела миссии, как в случае с Николаем Дымбиловым.

Цыремпилов Н. В.,
доктор исторических наук,
профессор Назарбаев Университета
(Астана)

8. Заказ 9705

Киданьский Ренессанс

Кочевники создали настолько оригинальную цивилизацию и настолько отличаются от оседлых обществ, хорошо знакомых и изученных, что вполне закономерно встает вопрос, а можем ли мы применять такие термины как «цивилизация» и «возрождение» к их «ордам» и «бандам»?

Идею ренессансов на Востоке активно продвигал академик Н. И. Конрад, выдвинувший в 1950-е гг. идею создания всемирной, универсальной и цельной истории литературы. Его поддерживал А. Тойнби заметивший, что некоторые из «моделей» («закономерности, единообразие и повторяемость»), в частности, именно возрождение, «повторялись в прошлом много раз».

Сравнение общего и особенного в истории различных европейских и азиатских ренессансов позволяет говорить о том, что «возрождение» — это, практически, *особенность развития культуры* в целом. Когда общество попадает в ситуацию выбора, трансформации, «стресса», неопределенности, интервенций любого рода и т. п., оно обращается в поисках ответа на возникающие вопросы, прежде всего к прошлому. Культура начинает изучаться как история культуры. Каждая цивилизация имеет свою систему понятий, свой язык и складывается он в начале ее истории. Если учесть, что ни одна цивилизация не развивается в изоляции и периодически испытывает на себе интервенции извне, не только и не столько военные, сколько культурно-идеологические и экономические, то, противостоя им, она должна выставлять «навстречу» некий «щит» в виде непротиворечивой и популярной системы философско-религиозных и социально-политических идей. Вдохновение и основу она ищет в своем «героическом» («золотом») веке — времени славы и складывания базовых архетипов, времени некоей социальной гармонии.

Внешне Возрождение выглядит как форма культурного процесса, обращение к культуре «позавчерашней», через голову культуры «вчерашней», с целью формирования культуры «сегодняшней» и особенно «завтрашней».

Термин непосредственно связан с понятием «renovatio», происходящим от латинского «re-novo, avi, atum, are» (возобновлять, восстанавливать, воскрешать). Renovatio в применении к человеку в отдельности или обществу в целом

* Статьи Геннадия Пикова о киданях см. в №2 2017, №2, 3 2026 *(прим. ред.)*.

означало возвращение в состояние «до грехопадения», в «Эдем». В этом значении понятие использовалось и в политике (Renovatio imperii Карла Великого, Оттона Великого).

Киданьский Ренессанс — период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй. В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции.

Причины этого культурного расцвета разнообразны.

Можно сказать, что три великих «вызова» спровоцировали образование Киданьской империи и расцвет имперской культуры — культурный «китайский», этнополитический «кочевой» и региональный макроэкономический.

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что речь идет об определенной территории. Одной из обязательных причин любого «ренессанса» является своеобразная определенность («замкнутость») региона как «жизненного пространства», основанная на этнокультурной близости, политико-экономической целесообразности, близости или идентичности социального развития различных социальных и этнических групп. Территория обитания кочевников рассматривалась по обычному праву как их общее достояние («тюркская земля», «киданьская земля»), и пользоваться ею имел право любой представитель этого этноса.

Именно такую определенную зону и представлял собой регион, где возникла киданьская империя. Он фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтирная территория взаимодействия и конвергенции восточноазиатской и кочевой цивилизаций. Именно здесь создавались все классические кочевые империи. С глубокой древности это была зона контактов различных цивилизационных потоков. В этом плане ее можно рассматривать как историко-культурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации. Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, и располагавшихся от Трансоксании на западе до российского Приморья на востоке. Это была зона необычайно активного этнического смешения, естественно, что она стала и «перекрестьем религий», т. е. зоной религиозного синкретизма. В период существования государств киданей, чжурчжэней и кара-китаев медленно шла интеграция различных племенных объединений и окончательное оформление зоны, что, по сути, стало первой стадией вычленения будущей «Монголии». Если в оседлых районах объединялись культуры, опиравшиеся на древние письменные традиции, то здесь происходило объединение бесписьменных культур, опиравшихся прежде всего на устные традиции.

В хозяйственно-экономическом отношении эта территория может быть отнесена к так называемым маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса — седентаризации и номадизации. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел и особо важной роли скотоводства.

Еще в «древности» (докиданьский период) здесь наблюдаются такие естественные процессы, как демографический рост, усложнение социальной структуры и трансформация этнических массивов из союза кровно-родственных объединений в этнополитические конгломераты. Помимо стремительной конвергенции множества субкультур отдельных родов и присоединенных племен начинается достаточно осознанный процесс искусственного строительства новых культур с ориентацией на китайский образец. Однако в результате появляются два серьезных фактора, которые вступают во взаимное противоречие внутри самой зоны. Во-первых, в новой социально-политической ситуации встретились и вынуждены были вести совместную жизнь разделенные ранее в соответствии с природно-климатической дихотомией северной и южной половин Китая носители разных культур — оседлой и кочевой. Во-вторых, усиливается синизация социальных верхов кочевых обществ. «Ученая» культура ориентируется на строительство нового «мира», и подавляющее большинство населения формирующихся государств становится «безмолвствующим».

Особую роль в оформлении зоны сыграли три великих империи — киданьская, чжурчжэньская и монгольская. Они, насколько это было возможным, нивелировали культурно-религиозные различия оседлых и кочевых народов, и поэтому название стало применяться уже по отношению и к собственно Китаю.

Рядом с древним, исконно китайским «миром», складывается новый, который в соответствии с западной традицией, уже давно и достаточно успешно изучающей этот феномен, можно назвать «pax cidanica». Основатель киданьского государства Елюй Апоки «объединил все тридцать шесть иноземных народов». В этом районе сложилась аналогичная китайской модель «цивилизация — варвары», где в качестве культурного центра выступала именно новая империя. Она создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для своих соседей и заняла особое место в восточноазиатском метарегионе, ибо постепенно кидани начали строить свой «мир» как «тянься» («поднебесный»), занимающий срединное, т. е. универсальное, связующее положение в общей трехчастной схеме миропорядка — «саньцай» (Небо, Человек, Земля), и пытались играть роль «чжунго» («срединного государства») вместо Китая для остальных кочевых народов как четырехчастной периферии («сы и») и даже в идеале всей ойкумены. Для киданьского «мира» характерны замкнутость в политических границах, географическая и климатическая локальность, киданецентризм, т. е. этноцентризм, традиционализм, стабильность и длительность существования, «древность» зарождения, самобытность и оригинальность, уникальность исторического развития, цивилизационно-культурный экспансионизм, привлекательность «имиджа» для других народов, не только «соседних», но и отдаленных, умение «уживаться» с ними, наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось для народа «сдерживающей силой» от преступлений, особое значение литературы и письменности, предельная централизация государства

и особая сила «верховной власти». Все эти факторы говорят о существовании совершенно новой культурно-идеологической ситуации. Кидани создали свой «мир», фактически дочернюю цивилизацию, и в результате название «цидань» закрепилось как название киданьской территории.

Можно выделить три этапа культурного возрождения зоны «цидань»: время киданей, время чжурчжэней, время монголов. Каждый из этих этапов обладает своими особенностями и требует отдельного рассмотрения.

Зона классических кочевых империй стала и своеобразным *треугольником встречи разных цивилизационных интересов*.

Из Китая сюда шли технологии, капитал, квалифицированные специалисты, достаточно развитые коммерческая и материальная структуры.

Маньчжуро-корейский регион был заинтересован в бесперебойном функционировании «окна» в Китай, ориентировался в той или иной степени на китайскую торговлю, культуру, надеялся на военную помощь со стороны региональных структур (киданей, китайцев, бохайцев).

Кидани «предлагали» метарегиону земельные массивы, неосвоенные территории, неквалифицированную рабочую силу, тоже нуждались в общении с Китаем и даже во многом ориентировались на него.

«Квадрат» не закрывался и не превращался в самостоятельную геополитическую и макроэкономическую зону во многом из-за того, что мешала Западная Монголия, тяготевшая к кочевым районам и Сибири. Это одна из причин того, что зона «цидань» не стала ни «Ганзой», активно занимавшейся торговым посредничеством, ни «санкт-петербургским окном» на запад, а осталась «островом», своеобразной «луной» Китая. Она стала эксклавом одновременно и Китая, и кочевников, хотя связи с Китаем очень долго для нее значили больше, чем связи с кочевым миром.

Сопротивление кочевой культуры было почти сломлено, и она «ограничилась» северными и западными районами, но формирование городской экономики на юге приводило к усилению городского населения, прежде всего китайского. Психология этих людей опиралась не только на китайскую культуру, но и на прагматизм и рационализм.

После освоения киданями этой территории на нее стали претендовать не столько южные или западные соседи, сколько восточные. Китай был оттеснен далеко на юг, западные племена по сути проводили политику самоизоляции, что и стало одной из причин стремительно идущего процесса становления государственности и привело к появлению государства Чингисхана. Именно он и замкнет этот квадрат, связав между собой «четыре стороны света».

Все это непосредственно скажется на особенностях развития киданьской культуры и ее «ренессансе».

История культурного подъема при киданях демонстрирует, что его непосредственными предпосылками были политическое объединение зоны «цидань» и взаимодействие ученой китайской культуры с народной киданьской культурой.

Для Киданьского Ренессанса характерна определенная замкнутость в пределах империи. «Ренессансный взрыв» оказался тесно связан с апогеем развития империи. В государстве идут сложнейшие социально-политические и культурные процессы. В этом плане реновационные процессы — один из первых признаков невозможности развития того или иного общества традиционным экспансионистским путем и необходимости его перехода на интенсивный вариант.

Само Киданьское Возрождение есть смысл определять, как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе — китайской культуре как квинтэссенции культуры всего восточноазиатского метарегиона.

Имперский период — особая стадия развития киданьского общества, когда возникает сложная социальная структура и начинают складываться трансрегиональные этнические и социальные группы. Этноним «цидань» начинает обозначать уже всех поданных империи. Жизнь и судьба крупных человеческих организмов подчиняется уже не локальным традициям, а транснациональным интересам и правилам. Начинают вырабатываться такие понятия, как «человечество», «народ», которые постепенно начинают приходить на смену «родам» и «племенам». Естественно, что и в культуре происходят существенные трансформации, усиливается так называемая сакрализация культуры, когда религия выходит на первый план и становится системообразующим фактором. У отдельного индивида не только расширяется культурный горизонт, когда в круг необходимых ему знаний входит информация о других народах и странах, но и он сам поднимается до осознания своей сопричастности к судьбам всей «вселенной». Фактически формируется мощная светская традиция, вырабатываются или используются идеи равенства всех перед Небом или перед императором, мировой монархии.

Образцом «образцовой культуры» для Киданьского ренессанса, как показывает его история, был изобретенный еще в древнем Китае комплекс Чжунго / Тянься (Срединное государство / Поднебесная империя), который фактически и основывался на традиционной для периода зарождения этнических государств идее «избранного народа». В Китае соединилось то, что на Западе оказалось разорвано: этническое понимание «избранного народа» как определенного этноса дополнилось идеей всеобщего и «правильного» мира. Ханьцы, по сути, стали титульной нацией и понесли свою «истину» всем остальным народам, которые в целом вынужденно или добровольно принимают их парадигму. Это характерно особенно для империи Хань, восстановившей при У-ди конфуцианство как господствующую идеологию. Это было, иначе говоря, время зарождения восточноазиатской цивилизации. Это и время апогея китайской имперской идеи, когда появился достаточно четко оформленный вариант империи. Именно к ханьскому опыту преимущественно и обращались кидани. Тем самым, в определенной степени дискредитировались «средневековые» варианты китайских империй (Суй, Тан и даже Сун).

В свою очередь, китайские ренессансы того времени, в эпоху Тан и Сун, служили не только для подгонки собственно китайской «античности» к новым социальным реалиям, но и носили до определенной степени антикочевой и в чем-то даже конкретно антикиданьский характер, что свидетельствует о серьезной информационной войне между оседлыми и кочевыми народами по поводу понимания «древней культуры» метарегиона.

Сам по себе процесс обращения к «истокам» цивилизации оказался достаточно противоречив. «Древнее» наследие — это не китайские города, гарнизоны или хозяйства, а нечто более существенное, хотя и внешне «неуловимое». Это — китайский язык, философская составляющая китайских религиозно-философских систем, китайское право, идея империи и т. д. Киданьские и китайские культурные элементы сочетались достаточно легко, что объяснялось тем низким культурным уровнем, с которого приходилось начинать киданьскому возрождению. «Возрождать» приходилось, прежде всего, те начатки знаний, которые были необходимыми и общими для какой бы то ни было восточноазиатской культуры, кочевой или оседлой — владение языком. В то же время, как это ни парадоксально, одним из последствий этого процесса будет сопротивление «древности» сложившимся и желаемым стереотипам культуры. Применительно к Киданьскому Возрождению это означает рост антикитайских настроений в обществе.

Налицо еще одно существенное противоречие Киданьского возрождения. Его формальным идеалом была киданьская империя, а содержательным — китайская культура. Киданьское возрождение стремилось возродить не столько классическую китайскую древность, сколько китайскую империю. Три великих Елюевича (Апоки, Дэгуан и Шицзун) из всего конфуцианского культурно-идеологического наследия сделали акцент на идее «империи», сведя ее к тому же к феномену личной власти и системе управления. В понимании северян главное в империи ее политическая составляющая — вертикаль власти. Под «варварством» они уже станут понимать децентрализацию и развал государственной машины. Преодолеть это можно было только с помощью идеи «империи» и интернационального языка, каковым сначала выступал китайский язык, но потом все большую роль начнет играть созданный, фактически искусственный, «киданьский» язык. Вдобавок на территории киданей была особая экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать. Можно сказать, что, начиная с киданей, начинается формирование «северного» варианта «империи», что найдет то или иное воплощение в империях Ляо, Цзинь, Юань и Цин. В итоге «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, наравне с китайцами станут и северные народы (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры).

С ними будет связана и теория «трансляции китайской империи». Речь идет не просто о возобновлении некоей китайской государственной традиции, а о духовном Возрождении как возвращении в «первобытное состояние». Именно во

время «киданьского возрождения» в силу особого восприятия истории и превознесения своей собственной культуры у киданей появляется и своего рода представление о «конце истории». Уже кидани будут считать, что создали оптимальную социально-политическую конструкцию и дальнейшая «история» теряет смысл.

«Киданьское возрождение» было тесно связано с военно-политическими и административными задачами, которые стояли перед Елюевичами, стремившимися к укреплению своей власти на всей территории империи, для чего было необходимо подготовить служебно-административные кадры. Налицо тесная связь киданьской культуры с политикой и властью.

Это обусловило реформы в области подготовки многочисленных кадров государственного аппарата. Была создана достаточно развитая система управления, связанная с военными и административными функциями. Она сочеталась с типичной феодально-кочевой практикой управления («кочевые короли», т. е. передвигавшиеся с места на место и тем самым контролировавшие ситуацию в стране): у киданей существовала перенятая от бохайцев система пяти столиц. В империи существовала иерархическая система государственных чиновников, дополняемая традицией передачи должности по наследству.

Состав чиновников Северного правительства пополнялся в основном киданями, а Южного (китайского) правительства — китайцами. При этом чиновниками, благодаря своему происхождению, могли стать представители различных социальных групп, за исключением духовенства, мелких торговцев, а также мясников, врачей, незаконнорожденных, преступников и зависимых людей. Начиная с периода правления императора Шэнцзуна (982–1031 гг.), они могли принять участие в сдаче экзаменов на ученую степень доктора (*цзинь ши*), получив которую, имели право быть избранными на чиновничий пост. Испытание проводилось по двум предметам: поэзии и праву, причем «поэзия считалась основным предметом, а законы — второстепенными». По таблице, составленной К. А. Виттфогелем и Фэн Цзя-шэном, можно подсчитать, что за 30 лет со времени введения экзаменов (с 988 г. и по 1118 г.) степень *цзинь ши* получили примерно 2 тысячи 400 человек. В таком случае бюрократический аппарат центрального и среднего звена империи Ляо должен был насчитывать в первой четверти XII в. около 3 тысяч 600 человек. На одного чиновника накануне гибели империи Ляо приходилось 1055 человек. Сыграла свою роль и Академия Ханьлинь, участниками которой были люди образованные, кидани, не чуждавшиеся китайской учености.

В результате за время «ренессанса» удалось вырастить поколение образованных, энергичных, способных людей, нашедших применение своим знаниям в самых различных сферах общественной деятельности. Это второе поколение Киданьского возрождения — те новые люди, на которых опирались киданьские императоры в своей государственной политике; среди них прежде всего представители знатных родов, до того времени обычно обходившиеся без грамотности.

Все киданьские правители подражают императорам Китая и хотят быть императорами-законодателями и императорами-воинами. Неудивительно поэтому, что в рамках Киданьского Возрождения идет активное обсуждение проблемы идеального правителя, на что повлияла, прежде всего, монархическая форма правления. На обсуждение проблемы идеального правителя, естественно повлияло и восприятие фигуры основателя государства Апоки.

Уже одни только политические проблемы, вставшие перед государством, повлияли на то, что медленно формировалась имперская культура. В империи Ляо на полиэтнической основе вырабатывались новые элементы культуры, отличавшие ее от изначальных культур, составивших империю народов: киданьская письменность; официальная дуалистическая система одежды ляоских чиновников (чиновники Северной администрации во главе с императрицей носили киданьскую одежду, а чиновники Южной администрации во главе с императором — ханьскую); своеобразная система государственных праздников, синкретически соединяющая в себе буддийские и конфуцианские воззрения с древней религией и обрядами киданей; специфическое устройство могильных склепов ляоской знати.

Подражание Китаю как самодостаточной, автаркизованной, замкнутой и «осажденной» многочисленными врагами цивилизации способствовало выработке своей собственной и достаточно ранней идентичности. Особое значение и оформление принимает взаимодействие различных этнических и социальных групп в империи. Базовым здесь становится фактическое представление об «избранном народе». Складывается особый алгоритм социокультурной жизни — гетерономический, когда этнические и социальные группы объединяются вокруг основного этноса.

Есть смысл обратить внимание и на эволюцию самообозначения трех великих империй. Если Ляо — это «серебряная» империя, созданная «своими» представителями цивилизационной зоны («цидань»), то Цзинь, созданная чужими (нючжи), уже «Золотая». Слово «нючжи», «чжурчжэнь» было не самоназванием, а обозначением «непокорного народа». «Юань» как «небесная» империя создана уже «ничьим» народом, т. е. фактически самим Небом (слово «мэнгу» не поддается однозначному толкованию). Не случайно и то, что кидани продолжают сохранять термин «цидань», что, как и в китайской культуре («цинь», «хань»), свидетельствует о совпадении в их сознании понятий «культурный» и «киданьский».

Это и обусловило складывание синкретической «имперской» культуры, в которой «материнская» (киданьская) культура используется небывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер.

Здесь неизбежно возникает еще одно противоречие киданьского ренессанса. Кидани в обоих государствах (Ляо, Си Ляо) пытались сочетать киданьскую и китайскую культуру, которые опирались не только на культурные и ментальные основы, но и на разные «древности». Если на первом этапе («время Цзу

и Цзунов» по терминологии востоковеда XIX в. М. Н. Суровцова, т. е. период правления первых трех императоров) шло, хотя и сложное, но активное освоение культуры метарегиона как китайской, то в дальнейшем эта культура вступила в противоречие с собственно киданьской «античностью», их «золотым веком», когда кидани одерживали свои победы над различными народами, в том числе и над китайцами. К тому же разрушение этнополитической системы на севере империи шло гораздо медленнее, чем складывание имперской структуры, и возникали естественные напряженные отношения между тремя пластами культуры — китайской на юге, киданьской в центре и кочевой на севере и западе.

Существенным признаком переходного характера культуры явилось изменение отношения к человеческим чувствам и эмоциям. Усложняется или даже меняется психология людей, эмоции приходят в конфликт с идеями, становятся «неуправляемыми». Можно сказать и о глубоком противоречии между менталитетом киданей и имперской идеологией. В любом ренессансе наблюдается определенное противоречие между массовой психологией, пусть даже и связанной с ренессансными идеями, и элитарной идеологией, в том числе и реновационной.

Известное развитие у киданей получили география, медицина, живопись, скульптура, резьба по дереву, музыка. Интенсивное строительство этой эпохи известно по многим литературным источникам. В киданьском искусстве, воспринявшем как черты традиционного китайского искусства, так и местные «варварские» традиции, были заложены некоторые основы будущего «монгольского» средневекового искусства.

Киданьский ренессанс проходил в несколько этапов, что в силу служебного его характера объяснялось экономическими и политическими факторами. Первый этап занял первую половину X века — «время Цзу и Цзунов», когда проходила деятельность «отца» Апоки (Тайцзу, 906–926, «начал»), «сына» Дэгуана (Тайцзун, 926–946, «продолжил») и «внука» Уюя (Шицзун, 946–951, «завершил»): «возвышение Тай-цзу было подобно степному пожару. Его дело продолжил Тайцзун», при Шицзуне «военное могущество сохранялось». Решающим было начало десятого века, когда вырабатывалась долгосрочная программа преобразований и начиналась ее реализация. Абаоцзи подчинил своей власти различные племена, и появилась альтернатива: объединение кочевых областей и внешнеполитическая экспансия. Второй вариант был предпочтителен и неизбежен. Для возникающего государства крайне важно было убрать многовековую опасность со стороны опасных соседей, особенно Китая. Кидани уже далеко продвинулись по пути складывания государственности и синизации. Они стали лидерами кочевого мира в борьбе с южным регионом и были уверены в поддержке остальных кочевников. На базе антикитаизма идет организация совместной экспансии кочевых племен, организация культуры и государственности, объединение региона и упрочение территориального организма при сохранении традиций. Кидани пытаются создать общегосударственную синкретическую

идеологию, используя буддизм и сочетая различные варианты (бохайский, китайский, киданьский), но в основе ее четко прослеживается идея «семьи» (улус). Оформляется система Север — Юг.

Время правления Шицзуна — середина цикла — «золотой век», достижение «конца истории».

За этот период были заложены основы системы управления, правовой политики, системы образования, политики в области языка, исторической науки и др. Налицо «возрождение сверху», связанное с сознательной политикой императоров.

Trend завершается, и «правнуки» начинают новый цикл, «они сняли латы и шлемы в женских покоях». Это период правления «ленивых» правителей, «осень» киданьской истории и культуры — время сбора плодов и подведения итогов, время «тучных коров», за которым можно уже разглядеть период «тощих коров». Фактически заканчивается период экспансии и захвата «жизненного пространства», правители «сохраняют» доставшееся им «наследство». Этим правителям «повезло»: «благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства». Это — время все же экзополитарной активности, но и медленной и болезненной трансформации «случайного» государства в империю. Экспансия на юг останавливается, т. к. империя Сун смогла отстоять самостоятельность своего региона. Кидани уже пытаются не захватить Юг, а «открыть» его для активной торговли, для чего совершают регулярные набеги на Китай подобные набегам русских на Царьград (Константинополь). Апофеозом этой политики станет Шаньюаньский договор 1004 г. Север становится малоинтересен киданям: Ляо — полуоседлое государство. Оно отходит от чистой кочевой экономики и «плывет» за счет седентаризации. Паразитический характер государства обусловил его изрядное перерождение в своего рода деспотическое, Ляо была «избавлена» от необходимости переходить до конца на интенсивный путь развития.

Именно в этот период намечается естественный перекос в сторону преобладания не национальной киданьской, а китайской культуры. Особенно «увлечение Китаем» и его рецептами для организации государственного аппарата и регулирования социально-политических процессов заметно для правления Шэнцзуна (982–1031). Он предпринимает попытки изменить сложившиеся семейно-брачные нормы и привести киданьскую систему в соответствие с китайской системой конкубината, разграничив положение главной жены и наложниц, их детей. Но эта новая «китаизация» ограничивалась придворной средой, чиновничеством, частью городских жителей. Контакты большей части рядовых киданей оставались поверхностными и кратковременными. В результате увеличивается противостояние двух секторов культуры — киданьского и китайского, а также двух соответствующих «древностей». Киданьская культура не успела «выбрать» что-то одно или создать их непротиворечивый синтез.

Начинается период стагнации и спада. История государства киданей ничем в этом плане не отличается от истории дальневосточного мира в целом, для которого характерен циклический характер исторической эволюции.

В целом культуру Ляо можно рассматривать как сложное и в известной мере противоречивое сочетание культур племен и народов, населявших империю. С одной стороны это естественный результат их совместного проживания на определенной территории, но с другой — безусловное последствие сознательной культурной политики, проводившейся элитой государства. Именно это сочетание двух факторов и можно именовать киданьским «ренессансом», который не есть простой подъем культуры, а связан с особыми проблемами, с которыми столкнулось киданьское сообщество в начале X в. Ведущая роль при решении этих проблем отводилась культуре киданьских племен, безусловное доминирование которой определялось наличием и потребностями созданной ими империи.

Еще одной особенностью этого ренессанса было то, что осуществлялось также сложное и противоречивое взаимодействие с культурой метарегиона Восточная Азия в целом, представленной китайской культурой, переживавшей тоже ситуацию «возрождения». Влияние китайской культуры усиливалось не только благодаря наличию в империи Ляо большого количества китайцев, но и потому, что именно выработанная в течение многих веков китайская парадигма осваивалась киданями и активно приспосабливалась ими для своих нужд. Развитие ляоской культуры шло не по пути слепого подражания китайским формам и образцам, а по пути переработки их в соответствии с собственно киданьскими традициями и требованиями времени и иной территории, что позволяет говорить о самобытности этой культуры и своем месте в концерте восточноазиатских культур.

Процесс образования империи и формирование общеимперской культуры не сводился к механическому соединению в одно целое разнородных элементов и не был процессом простого заимствования чужого культурного наследия. Это был сложный процесс синтеза различных культурных субстратов и традиций и их трансформации в новую культурную конструкцию, четко отличающую именно культуру киданьской империи. Проходящий под сознательным и энергичным контролем со стороны киданьского общества этот процесс преследовал реновационную по характеру цель максимально бесконфликтного сочетания «древних» и современных культур региона и выработки оптимальной и вечной социокультурной модели. Параллельно этому шел и процесс складывания единого ляоского народа, что отразилось и на этническом самосознании народов, входящих в состав империи. Так, например, восставшие в 1029 г. бохайцы провозгласили не воссоздание прежнего своего государства, а объявили о создании государства Син Ляо.

Процесс сложения единого ляоского народа и формирование оригинальной киданьской социокультурной модели были прерваны чжурчженьским завоеванием, но культура Ляо нашла свое отражение не только в клонах киданьской империи (Бэй Ляо, Си Ляо), но и в культуре чжурчженьской и монгольской империй.

В итоге действительно можно говорить об особом «духе времени», который формирует «модель культуры». Иначе говоря, «Киданьский ренессанс» — это одновременно и эпоха, и тип культуры, и культурное движение.

Анализ киданьских и китайских исторических текстов позволяет сделать четкий вывод о том, что именно реновационный характер киданьской культуры способствовал достаточно массовому созданию культурных ценностей внутри государства, активному участию этих ценностей в создании и регламентации деятельности имперских социальных институтов, оказывал определенное влияние на темпы и направление развития народов и племен внутри страны, развитию международных коммуникаций, ретрансляции созданной в культурных центрах информации, цивилизационно-культурному экспансионизму и, в то же время, складыванию привлекательного «имиджа» имперской культуры для других народов, не только «соседних», но и отдаленных. Постепенно происходит ассимиляция «древней» культуры и создается «правильное» представление о ней. В культуре складываются единая картина истории, единая система времени, развитая символика. На практике обязательно наблюдается и характерное для любых ренессансов противостояние т. называемых «аристократической» и «народной» культур. Достаточно четко выделяется чиновная и культурная элита, генерирующая идеи развития, влиявшая на уникальность исторического развития киданей и их государств, отстаивающая самобытность и оригинальность киданьских культурных представлений и традиций и их близость, противопоставляя в чем-то их культурам остальных народов и особенно цивилизаций. О том, что в государстве возрастала потребность в грамотных и широко образованных людях, свидетельствует один из указов императора Муцзуна: «Всякого способного человека, которого можно употреблять на службе, приближайте и назначайте на должность, невзирая на разряд [чинов]! Состарившихся и ослабевших людей возвращайте домой [т. е. увольняйте со службы] и кормите их, выдавая жалование!». Одновременно налаживалась связь идеологии и психологии: идеология в той или иной степени уже была «рассыпана» в традициях, обычаях, языке, морали, способах мировосприятия и миропонимания, поэтому каждое общественное событие широко обсуждается во всем обществе.

Культурная деятельность элиты предопределила существование феномена киданьского ренессанса как крупного расцвета культуры, включающего диалектическое взаимодействие народной ментальности и таких сфер «высокой» культуры, как письменность, литература, право, философия истории. Предпосылкой стало уже само выделение династии. Род Елюй победил, ибо сделал акцент не на подчинении Китаю и не на борьбе с ним, а на строительстве своего мира («не хуже китайского»), но иного. Аналогия этому видится в «translatioimperiiromanorum» франками периода Каролингов. Как в Европе, так и в Восточной Азии «варвары» как бесписьменные народы берут на вооружение южную имперскую модель. Китай уже не может объединить всю зону и впервые после хунну выделяются новые претенденты — уйгуры, тюрки, кидани.

Кидани стали претендовать на превосходство своей культуры над другими.

Апоки прямо заявил, что киданьское «не хуже китайского». Тем самым наносился мощный информационный удар по идеям Чжунго и Тянься. Не удивительно, что кидани стали проводить служебную культурную политику, по сути, направленную на смену синоцентризма на киданецентризм. Уже в танской культуре, например, в стихах Ду Фу, виден четкий антикиданизм. В культуре и политике династии Сун дихотомия Север — Юг выходит на первый план. Это продлится до XX в., когда начнется борьба с Японией, потом с русскими как «северными варварами», в последнее время, похоже, со всем остальным миром, прежде всего с США, хотя это и принимает характер не противостояния, а соревнования.

На характер ренессанса не мог не повлиять и один из парадоксов киданьской культуры. В Европе «империи», например, классическая Каролингская, интравертны, замыкаются в границах, а «мировые» культуры, развивающиеся в них, экстравертны и агрессивны и стремятся распространиться на всю ойкумену. Киданьский ренессанс не нуждался в «возрождении» или стимулировании какой-либо культуры или, напротив, сдерживании ее. Задача была в непротиворечивом синтезе восточноазиатской ментальности и имперской модели. То, что появилось в результате, стало быстро и широко известно за пределами государства. Ее понимали и потому, что в ней широко использованы ценности всей восточноазиатской культуры. Кочевая культура, особенно в пределах Восточной Азии, полностью законченная. Тюркам в тех регионах, куда они уходили, приходилось создавать синтезы с аврамическими культурами (ислам, православие, Румский султанат, Османская империя). Здесь такой необходимости не было, хотя ханьская интерпретация восточноазиатского культурного комплекса тоже была востребована.

О популярности этой модели свидетельствует уже то, что чжурчжэни практически полностью скопировали ее. Она развивалась в геометрической прогрессии, а социально-экономическая модель — в арифметической — отсюда и определенные противоречия между ними.

У ренессанса в соответствии с его задачами неизбежны этапы:

1) политическое объединение, когда оформляются необходимые политические идеи (империя, независимость, политическое равноправие);

2) экономическое объединение — строительство городов, изучение ремесел, торговая война с Китаем, меркантилизм, протекционизм;

3) культурное объединение — использование культурного опыта других стран, но с фильтрацией, приглашение учителей, разработка международного языка (киданьское письмо) и системы образования (Ханьлинь);

4) юридическое закрепление.

Разумеется, речь идет об акцентировании на той или иной задаче, все эти процессы неизбежно идут на всем протяжении истории, сравнительно комплексно и полноценно. Культура — не набор «достижений», а программа. Экономика — форма взаимодействия с окружающей средой. Политика — соучастие в управлении пространством. Здесь не может быть дроби, а существует триединство,

хотя нужно видеть одновременно, что это процесс со своими взлетами, падениями, зигзагами.

Культурная политика была узкой и элитарной. Мы не случайно судим о развитии ляоской культуры по примерам, связанным с деятельностью правительства. Это и предопределило эффект «безмолвствующего большинства», «темноты масс» для большинства населения. Однако стоит добавить, что речь идет не только о простонародье, но и о средних слоях общества. Грамотность знати и аристократии не нужна, ибо они обучаются на конкретных примерах своих предшественников и родителей, усваивают соответствующие обычаи и традиции. Это обучение идет по принципу «делай, как я». «Знания» как владение не только традициями и навыками, но и письменного языка, литературы, права, текстов, рецептов иноземных элит нужны только тогда, кода решаются внеэкономические и надэтнические проблемы. При капитализме это связано и с городской экономикой. В те времена знания, с одной стороны, являются итогом развития ментальной культуры, но, с другой, в условиях многослойности и мультикультурности общества, ростом значения метарегиональных процессов, они пополняются за счет внешних культурных источников.

Кидани стали невольно, а при последних императорах и вполне осознанно, хотя оснований становилось все меньше и меньше, свысока смотреть на другие культуры.

Краткий список литературы

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М.: Наука, 1979.

История Железной империи. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007.

Пиков Г. Г. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры // Пиков Г. Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск, 2002. С. 120-143.

Пиков Г. Г. Киданьская элита в историческом контексте (907–218). Новосибирск: Издательство ООО «Манускрипт», 2016.

Пиков Г. Г. Кочевая империя Ляо (907–1125). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. Т. 2. Социокультурные аспекты.

Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949.

Геннадий Пиков,
доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Приобрести журналы «Байкал» и «Байгал» и подписаться на них
вы можете по адресу: г. Улан-Удэ, ул Каландаришвили, 23, каб. 16, тел. 21-50-52

Подписано в печать 04.09.2026 г.
Дата выхода в свет 18.09.2026 г.
Формат 70 x 108 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура PT Sans, PT Serif. Печать офсетная
Объем 11,2 усл. печ. л.
Тираж 500. Заказ № 9705
ГАУ РБ «Издательский дом „Буряад үнэн“»
670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 23
e-mail: unen@govrb.ru, baikalsoiol@yandex.ru
Страница на сайте burunen.ru
телеграм-канал https://t.me/baikal_mag

Отпечатано в ООО «Репроцентр+»
Адрес: г. Иркутск, ул. Сергеева 3/1
Тел.: +7 (3952) 540-940